

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. КУРБАНОВ

**КОНФУЦИАНСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ
«КАНОН СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ»
В КОРЕЙСКОЙ ТРАКТОВКЕ**

**Корейское восприятие универсальной категории
«почтительности к родителям»**

Издательство Санкт-Петербургского университета
2007

ББК 83.3(5Кор)+63.3(5Кор)
К 93

Рецензенты: д-р ист. наук *Е. И. Кычанов* (С.-Петербург. филиал Ин-та востоковедения РАН); д-р ист. наук *М. Е. Кравцова* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Курбанов С. О.

К 93 Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 280 с. ISBN 978-5-288-04321-5

Издание содержит первый в отечественном востоковедении перевод на русский язык конфуцианского классического «Канона сыновней почтительности» (корейское издание XVI в. в двуязычной китайско-корейской редакции) и анализ текста памятника, а также ряд корейских памятников письменности XII – начала XX в., в которых отражена трансформация представления о «почтительности к родителям» в Корее. Впервые ставится вопрос об особой роли категории «почтительности к родителям» (*сяо/хё*) как универсальном регуляторе отношений в корейском обществе.

Для востоковедов и всех интересующихся культурой и общественной мыслью Дальнего Востока.

ББК 83.3(5Кор)+63.3(5Кор)

Исследование выполнено при поддержке Академии Корееведения
(Academy of Korean Studies 2003 г.), Республика Корея

Korea Foundation

한국국제교류재단

Книга издается при финансовом содействии Корейского Фонда
(Korea Foundation), Республика Корея

ISBN 978-5-288-04321-5

© С. О. Курбанов, 2007
© Издательство С.-Петербургского
университета, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.	5
<i>Часть первая. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ХЁ (孝)</i>	9
1. «ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ КАК СТЕРЖНЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.	—
2. СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ»	13
3. ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ: ГРАНИ ВОСПРИЯТИЯ.	21
4. ВЕРА В ДУХОВ ПРЕДКОВ И ЦЕРЕМОНИИ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ В КОРЕЕ КАК БАЗОВАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КАТЕГОРИИ ХЁ.	28
4.1. «Традиционные» корейские представления о загробной жизни и духах предков.	29
4.2. Типы и порядок совершения церемонии «жертвоприношений» духам предков.	35
4.3. Сущность церемонии кормления духов предков.	40
4.4. Влияние церемонии кормления духов предков на культуру Кореи и категория «сыновней почтительности» хё.	42
<i>Часть вторая. КОНФУЦИАНСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ «КАНОН СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ» В КОРЕЙСКОЙ ТРАКТОВКЕ.</i>	45
1. ОБ ИЗУЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ О КАТЕГОРИИ ХЁ (孝) В РОССИИ И КОРЕЕ.	46
2. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解).	48
2.1. История издания «Хёгён онхэ» (孝經諺解).	—
2.2. История появления канона «Сяо цзин» (孝經) и проблема его аутентичности.	50
2.3. Структура «Хёгён онхэ».	54
2.4. Об особенном в тексте «Хёгён онхэ».	56
2.5. Особенности терминов и понятий в двуязычном тексте «Хёгён онхэ»	58
3. ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК И КОММЕНТАРИИ К КАНОНУ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解).	62
.	89
4. ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ В КАНОНЕ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解).	—
4.1. Определение категории хё в «Канонической главе»	98
4.2. Определение категории хё в главах «Комментариев»	—
<i>Часть третья. ТЕОРИЯ СЯО/ХЁ В КИТАЙСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ КОН-</i>	

ФУЦИАНСКОЙ КЛАССИКЕ.	115
1. КАТЕГОРИЯ СЯО/ХЁ (孝) В КОНФУЦИАНСКИХ КАНОНАХ «ЛУНЬ ЮЙ» (論語), «МЭН-ЦЗЫ» (孟子), «ЧЖУН ЮН» (中庸).	116
2. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКОМ КОНФУЦИАНСКОМ ПАМЯТНИКЕ «МЁНСИМ БОГАМ» (明心寶鑑).	132
<i>Часть четвертая. ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ ТЕКСТАХ XII – НАЧАЛА XX в.</i>	139
1. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ЭПОХИ КОРЁ (X–XIV вв.)	–
1.1. Биографии почтительных детей в «Самгук саги» (三國史記. «Ис- торические записи Трёх госу- дарств»).	
1.2. Сочинение XIII–XIV вв. «Хёхэннок» (孝行錄. «Записи о деяниях почтительности к родите- лям»).	140
2. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В ТРАКТАТЕ «САМГАН ХЭНСИЛЬДО» (三綱行實圖).	144
2.1. Краткая история создания и публикации памятни- ка.	145
2.2. Основные особенности представлений о категории хё, отражен- ные в тракта- те.	147
2.3. Об образцовом поведении китайских персонажей ранней древно- сти в рамках категории сяо/хё.	163
2.4. Китайские персонажи эпохи Хань.	181
2.5. Китайские персонажи периодов Троецарствия, Южных и Северных династий и династии Суй.	184
2.6. Китайские персонажи эпохи Тан, Сун, Юань и начала Мин.	191
2.7. Корейские персонажи эпохи Сил- ла.	194
2.8. Корейские персонажи эпохи Корё. Сравнение с биографиями из «Истории Корё» (高麗史) XV	

В.	
2.9. Корейские персонажи эпохи Чо-сон.	
2.10. Основные тенденции изменений в восприятии категории ХЁ (孝). . .	
3. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ	
СЕРЕДИНЫ ЭПОХИ ЧОСОН (XVI–XVII	195
ВВ.)	
3.1. Категория хё (孝) в трактате «Сок самган хэнсиль-до»	–
3.2. Отражение категории хё (孝) в трактате «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (1617).	206
4. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ ПАМЯТНЫХ СТЕЛАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX	
В.	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	231
ИСТОЧНИКИ.	238
ЛИТЕРАТУРА.	240
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ФАКСИМИЛЬНАЯ КОПИЯ КСИЛОГРАФА КАНОНА «ХЁГЁН ОНХЭ». .	249
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПРАВИЛА ДОМАШНИХ РИТУАЛОВ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ, КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ.	275

ОТ АВТОРА

Книга, представляемая на суд читателя, не завершённый «конечный продукт», а лишь одна из частей масштабного исследования, посвящённого выяснению ключевых составляющих корейского общества как *традиционного общества Востока*. Это плод более чем десятилетнего изыскания. Такой длительный период времени, потраченный на исследовательскую работу, объясняется не только сложностью изучавшегося материала, но и занятостью на преподавательско-административной работе, которая не оставляет в достаточном количестве ни времени ни сил для того, чтобы иметь возможность всецело посвятить себя науке.

Интерес к той категории корейской культуры, которая именуется хё (孝) и условно переводится на русский язык не вполне удачным словосочетанием «сыновняя почтительность» или «почтительность к родителям», возник ещё в 1993 г., когда я попал в Республику Корея на *длительную* научную стажировку и впервые имел возможность вести там «самостоятельную», то есть не связанную со «службой на стороннего заказчика» жизнь (до этого были поездки в Южную Корею дважды: в 1990 и 1992 г., но лишь в краткосрочные командировки в качестве переводчика).

Пребывание в удивительной стране Востока – Корее – в качестве «неопределённого в общественном статусе исследователя» оказалось делом весьма непростым: вместо ожидаемого научного сотрудничества с коллегами пришлось столкнуться с полным равнодушием ученых и преподавателей. Тогда я поставил перед собой задачу попытаться найти объективные причины такой ситуации, когда «свободный (от общественных обязанностей и не имеющий определённого социального статуса) ученый» как бы «не замечается» коллегами. В результате длительной аналитической работы удалось составить некую схему, раскрывающую структуру (южно)корейского общества и объясняющую социально-культурные связи его членов. И во главе (или «в центре») всей схемы оказался культ предков и категория «почтительности к родителям». Схема была достаточно проста и эффективна, потому что расставляла «на свои места» и все замеченные мною особенности социального устройства (Южной) Кореи, и все проблемы моего собственного пребывания в Стране Утренней Свежести.

Оставалось «совсем немного»: представить научное доказательство справедливости составленной схемы. И начать следовало с самого начала, то есть обратиться к изучению «сыновней почтительности» хё и культ

предков. Знакомство с корейской научной и научно-популярной литературой привело к пониманию необходимости более глубокого изучения первоисточников, в которых описывается категория «почтительности к родителям». Таким источником в первую очередь является конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» «Сяо цзин» (кор. «Хёгён»; 孝經), который был распространен и, более того, обязателен для изучения в «старой классической» Корее. В 1994 г. я приступил к переводу памятника с древнекитайского языка (то есть с языка оригинала), сопоставляя текст оригинала с переводом текста памятника на современный корейский язык.

1995 год внес заметные коррективы в первоначальный план перевода «Сяо цзина». Профессор южнокорейского университета Тангук госп. Хван Пхэган помог получить копию корейского ксилографа «Канона сыновней почтительности», в котором был представлен китайский текст памятника с небольшим количеством корейских грамматических показателей, облегчавших чтение и понимание текста *оригинала*, а также его перевод на корейский язык XVI в. Получив ценную копию текста, я встал перед необходимостью переводить памятник заново, что и было сделано в 1996–1997 гг. Однако в 1997 г. я стал ответственным за Отделение истории Кореи в Санкт-Петербургском государственном университете, куда перешел на постоянную работу в следующем 1998 г. На протяжении шести лет начиная с 1997 г. практически все время было посвящено созданию полноценной учебной программы (многочисленных курсов лекций) по направлению «История Кореи». Многие из читавшихся курсов создавались впервые. К 2002 г. удалось завершить монографию «Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в.».

И только в 2003 г. я, наконец-то смог на три месяца освободиться от многочисленных педагогических и текущих забот, когда представилась возможность отправиться в научную командировку в южнокорейскую Академию корееведения (한국정신문화연구원), где я получил возможность продолжить работу над темой «почтительности к родителям в Корее».

Изначально, отправляясь в научную командировку в Южную Корею, я планировал вернуться к научному доказательству справедливости «схемы корейского общества», разработанной еще в 1993 г. и построенной на стержневой роли категории «почтительности к родителям» и культе предков. Однако классическая петербургская школа востоковедения, воспитавшая и меня, требует строить все теоретические конструкции на основе

первоисточников, шаг за шагом продвигаясь от более ранних, «фундаментальных» источников информации, к более современным.

Библиотека Академии корееведения содержит средневековые *корейские* тексты, посвященные проблеме категории хё (孝). Прежде чем перейти к доказательству «схемы корейского общества», научная принципиальность требовала обращения к вновь обнаруженным текстам. Работая с корейскими средневековыми текстами, мне довелось сделать неожиданное открытие: оказывается, категория «почтительности к родителям» на протяжении истории Кореи не воспринималась однородно, а имела заметные отличия в зависимости от эпохи, удалось даже выявить определенную тенденцию, закономерность в этом изменении. Так я пришел к пониманию особенностей корейского восприятия универсальной категории культуры – «почтительности к родителям».

Однако «схема устройства корейского общества» все еще оставалась недоказанной. С другой стороны, время пребывания в научной командировке в Республике Корея подходило к концу, уже накопленного материала было достаточно и для издания отдельной книги, посвященной проблеме категории хё, и для того, чтобы с этой темой выйти на защиту докторской диссертации.

Таким образом, 2004 и 2005 г. были посвящены систематизации и сведению воедино всего того научного материала о категории почтительности к родителям хё, который был накоплен за предшествующие годы. Как всегда, обилие преподавательской и административной нагрузки (с 2002 г. я возглавил Центр корейского языка и культуры Восточного факультета СПбГУ) не позволило выполнять поставленные научные задачи достаточно быстрыми темпами. Тем не менее к концу 2005 г. диссертация была представлена.

А в 2006 г., после получения подтверждения о финансовой поддержке из Корейского Фонда (Республика Корея) рукопись книги была сдана в Издательство Санкт-Петербургского университета.

Как правило, в предисловиях принято поименно указывать имена людей или же названия организаций, которые помогли автору в написании и публикации его книги, но я намеренно отказываюсь от поименного перечисления своих коллег, оказавших помощь в написании книги, опасаясь, что по причинам технического характера этот перечень может быть неполным. Хотя, конечно же, это вовсе не означает, что автор книги не помнит всех тех, кто содействовал выходу этой книги в свет.

Часть первая
ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ХЁ (孝)

**1. «ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ КАК
СТЕРЖНЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

У всякой национальной культуры есть свои доминирующие, стержневые, отличающие эту культуру особенности, как бы «пронизывающие» культуру насквозь и обнаруживающие себя буквально во всех ее основных проявлениях.

Для Кореи, как и для большинства стран зарубежного Дальнего Востока, одной из таких базовых категорий культуры является универсальная категория «сыновней почтительности», или «почтительности к родителям». Название категории взято в кавычки по той причине, что оно не отражает полностью всей глубины и многообразия рассматриваемой категории и является всего лишь приближенным переводом на русский язык понятия хё (孝; кит. *сяо*), которое записывается иероглифом 孝¹.

Словосочетание «сыновняя почтительность» в сознании человека – носителя европейской культуры ассоциируется прежде всего с семейными отношениями и особой ролью в них взаимоотношений по линии дети–родители.

В Корее «сыновнюю почтительность» или «почтительность к родителям» понимают несколько иначе. Точнее, другой смысл закладывается носителями корейской культуры в понятие хё (孝).

¹ В Китае, Корее, Японии, а раньше и во Вьетнаме, в письменности использовались общие для всего Дальнего Востока иероглифы – китайские. Записывались они практически одинаково (за редкими исключениями; в Японии и Корее могли использоваться «собственные», японизированные или кореизированные варианты записи иероглифов). Однако читались эти иероглифы в каждой из указанных стран по-разному, в зависимости от фонетического строя каждого из дальневосточных языков.

В Корее и Китае эпохи «классической» древности (для каждой из культур речь идет о разных временных рамках) под *хё* (*сяо*) понималось в первую очередь особое отношение между высшими и низшими, как по линии семьи, так и по линии государства (государь–поданный), школы (учитель–ученик), между старшими и младшими по возрасту и т.п.

То, что категория «сыновней почтительности» была актуальной для Кореи глубокой древности, доказывается тем, что она описана в самых ранних корейских текстах, сохранившихся до наших дней. Сюжеты, связанные с категорией *хё*, можно обнаружить в таких корейских сочинениях, как «Исторические записи Трех государств» – «Самгук саги» (三國史記, XII в.), раскрывающих события корейской истории с I в. до н.э. по X в. н.э., в «Истории [государства] Корё» – «Корёса» (高麗史, XV в.). В них, в частности, представлены жизнеописания тех, кто совершал акты сыновней почтительности *хёхэн* (孝行). В классической средневековой корейской поэзии жанра *сичжо*² (시조, 時調) также воспеваются поступки служения родителям. И все это – лишь небольшая часть свидетельств особой роли категории *хё* в Корее.

Корея, как и все страны Дальнего Востока, отличается особым отношением к собственной истории. Для корейцев история – это не просто некое абстрактное представление о «безвозвратно ушедшем прошлом». Для жителей Корейского полуострова история жива и проявляет себя в современности (отчасти подобное отношение к истории связано с культом предков – см. с. 28–44). Знаками «прошлого в современности» можно назвать многочисленные каменные стелы, описывающие выдающиеся события прошлого, поступки людей – как высокопоставленных особ, так и простолюдинов. Среди таких стел особо выделяются стелы, рассказывающие о деяниях почтительных сыновей или дочерей, совершавшихся в данной местности, – стелы *хёхэнби* (효행비, 孝行碑)³. Такие стелы – предмет особой гордости местных жителей и одновременно служат поучительным примером в назидание потомкам.

² Ли Сонгу. Хангуг-ый хё [李成九. 韓國의 孝. «Корейская почтительность к родителям»]. Сеул, 1987. С. 148–180. Подробнее о корейской поэзии в жанре *сичжо* см. в книге: Никитина М.И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо. СПб., 1994.

³ Например, у деревни Инсан уезда Чинчхон провинции Северная Чхунчхон есть стела, установленная только в 1989 г. и описывающая событие, относящееся к 1784 г. В то время некто Чон Умун пришел в деревню Инсан в поисках лекарства для больных родителей и, пробыв на холме, что расположен недалеко от деревни, около трех месяцев, дождался чудесного появления женьшеня, из которого приготовили лекарство, вылечившее родителей (из материалов фольклорной экспедиции университета Тангук (июнь 1995 г.), в которой автор книги принимал непосредственное участие).

В современной Корее, как в Южной, так и в Северной, вопросу почитительности к родителям уделяется самое пристальное внимание как государством в целом, так и общественностью в частности.

В Южной Корее, например, категория «сыновней почитительности» считается не только частью традиционной культуры, но и важнейшим элементом жизни современной. Свидетельство этого – факт проведения в 1995 г. в Сеуле масштабной международной конференции, объединенной тематикой «Сыновняя почитительность и общество будущего»⁴.

На улицах Сеула нередко можно увидеть лозунги, призывающие граждан страны соблюдать хё, то есть быть заботливыми по отношению к родителям⁵. И, несмотря на то что все это – лишь внешние проявления, доказывающие важность знания и понимания хё, уже только одно это может быть побудительным мотивом к тому, чтобы предпринять попытку более глубокого изучения феномена «сыновней почитительности» в Корее.

Еще в 1995 г. мною был проведен небольшой социологический опрос среди работников крупнейшего сеульского универмага «Лоттэ» (район Согон-дон), посвященный культу предков и отношению к сыновней почитительности. На вопрос о том, что респонденты думают о «сыновней почитительности», был получен однозначный ответ: «Необходимо следовать Пути сыновней почитительности»⁶.

В современной южнокорейской прессе время от времени появляются заметки о заботливых сыновьях или дочерях⁷. Воспитанием заботливого отношения к родителям (효도, 孝道) заняты южнокорейские школы. Вплоть до последнего времени в провинциальных отделах народного об-

⁴ Подробнее см.: Хё сасан-гва мирэ сахве [孝思想과 未來社會. «Идеи сыновней почитительности и общество будущего»]. Сеул, 1995.

⁵ Например, в июле-августе 1995 г. на пешеходном мосту недалеко от восточных ворот университета Ёнсе был выставлен лозунг следующего содержания: «Давайте будем соблюдать Путь сыновней почитительности по отношению к родителям и уважать старших!» (부모님께 효도하고 어른을 공경합시다). В октябре–ноябре 1995 г. на здании Центрального телефонного узла Сеула (проспект Сечжона) можно было увидеть такой лозунг: «Телефонный звонок [родителям] с осведомлением о здоровье – это начало небольшой сыновней почитительности» (문안전화 – 작은 효의 시작이다). В 2003 г. перед въездом в город Кванчжу (провинция Кёнги) была сооружена арка, на верхней части которой была надпись: «Кванчжу – родина сыновней почитительности» (효(孝)의 고장광주).

⁶ Подробнее см.: Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почитительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996. С. 106.

⁷ К примеру, в газете «Чосон ильбо» от 8 октября 1994 г. рассказывалось о дочери, посвятившей свою жизнь заботе о слепом отце и матери, у которой были парализованы ноги.

разования издавались методические пособия, посвященные воспитанию подрастающего поколения в духе хё⁸.

Но все это, можно сказать, «внешние» проявления категории хё в «узком», «повседневном» ее понимании. Не менее интересны и плодотворны попытки проанализировать категорию хё в отдельных явлениях корейской жизни более масштабного характера.

Например, немало южнокорейских ученых связывают категорию хё с феноменом стремительного экономического развития Республики Корея. Известно, что основными движителями экономического роста в Южной Корее стали крупные финансово-промышленные объединения *чэболь* (재벌), как правило, организованные членами одного семейного клана. *Чэболь* эти создавались отчасти по образцу аналогичных японских объединений, называемых *дзайбацу* (иероглифическая запись этих двух терминов одинакова – 財閥). В крупных концернах отношения между хозяином (менеджером) и рабочими строились на основе моделирования семейных, так что хозяин играл роль родителя, а рабочий – сына. Как раз на почве таких отношений проявляла себя категория хё, обязывавшая рабочего-«сына» отдавать все силы во имя процветания хозяина-«отца». Категория хё реализовывалась и на уровне отношений между *чэболь* и государством. Поскольку продолжением хё на государственном уровне является «верность» (чхун, 충, 忠) по отношению к правителю, то соответственно вели себя и крупные предприниматели, часто жертвуя интересами личными во имя государственных. С другой стороны, государство старалось проявлять заботу о своих «подданных», то есть предпринимателях. В результате таких отношений, построенных на хё, достигалась гармония между крупными компаниями и государством, что немало способствовало быстрому экономическому развитию Республики Корея⁹.

Однако не только положительные, но и некоторые негативные, с точки зрения самих корейцев, явления современного южнокорейского общества лучше понимаются, если применить к их рассмотрению категорию хё. В качестве примера можно указать на недостатки системы образования в Южной Корее, которые выражаются в том, что у учащихся сла-

⁸ Кёнгидо кёюк вивонхве. Нэ-га корын чхун, хё, йе-ый киль [경기도 교육위원회. 내가 걸은 충, 효, 예의 길. «Комитет народного образования провинции Кёнги. Путь верности, сыновней почтительности и ритуала, по которому я прошел»]. Кёнги, 1982; *Ким Сонгын*, Пусан синэ чхочжундын хаксэн-ый хё ыйсиг-е кванхан ёнгу [김 성근. 부산 시내 초중등학교의 효 의식에 관한 연구. «Исследование, связанное с сознанием сыновней почтительности у школьников начальной и средних школ города Пусана»]. Пусан, 1977.

⁹ Ю Тхэсу. Югё мунхвакквон-е иссо хё-ва кёнчже пальчжон [劉太洙. 儒敎 文化圈에 있어 孝와 經濟發展. «Почтительность и экономическое развитие в ареале конфуцианской культуры»] // Хё сасан-гва мирэ сахве [孝思想과 未來社會. «Идеология почтительности к родителям и общество будущего»]. Сеул, 1995. С. 548, 551.

бо воспитывается творческое начало, а акцент делается на заучивании того, что определено программой и предложено учителем – «прежде рожденным» (таков дословный перевод слова «учитель» (先生) с корейского, китайского, японского языков). Здесь тоже можно проследить связь между категорией хё и методикой обучения.

Однако, как уже отмечалось, не только в Южной, но и в *Северной Корее* сыновняя почтительность – одна из базовых категорий современной культуры общества. В северокорейских идеологических изданиях начала 2000-х годов все чаще используются такие основополагающие конфуцианские термины, как «сыновняя почтительность» хё (효, 孝) и связанная с нею категория «верности» (правителю, государству) – чхун (충, 忠). Так, например, в одной из работ, посвященной «идеям строительства сильного, процветающего, великого социалистического государства» (사회주의강성대국건설사상), сказано о том, что Ким Ченир проявлял безграничную сыновнюю почтительность и верность (충효심, 忠孝心) по отношению к Ким Ирсену¹⁰.

В новом пхеньянском Дворце пионеров и школьников, расположенном в квартале Кванбок, два крыла здания имеют названия: «Крыло почтительного сына» (효자동) и «Крыло верности» (충성동).

В северокорейских идеях чучхе также можно найти как элементы конфуцианства, так и отражение традиционных отношений в обществе в рамках категории хё¹¹.

Таким образом, современная жизнь Кореи демонстрирует важность изучения и понимания категории хё в самом широком смысле – как универсальной составляющей корейского социума. Тем более Корея периода древности, средневековья и нового времени также может быть и должна изучаться с точки зрения категории хё.

2. СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ»

Корееведение – одна из относительно молодых наук, составляющих отечественное востоковедение. Его история не такая длительная, как история китаеведения или японоведения. Работы, посвященные Корее, стали

¹⁰ Сахвечжуй кансондэгуок консоль сасан [사회주의 강성대국 건설사상. «Идеи построения сильного, процветающего, великого социалистического государства»]. Пхеньян, 2000. С. 13.

¹¹ Подробнее см.: Курбанов С.О. Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. Осень 2001. № 4 (7). М., 2002. С. 58–65.

регулярно выходить в России только со второй трети XIX столетия¹², профессиональное преподавание корейского языка началось в 1897 г.¹³

После Октябрьской революции в истории отечественного корееведения наблюдался значительный спад, обусловленный отчасти причинами объективного характера: в 1910 г. Корея, войдя¹⁴ в состав Японской империи, перестала существовать как независимое государство. К началу 1940-х годов корейский язык был полностью вытеснен из официального употребления в Корее, корейцы были вынуждены заменить свои корейские фамилии на японские. Корейская культура в известном смысле оказалась почти на грани исчезновения. Для владения информацией по генерал-губернаторству Чосон (так называлась Корея с 1910 г.) достаточно было быть в курсе событий в Японской империи.

Только после освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 г. корейская культура получила новый толчок к возрождению. Непростая ситуация на Корейском полуострове, связанная с его разделением на две враждующие части и последующим образованием Корейской Народно-Демократической Республики на Севере и Республики Корея на Юге (в 1948 г.), требовала более глубокого изучения истории, культуры, языка Кореи. Все это привело к возрождению отечественного и мирового корееведения. Тогда же, после 1945 г., началась история советского корееведения¹⁵.

Иными словами, практическая *непрерывная* история отечественного корееведения составляет лишь 60 лет. Поэтому вполне естественно, что многие вопросы корейской истории, историографии, культуры оказались

¹² Об истории отечественного корееведения см.: *Концевич Л.Р.* История российского корееведения // *Корееведение: Избранные работы.* М., 2001; *Зенина Л.В.* Ученый. Учитель. Человек. Гражданин. 120 лет со дня рождения Николая Васильевича Кюнера // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы науч. конф. СПб., 1997; *Курбанов С.О.* Российское историческое корееведение в контексте развития отечественной историографии: (О некоторых трудностях объективного характера) // *Вопросы истории Кореи.* Петербургский научный семинар 2001. СПб., 2002.

¹³ *Васильев А.Г., Рачков Г.Е.* Из истории преподавания и изучения корейского языка в Санкт-Петербургском университете. К столетию начала преподавания корейского языка в Санкт-Петербургском университете и пятидесятилетию основания отделения корейской филологии и истории Кореи в Ленинградском университете // *Вестник Центра корейского языка и культуры.* Вып. 2. СПб., 1997.

¹⁴ Вопрос о характере начального периода японской колонизации Кореи – достаточно сложный, поскольку в то время не все слои корейского общества противились факту вхождения Кореи в состав Японской империи. К тому же с формальной точки зрения в соответствии с названием японо-корейского договора от 22 августа 1910 г. Корея не была «колонизирована» Японией, но «добровольно» «соединилась» с ней.

¹⁵ *Дмитриева В.Н.* Из истории российского корееведения // *Вопросы истории Кореи* 2004. СПб., 2004.

изученными в недостаточной степени. К этой категории лакун можно отнести вопрос исследования средневековых корейских конфуцианских сочинений, рассмотрение ряда проблем традиционной корейской (или «корейзированной») конфуцианской теории и практики.

Говоря о степени изученности собственно категории «сыновней почтительности» («почтительности к родителям») хё (孝), следует отметить, что *российское корееведение* конца XIX – XX в. имело значительные достижения в *комплексном* изучении Кореи, когда в одной работе описывались буквально «все» аспекты, связанные со страной, – от истории и этнографии до «современной» экономики и политики.

Наиболее выдающимся сочинением из комплексных корееведческих работ того времени является трехтомное «Описание Кореи», изданное российским Министерством финансов в 1900 г., оно было переиздано в сокращенном виде в 1960 г. Это издание действительно можно назвать выдающимся, поскольку в нем категория хё (孝, 孝) описывается максимально достоверно: «Идеальное урегулирование этих отношений (то есть отношений между родителями и детьми, монархом и подданным, мужем и женой, между старшими и младшими братьями, между друзьями. – С. К.) должно быть основано на “сяо”¹⁶, что европейцами не вполне точно передается термином “сыновняя почтительность (pietas)” и что конфуцианцами считается первообразом всяких человеческих отношений, так же как семья является первообразом общества и государства. Выражением “сяо” является пять нравственных качеств: доброта, прямота мыслей, безупречность поведения, обладание познаниями, и, наконец, честность, совмещающая в себе любовь, справедливость, снисхождение, мудрость и доверие».¹⁷ Таким образом, согласно дореволюционным российским представлениям о категории хё (孝, 孝), это категория *традиционной конфуцианской* культуры, универсальная по сути и регулирующая все основные отношения в обществе.

Упомянутый выше вынужденный перерыв в развитии отечественного корееведения, похоже, оказался одной из причин того, что представление о хё (孝, 孝) как универсальной категории корейской культуры было утеряно.

Вплоть до начала 1990-х годов сюжеты, связанные с «сыновней почтительностью» (актами служения «родителям»), описывались, главным образом, в отечественных литературоведческих работах, в которых они не

¹⁶ Очевидно, авторы «Описания Кореи», даже говоря о корейской категории «сыновней почтительности», предпочитали передавать звучание этого термина (孝) в китайской транскрипции «сяо», а не в корейской «хё».

¹⁷ Описание Кореи. Сокращенное переизд. М., 1960. С. 416.

подавались в качестве *самостоятельной* темы исследований. Например, в монографии М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич «Очерки истории корейской литературы до XIV века» в главе, посвященной биографиям (전, 傳), представленным в историческом сочинении Ким Бусика (김부식, 1075–1151) «Исторические записи Трех государств» («Самгук саги», 삼국사기, 三國史記), вкратце затрагивается история почтительного сына Сандока, который, для того чтобы накормить отца и мать, отрезал плоть из своего бедра. Однако в работе М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич биография Сандока не рассматривается в контексте *ряда биографий* о почтительных к родителям детях, но лишь в контексте описания образцовых незаурядных поступков, «втиснутых» в рамки конфуцианских категорий¹⁸.

В книге Л. Е. Еременко и В. И. Ивановой «Корейская литература» в разделе «Немного о прошлом» кратко представляется «Повесть о Сим Чхон» (심청전, 沈淸傳), описывающая поступок девушки, пожертвовавшей своей жизнью ради того, чтобы слепой отец смог прозреть, затем чудесным образом «воскресшей», ставшей «королевой» и в конце концов вылечившей отца (в конце 1950-х годов «Повесть о Сим Чхон» была переведена и опубликована на русском языке¹⁹). Однако в работе Л. Е. Еременко и В. И. Ивановой говорится не о конфуцианском, а о *буддийском* происхождении сюжета повести²⁰. При этом мотивацией поступка героини повести определяется не «почтительность к родителям», а «любовь» к отцу. И, самое главное, сама по себе повесть не является описанием *реального* поступка, а рассказом о «чудесном». Таким образом, с точки зрения авторов книги «Повесть о Сим Чхон» не является иллюстрацией акта «почтительности к родителям» (효행, 孝行).

Особое внимание к «почтительности к родителям» (孝) как некоей *универсальной категории корейской культуры* появилось в отечественном корееведении лишь в середине 1990-х – начале 2000-х годов. Начиная с 1993 г. автор настоящей работы стал более подробно изучать категорию «почтительности к родителям» в Корее, а с 1995 г. – публиковать статьи и выступать с докладами на русском, корейском, английском языках.

В 2000 г. московский кореевед Т. М. Симбирцева выпустила книгу «Корея на перекрестке эпох» из серии «Популярное страноведение», описывающую современную Южную Корею, то, как в этой стране элементы традиционной культуры переплетены с реалиями современной жизни.

¹⁸ Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV века. М., 1969. С. 139–140.

¹⁹ Повесть о Сим Чхон / Перев. Г.Е. Рачкова и Лим Су // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М., 1960.

²⁰ Еременко Л.Е., Иванова В.И. Корейская литература. М., 1964. С. 44–45.

Весьма примечательным и важным следует считать, что свое описание современной Кореи Т. М. Симбирцева *начинает* именно с рассказа о корейских реалиях, связанных с категорией «сыновней почтительности» хё. Как отмечает автор книги, участники международной конференции, проведенной в 1995 г. в Сеуле и посвященной проблеме хё (효, 孝), пришли к выводу о том, что «мудрость и доброта – главное в конфуцианском учении. «Сыновняя почтительность» хё – основа мудрости и доброты. Следовательно, хё – это основа учения. Без нее не может быть ни гармонии в семье, ни стабильности в государстве»²¹ (примерный пересказ части текста из начала «Канонической главы» «Канона сыновней почтительности» – 孝經; подробнее см. с. 65–66). Таким образом, Т. М. Симбирцева высказывает мысль о том, что категория хё – важнейшая для корейской культуры и по своей сути универсальна.

После популярного описания «сыновней почтительности» Т. М. Симбирцева подробно рассматривает в своей книге отношения в семье и затем обращается к вопросу культа предков. Таким образом, в книге «Корея на перекрестке эпох» «сыновняя почтительность» определяется как одна из основ корейской культуры и увязывается с культом предков. Подобный подход к описанию и оценке категории хё (효, 孝) – явление довольно редкое для отечественной историографии²².

Однако в российской востоковедной науке по-прежнему появляются книги, с одной стороны, комплексно описывающие Корею, а с другой – все еще оценивающие «почтительность к родителям» как *частное* явление, относящееся к категории этики, семейных отношений и не рассматривающие хё (효, 孝) как *универсальное* явление, проявляющее себя в самых различных аспектах социальной и экономической, политической сфер²³.

В *Западной Европе* и *США*, как и в России, проблема категории хё (孝) также до сих пор не привлекала достаточного внимания исследователей. Вплоть до настоящего времени «сыновняя почтительность» хё описывалась западными авторами, например Робертом Джанелли или Дэви-

²¹ Симбирцева Т.М. Корея на перекрестке эпох. М., 2000. С. 26.

²² Еще в 1993 г., во время пребывания в Республике Корея, автор настоящей работы высказывал Т.М. Симбирцевой свои соображения относительно особой роли категории хё (효, 孝) в корейской культуре.

²³ Примером подобной работы может служить монография А.Н. Ланькова «Корея. Будни и праздники», в этой книге встречаются и неточные утверждения, как, например, о том, что «в соответствии с конфуцианской традицией любой человек находится в абсолютном повиновении у своих родителей всегда» (Ланьков А.Н. Корея. Будни и праздники. М., 2000. С. 235). Конфуцианский «Канон сыновней почтительности» (孝經), описанию которого посвящена первая часть предлагаемой читателю книги, содержит утверждения противоположного содержания.

дом Прендергастом лишь как *частное этнографическое* явление в рамках изучения корейских семейных отношений, и не более того²⁴. Возможно, здесь проявило себя «узкое», «искаженное» представление о категории хё (孝), распространенное в европейских странах, о котором упоминалось еще в 1900 г. в «Описании Кореи» российского Министерства финансов.

Автор настоящей книги, по крайней мере на данном этапе исследования, осознанно не обращался к *японским* источникам, в которых отражена категория «сыновней почтительности» кё (孝). Это объясняется следующими соображениями.

В корееведческой литературе господствует точка зрения, которой придерживается и автор настоящей работы, что континентальная (китайская) культура проникала прежде в Корею, а уже оттуда в Японию²⁵. Таким образом, воздействие на Корею оказывала только китайская классическая культура, и отдельные элементы этой китайской культуры стали неотъемлемой частью культуры Кореи (как, например, конфуцианство). Японская культура, по крайней мере в период до XIX столетия, не оказывала заметного воздействия на Корею. В корейских первоисточниках, посвященных категории «сыновней почтительности», нет ни одного примера «почтительности к родителям», взятого из японской истории, в то время как в них имеется немало примеров, почерпнутых из истории Китая. Таким образом, можно предположить, что японская теория и практика «сыновней почтительности» не оказала влияния на соответствующие элементы корейской культуры, то есть она неактуальна для рассматриваемой темы.

Что касается доступной *японской* научной литературы, посвященной вопросам категории хё (孝) в Корее, то можно заметить, что японские исследователи изучали эту категорию корейской культуры именно с точки зрения ее универсальности. Однако в 1970–1980-х годах корейская «почтительность к родителям» рассматривалась главным образом в контексте сравнения с японскими реалиями²⁶.

В 1995 г. в южнокорейском университете Корё (고려대학교) была опубликована монография японского кореиста Нарисава Масару, половина содержания которой была посвящена как раз анализу трансформации взглядов на категорию хё в Корее в средние века и новое время, отражен-

²⁴ Janelli Roger L. Ancestor worship and Korean society. Stanford, 1982; Prendergast D. From Elder to Ancestor: Old Age, Death and Inheritance in Modern Korea. Hawaii, 2005.

²⁵ См., например: Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Перев. с корейского; Под ред. С.О. Курбанова. М., 2000. С. 74; Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. СПб., 2002. С. 30–31.

²⁶ См., например: Абэ Ёсио. Ильбон-ый чхунхёрон [阿部 吉雄. 日本の 忠孝論. «Теория почтительности к родителям и верности государству в Японии»] // Тхвеге хакпо (退溪學報. «Научный вестник Тхвеге»). N 15. Сеул, 1977.

ную в корейских памятниках письменности указанного периода. Однако книга была издана небольшим тиражом (она даже не имеет регистрационного номера ISBN), и ее название – «Изучение развития повествовательной литературы эпохи Корё и Чосон» (成澤 勝. 高麗 – 朝鮮 時代 敘事 文學 發展의 研究) – напрямую не говорит о том, что книга описывает именно проблему категории хё (孝)²⁷.

Если говорить о китайских сочинениях, то для изучения корейской категории «почтительности к родителям» прежде всего необходимо привлечение классической конфуцианской литературы. Китайская научная литература о категории сяо/хё (孝) из-за труднодоступности используется в меньшей степени. К тому же следует отметить, что китайские ученые, и это вполне естественно, больше интересуются проблемой «почтительности к родителям» сяо 孝 в своей собственной стране, нежели в соседней Корее.

Гуманитарные науки *Республики Корея* демонстрируют неоднозначное отношение к категории хё (孝, 孝).

С одной стороны, можно говорить о том, что проблема «почтительности к родителям» привлекает к себе самое пристальное внимание общественности в Южной Корее. Однако в большинстве случаев внимание это не связано с научным подходом к изучению данной категории корейской культуры.

Так, в современной Южной Корее имеется большое количество сайтов Интернета, посвященных почтительности к родителям. Но в подавляющем большинстве их содержание сводится к практической информации, необходимой для того, чтобы заботиться о родителях²⁸. Иногда эти сайты знакомят с рассказами о проявлении «почтительности к родителям»²⁹. Но во всех случаях восприятие категории хё (孝, 孝), отраженное на сайтах, ограничено формулой «служения родителям» и не содержит традиционного конфуцианского подхода к этой категории культуры как к универсальной и всепроникающей. Единственный южнокорейский сайт, так или иначе связанный с академическими проблемами, – домашняя страничка протестантской «Академии Пути почтительности к родителям Сонсан» (성산효도대학원대학교)³⁰. Но и здесь основное внимание созда-

²⁷ Нарисава Масару. Корё – Чосон сидэ соса мунхак пальчжон-ый ёнгу [成澤 勝. 高麗 – 朝鮮 時代 敘事 文學 發展의 研究. «Изучение развития повествовательной литературы эпохи Корё и Чосон»]. Сеул, 1995.

²⁸ Домашняя страничка организаторов южнокорейской кампании «За исполнение почтительности к родителям» // www.hyodohaja.com; Домашняя страничка «Люблю маму» // www.onlymom.com

²⁹ Домашняя страничка южнокорейской «Ассоциации хё» // www.hyo.or.kr

³⁰ Домашняя страничка протестантской «Академии Пути почтительности к родителям Сонсан» (성산효도대학원대학교) // www.hyo.ac.kr

телей сайта привлекают скорее не теоретические проблемы хё (효, 孝), а вопросы, связанные с учебным процессом в Академии.

В целом южнокорейские работы последних десятилетий, посвященные проблеме «почтительности к родителям» хё (효, 孝), можно разделить на две большие группы: 1) переиздание комментированных переводов на корейский язык различных памятников письменности, имеющих отношение к категории хё (효, 孝), и прежде всего – «Канона сыновней почтительности» (효경, 孝經); 2) большое количество популярных книг, составленных в форме эссе (수필) и описывающих «почтительность к родителям» как одну из важнейших форм общественной морали. В качестве примеров последнего можно привести книги Пэк Намчхоль (백 남철, 白南喆), Хан Тхэвона (한 태원), Пэ Гапче (배 갑제)³¹.

Академических работ, в которых бы категория «почтительности к родителям» хё (효, 孝) рассматривалась в качестве объекта *научного* исследования, в Республике Корея издается не так много. В этом смысле исключительной публикацией является сборник докладов международной конференции, посвященной категории хё (효, 孝) и проводившейся в 1995 г. Академией корееведения (한국정신문화연구원). Сборник статей «Идеи почтительности к родителям и общество будущего» (孝思想과 未來社會), в котором опубликованы доклады 33 участников конференции, подробно рассматривает эту категорию культуры в самых различных аспектах включая политический и экономический.

Однако указанная публикация в известном смысле исключение из правила, так как большинство *исследовательских* работ, посвященных «почтительности к родителям» хё (효, 孝), ограничиваются работами на соискание ученой степени магистра, которые подготовлены, главным образом, на педагогических факультетах южнокорейских университетов и рассматривают категорию хё (효, 孝) в контексте вопросов воспитания южнокорейских школьников³².

Возможно, подобное не слишком пристальное внимание к *научному* рассмотрению категории хё (효, 孝) в Южной Корее объясняется тем, что далеко не все корейцы считают феномен хё (효, 孝) особым явлением *дальневосточной* культуры. Так, например, в последнее время в Республике Корея появляются публикации, в которых хё (효, 孝) определяется

³¹ Пэк Намчхоль. Хё-ый ёнгу [白南喆. 孝의 研究. «Исследование хё»]. Сеул, 1977; Хан Тхэвон. Хангуг-ый хё-ва хёхэн [한태원. 韓國의 孝와 孝行. «Почтительность к родителям и акты почтительности к родителям Кореи»]. Сеул, 1989; Пэ Гапче. Инсэн-гва хёдо [배갑제. 人生과 孝道. «Человеческая жизнь и Путь почтительности к родителям»]. Сеул, 1998.

³² См., например: Ю Хонсик. Хё кёюк-ыль вихан хё ыйсиг-ый ёнгу [柳洪植. 孝教育을 위한 孝意識의 研究. «Исследование сознания почтительности к родителям для обучения почтительности к родителям»]. Масан, 1987.

как некая общечеловеческая категория, которую можно обнаружить и в южноазиатских, и в европейских культурах (в частности – в христианстве)³³.

Можно предположить, что подобное восприятие хё (효, 孝) объясняется не совсем корректным переводом на корейский язык отдельных фрагментов Библии. Например, заповедь Моисея «Почитай отца твоего и мать твою» иногда трактуется в смысле «исполняй Путь почтительности к родителям» (孝道하라)³⁴.

3. ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ: ГРАНИ ВОСПРИЯТИЯ

В конце XX – начале XXI столетия в Южной Корее стало издаваться большое количество работ как научного, так и научно-популярного характера, где рассматривалась проблема категории «почтительности к родителям» хё (효, 孝), ее роли в прошлом и современном корейском обществе.

Однако понимание сущности хё разными авторами работ весьма неоднозначно. Все существующие взгляды на категорию хё можно разделить на две большие группы: «узкое» представление о почтительности к родителям и «широкое». При этом можно сказать, что оба понимания хё похожи, больших расхождений в точках зрения нет.

Словарное значение слова хё, отраженное в толковых словарях корейского языка, практически всегда представляется как «заботливое отношение к родителям» (부모를 잘 섬기는 일)³⁵. Никаких особых пояснений к этому выражению в большинстве лексических справочных изданий нет. Однако, на наш взгляд, уточнение к этим общим словарным определениям необходимы, поскольку и само понятие «родители», и понятие «почтительного отношения» различаются в европейской и корейской культурах.

³³ Чхве Сонгю. Хёхак чхоннон [최성규. 효학총론. «Общая теория науки о хё»] // Хёхак кэрон [학개론. «Теория хё»]. Сеул, 2001. С. 13–35.

³⁴ Чхве Сонгю. «Сонгён-чжок хё»-ран муосинга [최성규. “성경적 효”란 무엇인가. «Что такое “библейская почтительность к родителям”?»] // Хёхак кэрон [학개론. «Теория хё»]. Сеул, 2001. С. 85.

³⁵ Сэ куго сачжон [새국어사전. «Новый словарь корейского языка»]. Сеул, 1992. С. 2299; Ури маль кхын сачжон [우리말 큰 사전. «Большой словарь родного языка»]. Сеул, 1992. Т. 3. С. 4764. – Интересно отметить тот факт, что и северокорейский толковый словарь современного корейского языка (Хёндэ чосонмаль сачжон. 현재조선말사전. 평양, 1981. Р. 2366) дает точно такое же, слово в слово, определение понятия «хё», что и южнокорейские словари.

Картину наиболее *типичных* современных южнокорейских представлений о «почтительности к родителям» хё (孝) лучше всего отражают сборники эссе, очень популярные в Республике Корея. Один из самых известных сборников такого рода – сборник эссе «Хё» (孝), то есть «Почти-тельность к родителям». Он неоднократно переиздавался в Южной Корее, авторы его – в основном преподаватели известных университетов Республики Корея.

Итак, кто же такие родители? По мнению профессора университета Сунчжон доктора Ан Бёнука – это такие «уважаемые персоны»³⁶, которые родили нас, с любовью воспитали нас. Поэтому совершенно естественно чувствовать по отношению к ним глубокую благодарность, и чувство это должно выражаться в конкретных действиях. Связь между родителями и детьми имеет исключительный характер, позволяющий чувствовать все, что происходит с кем-либо из близких людей на расстоянии. Она настолько крепка, что ни факт того, что родитель или ребенок стал преступником, ни тяжелая болезнь кого-либо из них не способна ее разорвать. И в этом нет ничего особенного; это лишь проявление естественных отношений, свойственных всем нормальным людям³⁷.

Это, однако, лишь небольшая часть того, что соединяет родителей и детей. Связь намного глубже и выражается она в следующей формуле: «Все, что имеет человек, как в плане телесном, то есть руки, ноги, волосы, кожу, а также и жизненную силу – все это получено от родителей». Поэтому следует: 1) беречь свое тело, ибо оно не есть собственность его обладателя, а более собственность создавших его людей, то есть родителей; 2) всячески способствовать удачной реализации своего жизненного пути, с тем чтобы, прославив свое имя, прославить и родителей, а также иметь достаточно средств, чтобы заботиться о родителях в старости или, иными словами, в поступках реализовать свою благодарность за то, что родители дали тело (血肉) и жизненную энергию (氣).

³⁶ Здесь следует пояснить термин «уважаемые персоны» нун (분). В корейском языке существует очень развитая грамматическая система так называемых стилей речи, с помощью которых выражается отношение между людьми разного социального и возрастного положения. Одновременно с такой системой развилась не менее сложная иерархия местоимений. Местоимение третьего лица нун (употребляется так же, и как счетное слово), то есть «уважаемая персона», используется всегда по отношению к человеку, стоящему неизмеримо выше говорящего, к человеку глубоко уважаемому. О родителях в третьем лице принято говорить, употребляя местоимение нун.

³⁷ Ан Бёнок. Чувство почтительности к родителям // Хё [안병옥. 효심. – 효]. Сеул, 1987. С. 23–24.

Такая формула отношения к родителям относится к категории базовых понятий традиционного корейского мировоззрения. Рассуждения о ней встречаются достаточно часто в литературе о «почтительности к родителям» хё (孝) – как в популярном жанре эссе³⁸, так и в специальных научных исследованиях³⁹.

Однако по своему происхождению она является китайской и наиболее четко сформулирована в «Каноне сыновней почтительности» «Сяо цзин» (孝經): «Тело, руки и ноги, волосы, кожа получены от родителей и не осмеливаться разрушать и ранить [это] есть начало почтительности к родителям. Установить свое место в жизни, действовать [согласно] Пути (道), возвысить имя в грядущих поколениях, тем самым прославляя родителей, – есть вершина почтительности к родителям»⁴⁰.

Таким образом, уже на самом первом этапе определения сущности категории хё (孝) мы сталкиваемся с проблемой ее *культурной принадлежности*. Присутствие этой категории в корейской культуре очевидно уже по одной простой причине внимания к проблеме «почтительности к родителям» со стороны современного, по крайней мере, южнокорейского общества, а также по причине обилия соответствующих публикаций. В корейской литературе встречаются утверждения о том, что сама по себе традиция «почтительности к родителям» возникла в Корее до появления конфуцианского понятия хё (孝) (кит. *сяо*). Таким образом, факт заимствования теоретических представлений о «почтительности к родителям» из Китая требует постановки вопроса о том, *является ли категория хё (孝) исконно корейской или она была воспринята из Китая*, попав в Корею одновременно с проникновением конфуцианства.

Считается, что конфуцианство стало проникать на Корейский полуостров по меньшей мере в IV в. н.э. Так, в Исторических хрониках Трёх государств существовавших на полуострове на протяжении большей части первого тысячелетия нашей эры – «Самгук саги» (三國史記) – в летописях королевства Когурё есть запись, сообщающая о том, что в 372 г. там была основана высшая школа Тхэхак (太學) для обучения и воспитания молодежи⁴¹. В ней изучались прежде всего такие конфуцианские класси-

³⁸ Чон Бонгу. Чувство почтительности к родителям // Хё [정봉구. 효도 유감]. Сеул, 1987. С. 152.

³⁹ Ли Сонгу. Корейская [категория] хё [李成九. 韓國의 孝]. Сеул, 1987. С. 12.

⁴⁰ Синьёк Хёгён. Сон Донхо ёкхэ [新譯 孝經. 성동호 譯解. «Новый перевод и комментарии к “Канону сыновней почтительности”» / Перев. и коммент. Сон Донхо]. Сеул, 1986. С. 16.

⁴¹ Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / Изд. текста, перев., вступ. статья и коммент. М.Н.Пака. М., 1995. С. 79.

ческие каноны, как «Ши цзин» («Канон стихов», 詩經), «Шу цзин» («Канон писаний», 書經), «Ли цзи» («Записи о ритуалах», 禮記), «Чуньцю» («Вёсны и осени», 春秋)⁴².

Однако можно предположить, что процесс принятия конфуцианской культуры начался раньше. Так, например, согласно летописям государства Пэкче, еще в 260 г. н.э. были учреждены 16 чиновничьих рангов. Среди пэкческих чиновничьих должностей, что примечательно, была должность распорядителя конфуцианских церемоний (內法佐平). В 262 г. был издан указ о наказании государственных служащих за злоупотребления⁴³. Пэкческая система устройства центрального государственного аппарата явно копировала китайскую, в которой важную роль играла конфуцианская идеология.

Таким образом, несмотря на то что по формальным признакам конфуцианство было для Кореи «импортным» учением, оно все же имело достаточно времени для того, чтобы стать важнейшим составным компонентом традиционной корейской культуры.

Что касается конфуцианских представлений о категории «почтительности к родителям», то, хотя так или иначе эта категория отражена в указанных выше классических сочинениях, объединенных понятием «Четверокнижие», все же наиболее четкое и законченное выражение она имеет в известном классическом «Каноне сыновней почтительности» «Сяо цзин» (孝經)⁴⁴. Нет точных сведений о том, когда он стал известен в Корею, однако есть записи, сообщающие, что он входил в программу обучения и сдачи государственных экзаменов на получение чиновничьей должности по меньшей мере со времени Объединенного государства Силла (VII–X вв.). Особенно широкое распространение «Сяо цзин» (кор. «Хёгён») получил при династии Ли (1392–1910 гг.) и не позднее XVI в. был переведен на корейский язык, получив название «Хёгён онхэ» (孝經諺解), то есть «Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”»⁴⁵. Поэтому наряду с «Четверокнижием» (四書) и «Пятью канонами» (五經) этот трактат стал одним из основополагающих для традиционной корейской конфуцианской культуры.

⁴² Ю Бонхо. Хангук кёюк квачжонса ёнгу [劉奉鎬 (유봉호). 韓國教育課程史 研究. «Изучение истории процесса образования в Корею»]. Сеул, 1992. С. 1.

⁴³ Ким Бусик. Самгук саги... С. 148.

⁴⁴ В отечественной Китаеведной литературе трактат принято переводить как «Канон сыновней почтительности» (Китайская философия. М., 1994. С. 312). Однако в Корею средних веков название этого памятника могло восприниматься в смысле «Канона почтительности к родителям», о чем более подробно см. с. 116–117.

⁴⁵ Ю Бонхо. Хангук кёюк квачжонса ёнгу. С. 16.

Не так просто определить место и роль трактата «Сяо цзин» в комплексе конфуцианских классических сочинений, ибо нигде в современной специальной литературе не говорится о том, что он когда-либо признавался сочинением первостепенной важности. Во многих современных корейских статьях о сущности «почтительности к родителям» авторы основываются исключительно на таких классических конфуцианских трактатах, как «Лунь юй» (論語) – «Беседы и суждения» (первая книга «Четверокнижия», в которой содержатся изречения Конфуция и его учеников), составляя «Сяо цзин» вне поля зрения, несмотря на то что именно в нем сущность категории хё (孝) изложена самым подробным образом⁴⁶.

При этом в современной зарубежной дальневосточной научной литературе, посвященной конфуцианству, нередко можно встретить утверждения, что именно категория «почтительности к родителям» хё (孝) является тем фундаментом, на котором основывается вся конфуцианская идеология. Так, например, статья японского ученого Абэ Ёсио о верности «тю» (忠) и «почтительности к родителям» «ко» (孝) в Японии, переведенная на корейский язык, начинается с фразы: «Конфуцианство – это учение, которое изначально основывалось на учении о почтительности к родителям»⁴⁷. Аналогично и мнение профессора южнокорейского университета Ханъян доктора Ю Тхэсу, считающего, что «почтительность к родителям» является стержнем конфуцианства как с точки зрения идейной, так и с точки зрения религиозной⁴⁸.

Таким образом, уже на этапе ознакомления с литературой о «почтительности» к родителям мы сталкиваемся с проблемой, возникающей наряду с вопросом о «корейской аутентичности» категории хё (孝), имеющей разные варианты подхода: *место сыновней почтительности в конфуцианской системе координат*. В этой связи будет небезынтересно привести одно высказывание из статьи доктора философии Юн Тхэрима, в которой категория хё (孝) представляется как «нечто», имеющее весьма сомнительное происхождение: «В обществе древнего Китая высшее его сословие, имевшее по многу жен и наложниц в условиях многоженства, не думая о планировании семьи, подобно тому как это происходит в на-

⁴⁶ Ли Ынбэк. Хё [ㅇ] 은백. 효. «Почтительность к родителям» // Хё [효]. «Почтительность к родителям». Сеул, 1987. С. 45–50.

⁴⁷ Абэ Ёсио. Ильбон-ый чхун-хё рон [阿部吉雄. 日本の 忠孝論. «Теория верности государю и почтительности к родителям в Японии» // Тхвеге хакпо (退溪學報). N 15. Сеул, 1977. С. 94.

⁴⁸ Ю Тхэсу. Югё мунхвакквон-е иссо хё-ва кёнчже пальчжон [劉太洙. 儒教 文化圈에 있어 孝와 經濟發展. «Почтительность и экономическое развитие в ареале конфуцианской культуры» // Хё сасан-гва мирэ сахве [孝思想과 未來社會. «Идеология почтительности к родителям и общество будущего»]. Сеул, 1995. С. 538–539.

стоящее время, имело по десятку детей от одной женщины. Поэтому с точки зрения такого аристократа, имевшего жен и наложниц, прежде чем спросить имя одного из десятков детей, чьи лица он даже не мог запомнить, ему следовало бы знать, которая из жен его родила. И поэтому нужна была такая система, которая контролировала бы поведение детей и позволяла обеспечить уважение [к отцу] в качестве старшего в семье, что и послужило источником появления почтительности к родителям хё»⁴⁹.

Однако вернемся к обзору того, каким образом категория хё (孝) описывается в южнокорейской научной литературе.

Очень часто определение хё (孝) только как «почтительности к родителям» не удовлетворяет корейских авторов, и понятие это предлагается рассматривать более широко. Ли Сонгу, специально изучавший проблему категории «сыновней почтительности» в Корее, пишет: «Объект хё не ограничивается только родителями. Живя в одной семье с родителями, а также дедушками и бабушками, нельзя назвать “хё” заботу только о своих родителях, если при этом пренебрежительно относятся к бабушкам и к дедушкам. Нужно также заботливо относиться и к бабушкам и дедушкам – родителям своих родителей, а также и к предкам, находящимся выше по старшинству. Таким образом, в категорию хё входит также и совершение жертвоприношений духам предков, забота об их могилах и вообще уважение к предкам». Кроме того, по мнению того же автора, почтение к родственникам по прямой линии наследования также не выражает всей полноты хё (孝). Ведь если ты плохо относишься к братьям и сестрам, рожденным от тех же родителей, то тем самым ты доставляешь родителям боль. Поэтому нужно любить и всячески помогать также родственникам по боковой линии и, более того, почтительно относиться ко всем родственникам, рожденным от единого прародителя⁵⁰.

Из приведенных высказываний о расширенном понимании категории хё (孝) можно выделить еще одну проблему, требующую особого изучения, это связь **«почтительности к родителям» с культом предков**. Кроме того, категория хё (孝) в представлениях южнокорейских исследователей оказывается настолько универсальной, что ею объясняют регулирование всех отношений в пределах семьи. Более того, универсальность хё (孝), с точки зрения корейских авторов, может быть понята гораздо шире. Хё управляет отношениями между людьми на государственном уровне. Продолжением его считается категория «верности» правителю и

⁴⁹ Юн Тхэрим. Чхунхё сасан [윤 태림. 충효사상. «Идеология почтительности к родителям и верности государству»] // Хё [효. «Почтительность к родителям»]. Сеул, 1987. С. 32.

⁵⁰ Ли Сонгу. Корейская [категория] хё. С. 10–11.

государству в целом, или *чхун* (忠)⁵¹. При этом для каждого социального слоя корейские авторы находят свою особенную «почтительность к родителям», должную определять поведение человека в соответствии с той нишей, которую он занимает в обществе. В эссе «Почтительность к родителям корейцев» доктор медицинских наук Чхве Синхэ писал, что категория *хё* (孝) различается по своему внешнему проявлению в зависимости от социального положения. Так, для правителей *хё* (孝) – это умение находить меру вещей, следовать закону; для сановников – прославление своего имени достойными поступками; для ученых – постижение истины, а для простого трудового народа – умение создавать материальные блага и беречь их⁵².

Совершенно неожиданно для человека, знакомого с категорией «почтительности к родителям» лишь в самых общих чертах, вдруг обнаруживается, что категория эта является настолько всеобъемлющей, что определяет буквально все стороны общественной жизни. Таким образом, из предварительного знакомства с описанием категории *хё* (孝) в научной и популярной литературе, возникает еще одно направление изучения *хё* – **категория «почтительности к родителям» как универсальный регулятор общественных отношений**.

В том же эссе доктора Чхве Синхэ мы находим попытку применения категории *хё* (孝) к реалиям современной жизни. Так, традиционный образ правителя соотносится с личностью президента. Сановники, служившие при королевском дворе, ассоциируются с современными должностными лицами, профессионально занимающимися административной работой, например членами Национального собрания. Для ученых и простолюдинов параллели найти также несложно. Иными словами, категория *хё* (孝) признается необходимой и *действующей* в современном (южно)корейском обществе. Причем рассматриваемое в настоящей работе эссе Чхве Синхэ не является чем-то исключительным. К примеру, в сборнике статей, выпущенном сеульским университетом Тангук и объединенном названием «Идеи верности государству и почтительности к родителям» (忠孝思想), есть статья, специально посвященная роли категории *хё* (孝) в «движении за новую деревню» (새마을운동), развернувшимся в Южной Корее в 1970-х годах⁵³.

⁵¹ Ю Тхэсу. Югё мунхвакквон-е иссо хё-ва кёнчже пальчжон. С. 540.

⁵² Чхве Синхэ. Хангугин-ый хё [최 신해. 한국인의 효. «Почтительность к родителям корейцев» // Хё [효. Почтительность к родителям]]. Сеул, 1987. С. 76.

⁵³ Чхунхё сасан. [忠孝思想. «Идеи верности государю и почтительности к родителям»]. Сеул, 1980. С. 139–153.

По мнению как южнокорейских ученых, так и простых граждан Республики Корея, категория хё (孝) не только не ограничивается применением к обществу прошлого, но актуальна и поныне и имеет определенные перспективы в обществе будущего. Иначе говоря, категория «почтительности к родителям» оказывается всеобъемлющей не только в пространственном отношении, охватывая каждого — от рядового члена семьи до верховного правителя, но и в плане временном, пронизывая прошедшее, настоящее и будущее. Поэтому в исследовании хё необходимо выяснить также степень и причины функционирования этой категории в современном корейском обществе.

4. ВЕРА В ДУХОВ ПРЕДКОВ И ЦЕРЕМОНИИ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ В КОРЕЕ КАК БАЗОВАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КАТЕГОРИИ ХЁ

Вопрос о том, что же такое категория хё на самом деле, следует начать с рассмотрения веры в духов предков, которая, по крайней мере, в Корее, непосредственно связана с понятием «почтительности к родителям».

Работа с текстами первоисточников, связанных с категорией «сыновней почтительности», размышления о связях между различными «компонентами» категории хё, дали возможность предположить, что стержнем корейского подхода к пониманию сущности «служения родителям» («сыновней почтительности» 孝) является так называемый культ предков, а точнее, вера в «посмертную жизнь» предков в форме различных духов, имеющих «обратную связь» с живущими, то есть возможность оказывать влияние на жизнь потомков.

Некоторые отечественные китаеведческие работы, рассматривающие родственную корейской китайскую культуру, также пишут о вере в духов предков как первооснове базовых религиозно-философских представлений древних китайцев⁵⁴.

В отечественных корееведческих работах культ предков описывался, однако его непосредственная связь с категорией хё еще не прослеживалась⁵⁵.

⁵⁴ Ян Хиниун. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984. С. 30–35.

⁵⁵ См. работы Ю.В. Ионовой, как, например, «Обряды и обычаи и их социальные функции в Корее» (М., 1982).

4.1. «ТРАДИЦИОННЫЕ» КОРЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ И ДУХАХ ПРЕДКОВ

В актах «служения родителям» хёхэн (효행, 孝行) (подробно см. с. 139–230) особое место занимает траур и «служение умершим родственникам после смерти». Для того чтобы понять причины подобного особого внимания к загробной жизни предков, чтобы лучше ориентироваться в категории хё в целом, необходимо обратиться к «традиционным» корейским представлениям о посмертной жизни души человека, представлениям, которые существовали не только в Корее древности и средневековья, но и сохранились по меньшей мере до XX в.

В южнокорейском художественном фильме «Генеалогическая книга» (족보, режиссер Лим Квонтхэк, 1987 г.), рассказывающем о кампании замены корейских имен и фамилий на японские, проводившейся японской колониальной администрацией в Корее с февраля по август 1940 г., главный герой фильма, староста деревни Соль Чинъён говорит, обращаясь к молодому японскому чиновнику по имени Тани, симпатизировавшему корейцам: «Не знаю, как там у вас в Японии относятся к предкам, но у нас в Корее считают, что после смерти предки не отправляются в “потусторонний мир”, а находятся рядом, в том же мире, что и живущие».

Действительно, в корейской культуре можно обнаружить свое особое представление о духах предков, которое объясняет «возможность» посмертного служения им и хорошо сочетается с «классическим», то есть описанным в «Каноне сыновней почтительности» представлением о «служении родителям».

В настоящее время трудно говорить о том, каким образом различалось представление о духах предков в Корее в различные исторические эпохи. Как правило, в большинстве современных работ говорится о «традиционном» представлении о духах предков, то есть таком, которое оказалось зафиксированным в корейской литературе последних столетий, включая XX в., поэтому здесь речь пойдет о «традиции» последних столетий.

Представления о загробной жизни, которые обнаруживаются в Корее XVIII–XX вв., можно условно разделить на несколько категорий, важнейшие из которых 1) «внерелигиозные корейские», оказавшиеся связанными с конфуцианскими ритуалами; 2) буддийские; 3) христианские.

В связи с категорией «сыновней почтительности» хё необходимо прежде всего обратить внимание на «внерелигиозное», то есть так называемое исконно корейское представление о «посмертной жизни» души человека. К «корейским» представлениям о загробной жизни вряд ли сле-

дует относить буддийские, так как считается, что они не оказали большого воздействия на корейцев⁵⁶.

Конфуцианство, по мнению многих корейских авторов, также специально не рассматривало проблему посмертной жизни души человека⁵⁷, хотя в реальной практике в связи с церемониями кормления духов предков, вошедшими в конфуцианский ритуал, жизнь души после смерти признавалась. При этом в качестве одного из доказательств того, что классическое конфуцианство отрицало даже попытки размышлять о возможной посмертной жизни души, южнокорейские исследователи приводят цитату из главы «Сяньцзинь» (先進) классического конфуцианского трактата «Беседы и суждения» («Лунь юй», 論語): «Цзи-лу спросил о служении духам. Конфуций сказал: “[Если] не можешь [как подобает] служить людям, то как можешь служить духам?” [Тогда Цзи-лу сказал:] “Осмелюсь спросить о смерти”. [Конфуций] сказал: “[Если] не знаешь [о] жизни, [то] как знать [о] смерти?” (季路問事鬼神 子曰 未能事人 焉能事鬼 敢問死 曰 未知生 焉知死)⁵⁸. Упоминания об этой фразе как доказательстве слабого интереса конфуцианства к посмертной жизни приводятся и в работах западных ученых⁵⁹.

Наверное, предложенные оценки имеют под собою веские основания, никто не собирается их оспаривать. Однако следует заметить, что в той же конфуцианской классической литературе можно найти примеры как признания мира духов (и духов предков), так и наставлений внимательного и уважительного отношения к нему. Например, в трактате «Учение о середине» («Чжун юн», 中庸) (подробнее см. с. 125–131), авторство которого приписывается внуку Конфуция Цзы-сы (483?–402 г. до н.э.)⁶⁰, в гл. 16 говорится следующее: «Конфуций сказал: “Духи⁶¹ (鬼神) добродетельны, они великолепны! Наблюдаешь их и не в состоянии увидеть. [Они] наполняют [все] материальные тела и невозможно покинуть [их]. [Они] заставляют людей Поднебесной [быть] в равновесии и просветленными,

⁵⁶ Choi Joon-sik. Korean's view of life and death // Korea Journal. Seoul, 1996. Vol. 36. N 2. P. 8.

⁵⁷ Ibid. P. 10.

⁵⁸ Нон о. Тэ хак. Чун юн [論語, 大學, 中庸. Беседы и суждения. Великое Учение. Учение о Середине]. Сеул, 1993. С. 114.

⁵⁹ Walraven B.C.A. Confucians and shamans // Cahiers d'Extreme-Asie. Paris-Kyoto, 1992. N 6: 1991–1992. P. 26.

⁶⁰ Цы юань. [辭源. «Море слов». Т. 1–4]. Пекин, 1979. Т. 1. С. 87.

⁶¹ В настоящей работе все конфуцианские тексты рассматриваются с точки зрения их корейского восприятия. Согласно корейским представлениям о «духах»-квисин (鬼神), это прежде всего души/духи умерших предков, а также всевозможные бесчисленные духи, населяющие вселенную – Небо и Землю.

[одевать] роскошные одежды, чтобы удостоиться [честь] совершать [для них] церемонии жертвоприношений духам (祭祀). Безбрежно [их присутствие]! Словно [они] существуют над тобой, словно они существуют слева и справа от тебя»⁶².

Приведенная цитата не является исключением⁶³ и указывает на следующие особенности мира духов, и не просто духов, а духов предков *квисин*⁶⁴ (о трактовке понятия *квисин* (귀신, 鬼神) как «духов предков» см. с. 128–130).

1. Пространство мира духов совпадает с пространством мира людей. То есть после смерти физической дух никуда не исчезает, никуда не уходит. Он просто становится невидимым.

2. Духи воздействуют на мир людей. Изначально их воздействие положительно.

Таким образом, можно сказать, что конфуцианство рассматривало проблему жизни после смерти и решало ее достаточно универсально. Другое дело, что в разные периоды времени учеными (как дальневосточными, так и европейскими) могли выделяться те высказывания из произведений конфуцианской классики, которые отвечали потребностям текущего момента.

Относительно собственно корейских представлений о посмертной жизни души трудно сказать что-либо определенное, так как слишком различны встречающиеся в литературе подходы. Для иллюстрации приведем лишь две точки зрения, почерпнутые из работ южнокорейских авторов.

Чхве Чжунсик считает, что корейцы не знают точного ответа на вопрос о том, где находятся духи предков после смерти, и даже не задаются им⁶⁵. Такое представление о посмертной жизни духов проявляется как раз в связи с ритуалом кормления духов предков.

Однако приведенный выше перевод фразы из гл. 16 конфуцианского трактата «Чжун юн» в принципе объясняет такое видимое «безразличие» или «неопределенность» представлений о мире духов предков. Согласно трактату «Чжун юн», духи находятся везде, то есть в целом «нигде», и одновременно «где-либо» в каждый конкретный момент времени. Поэтому нет особого мира, где они находятся. Может быть лишь *временное* место их нахождения в пространстве во время каких-либо действий, скажем, храм предков или табличка предков во время церемонии кормления духов предков.

⁶² Нон о. Тэ хак. Чун юн. С. 274.

⁶³ См. подробнее: «Лунь юй» (глава «Ба-и»), «Чжун юн» (глава 19), «Сяо цзин» (глава «Траур по родителям», 喪親章).

⁶⁴ Ibid. P. 16.

⁶⁵ Choi Joon-sik. Korean's view of life and death.

Шаманистское представление о мире духов, пишет далее Чхве Чжунсик, иное. Души умерших, называемые одним общим словом *сарён* (사령), бывают «нормальными», то есть такими, чьи хозяева жили обыкновенной жизнью и умерли естественной смертью, и тогда их называют *чорён* (조령). Либо же души умерших могут быть «ненормальными», то есть это души тех, кто умер насильственной смертью. Они называются *воллён* (월령). При этом загробный мир делится на рай и ад, куда души попадают в зависимости от степени праведности их жизни на земле. Считается, что в таком представлении о загробном мире сказалось влияние буддизма. А поскольку, как было сказано выше, считается, что буддизм не оказал большого воздействия на народные представления о загробном мире, то и указанный шаманистский взгляд на жизнь духов предков после смерти вряд ли можно считать исконно корейским.

Ко второму примеру неоднородности трактовки корейских представлений о загробной жизни можно отнести главу «Мир после смерти» в книге Чхве Гындока «Исследование конфуцианской мысли Кореи». В частности, в разделе «Народные верования [о загробной жизни]» сказано, что после смерти «человек» отправляется в загробный мир *чосын* (저승), имеющий помимо указанного много других названий в корейском языке. Загробный мир делится на рай и ад. После смерти человека ожидает суд, на котором определяется степень его добродетельности в предшествующей жизни. В «добродетельности» главным для корейцев оказывается «почтительность к родителям» *хё* (孝) и то, насколько гармоничными были отношения в семье умершего. Первую часть представлений о загробной жизни Чхве Гындоку объясняет влиянием буддизма, вторую – конфуцианства. В загробном мире умерший встречает своих родителей и других старших родственников. Каждый год в день смерти умерший приходит в мир живых отведавать угощений, приготовленных потомками. Дух, у которого нет сыновей (無子鬼神), в этом случае оказывается «грустным», ибо его некому кормить⁶⁶.

Наиболее четко представления корейцев о посмертной жизни души или душ изложены в работе Син Тхэуна «Исследование корейских духов». После смерти «душа» разделяется на три части: *хон* (혼, 魂), *кви* (귀, 鬼) и *пэк* (백, 魄). Душа-*хон* отправляется на небо, душа-*пэк* – в землю (в могилу), душа-*кви* – в табличку предков *синчжу*, которая хранится в храме предков *садан* (사당, 祀堂). Оставшиеся на земле потомки умершего в реальной жизни имеют дело только с двумя видами «посмертной души» –

⁶⁶ Чхве Гындоку. Хангук юхак сасан ёнгу [崔根德. 韓國 儒學 思想研究. «Исследование конфуцианской мысли Кореи»]. Сеул, 1992. С. 181–183.

пэк и *кви*. Для *пэк* в течение трех лет совершаются церемонии на могилах, для *кви* в течение четырех поколений – церемонии кормления духов *чеса* (제사, 祭祀). Правильное совершение церемоний для этих двух видов духа делает их удовлетворенными, и в конечном итоге они «рассеиваются», то есть как бы «мирно самоликвидируются». Однако так происходит не со всеми духами. Духи выдающихся людей не исчезают, а остаются «жить», навещая землю для принятия церемонии кормления. В случае если *чеса* на могилах или в храмах предков не совершаются подобающим образом, духи превращаются в злых духов *квисин* (귀신, 鬼神) и начинают вредить тем, кто не относился к ним подобающим образом⁶⁷.

Подобная внешне логичная теория посмертной жизни души приводится также и в отечественных работах начиная с «Описания Кореи»⁶⁸. Однако вся «логичность» такого подхода сразу разрушается, если обратиться к первому этапу церемонии кормления духов предков – «Вызывание духа с Небес», поскольку он указывает на то, что церемония *чеса* имеет дело не только с духами *пэк* и *кви*, но и с духами *хон*. Таким образом, наиболее верной представляется указанная выше точка зрения Чхве Чжунсика, утверждающего, что у корейцев нет четкого представления о загробном мире, по крайней мере в связи с церемониями кормления духов *чеса*.

Однако, несмотря на все имеющиеся различия в подходах к вопросу о загробной жизни в представлениях корейцев, несомненным и единым во всех подходах является следующее:

- человек после смерти окончательно не исчезает, а живет в форме духа, не важно какого и не важно где; важно то, что он может присутствовать в мире живущих, как реальный субъект;
- дух умершего на протяжении некоторого времени нуждается в том, чтобы его кормили;
- дух умершего имеет реальную силу воздействия; в случае если его кормят и по отношению к нему соблюдают весь положенный ритуал, воздействие духа положительно нейтрально; если духа не кормят, то он начинает вредить живущим.

Таким образом, причиной (или одной из причин) совершения церемонии кормления духов предков *чеса* является необходимость не допустить превращения духа предка в злого духа и тем самым обеспечить спокойствие своей собственной жизни.

⁶⁷ Син Тхэун. Хангук квисин ёнгу [신태훈. 한국귀신연구. «Исследование корейских духов»]. Сеул, 1989. С. 46–47.

⁶⁸ Описание Кореи. М., 1960. С. 417–418.

Вера в то, что дух предка может повлиять на земную жизнь, причем главным образом отрицательно, актуальна и для современной Южной Кореи⁶⁹. Так, социологические исследования 1990-х годов показывают, что современные южные корейцы верят в то, что после смерти душа не умирает, а отправляется в некий мир, где продолжает жить⁷⁰. При этом если в жизни что-то не удастся, то многие из опрошенных приписывают это влиянию духов умерших⁷¹. Существует даже мнение, что если не совершать должным образом церемонии кормления духов предков *чеса*, то разозлившиеся духи могут послать на своих потомков болезни⁷². Эти церемонии не забываются и исполняются относительно регулярно.

С чем связана эта вера и почему она в определенной степени сохраняется до наших дней, ответить трудно. С другой стороны, сама церемония *чеса* может способствовать сохранению такой веры, поскольку имеет «механизм защиты» от сомнений в реальности существования духов предков. Это этапы церемонии *чеса*: «закрывание дверей» (闔門) и «открывание дверей» (開門) (имеются в виду двери церемониальной комнаты), когда участники на время выходят из помещения, предоставляя духам предков возможность «отведать» предложенных блюд. Таким образом, никто не видит, «приходили», «трапезничали» ли духи на самом деле или нет, а значит, исключается возможность опровержения существования духов предков. Возможно, именно такая «самозащита» церемонии от разрушения объясняет то, что ее до сих пор совершают (хотя все меньше и меньше, отчасти в связи с распространением в Южной Корее христиан-

⁶⁹ По известным причинам информация о вере в духов предков в Северной Корее оказывается практически недоступной. Однако автор настоящей работы, находясь в 1987–1988 гг. в командировке на строительстве Сунчхонского виналонового объединения, имел возможность лично наблюдать, как в день весеннего поминовения предков (или «праздник холодной пищи» *хансик*) северные корейцы посещают могилы, прибирают их и некоторое время находятся перед ними, возможно (?) совершая церемонию кормления духов предков. При этом день, выпавший в 1988 г. на праздник *хансик*, был нерабочим, и большинство корейцев, знакомых автору, разъехались в родные места, то есть к могилам предков. С другой стороны, в начале 2000-х годов стало появляться все больше новостей из КНДР, демонстрирующих сохранение и в определенной степени возрождение традиционного культа предков. Так, каждый год в день рождения «праотца корейской нации», легендарного первого корейского государя Тангуна (3 октября), у его гробницы, восстановленной к 1994 г., совершаются церемонии кормления его духа.

⁷⁰ Ким Чжэын. Хангугин-ый ыйсик-ква хэндон янсик [김재은. 한국인의 의식과 행동 양식. «Сознание и поведение корейцев»]. Сеул, 1988. С. 353.

⁷¹ Там же. С. 362.

⁷² Чхве Гильсон. Хангуг-ый чосан сунбэ [최길성. 한국의 조상숭배. «Культ предков Кореи»]. Сеул, 1986. С. 205.

ства, запрещающего традиционные формы поклонения предкам⁷³), несмотря на модернизацию Южной Кореи, ее стремительное экономическое и культурное развитие.

4.2. ТИПЫ И ПОРЯДОК СОВЕРШЕНИЯ ЦЕРЕМОНИИ «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ» ДУХАМ ПРЕДКОВ

Церемония «жертвоприношений» духам предков, кор. *чеса* (제사, 祭祀), изучалась до настоящего времени более этнографами, а значимость ее ограничивалась категорией «народных обычаев и верований». Собственно корейские церемонии «жертвоприношений» духам предков рассмотрены в отечественной литературе довольно скупо. Знаменитое «Описание Кореи», составленное министерством финансов России, дает одно из первых представлений об этой церемонии на русском языке. Наиболее подробное ее описание, которое удалось найти, – это часть раздела «Очерков социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX веков», представленных в книге известного япониста Н.И. Конрада «Неопубликованные работы, письма»⁷⁴.

Неоднократное пребывание в Республике Корея показывает удивительную жизненность церемоний «жертвоприношений» духам предков, которые регулярно совершаются и в начале XXI в.

Знание особенностей *чеса* (제사, 祭祀) в контексте изучения корейских (или корейзированных китайских классических) памятников письменности, посвященных категории «сыновней почтительности» (или так или иначе связанных с этой категорией), необходимо по следующим соображениям:

- как наглядная иллюстрация актуальности и глубины веры в духов предков;
- как информация об одной из форм служения родителям, входящей в понятие «категория хё» и нередко упоминающейся в классической литературе о «сыновней почтительности» (孝);
- для того чтобы ввести в научный оборот современный источник, построенный с учетом традиционных корейских конфуцианских семейных руководств по домашним ритуалам: «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый» (누구나꼭알아야 할 家庭祭禮凡節).

⁷³ Подробнее см.: Moon Okpyo. Ancestors Becoming Children of God: Ritual Clashes between Confucian Tradition and Christianity in Contemporary Korea // Korea Journal. Seoul, 1998. Vol. 38. N 3.

⁷⁴ Конрад Н.И. Неопубликованные работы, письма. М., 1996. С. 61.

Церемонии «жертвоприношений» духам предков, их типы, а также сроки и порядок их совершения очень подробно описаны в южнокорейской популярной и справочной литературе, носящей типовые названия, как, например, «Семейная энциклопедия» (家庭寶鑑)⁷⁵, или же в специальных руководствах домашнего церемониала, подобных иллюстрированной брошюре, изданной на картоне: «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»⁷⁶, а также в специальных этнографических работах, описывающих все существующие в Корее церемонии кормления духов (제사, 祭祀)⁷⁷.

Различается более десятка типов разного рода «жертвоприношений» духам предков⁷⁸, из которых в настоящее время важнейшими считаются четыре.

1. *Сичже* (시제, 時祭) – «сезонное жертвоприношение» – «жертвоприношение» духам предков; должно совершаться в Храме предков государя Чонмё (종묘, 宗廟)⁷⁹ четыре раза в год, в соответствии с каждым из четырех сезонов года. В настоящее время практически не совершается. Однако везде в соответствующей литературе упоминается на первом месте.

2. *Таре*, или *чхаре* (다례, 차례, 茶禮), дословно «чайная церемония». Это, можно сказать, главный вид «жертвоприношений» духам предков, исполняемый в современной Южной Корее. «Жертвоприношения» могут совершаться в первый и пятнадцатый дни лунного месяца, в день рождения умершего, а также в дни сезонных «жертвоприношений», такие как Новый год (по лунному календарю) или День осеннего поминовения предков чхусок (추석, 秋夕), который празднуется в 15-ый день 8-го лунного месяца.

⁷⁵ Ли Хонвон. Качжон погам [李洪原. 家庭寶鑑. «Семейная энциклопедия»]. Сеул, 1988; Чхве Сансу. Качжон погам [崔常壽. 家庭寶鑑. «Семейная энциклопедия»]. Сеул, 1979.

⁷⁶ Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль [누구나 꼭 알아야 할 家庭祭禮 凡節. «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»]. Сеул, 1991.

⁷⁷ Хангуг-ый чеса [한국의 제사. «Корейские [церемонии] кормления духов предков»]. Сеул, 2003.

⁷⁸ Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль [누구나 꼭 알아야 할 家庭祭禮 凡節. «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»]. Сеул, 1991. С. 17.

⁷⁹ В настоящее время в Сеуле, столице Республики Корея, имеется Храм предков государей (Чонмё) последней корейской династии Ли (1392–1910), в котором ежегодно, в первое воскресенье мая, проводятся церемонии кормления духов предков.

3. *Кичже* (기제, 忌祭) – «жертвоприношение в день смерти». В принципе схоже с обычным «жертвоприношением» *таре*, однако имеет ряд особенностей. Например, оно всегда совершается ночью, после полуночи. Кроме того, в случае если умерший был при жизни лицом значимым, может совершаться не дома в кругу членов семьи, а проводиться более широко, в специально подготовленном общественном месте⁸⁰.

4. *Мёчже* (묘제, 墓祭) – «жертвоприношение на могилах». Совершается на могилах предков, всех, начиная от «самого первого» из известных. Как правило, эта церемония «жертвоприношений» проводится в праздник *хансик* (한식, 寒食. «День холодной пищи», отмечается на 105-ый день после дня зимнего солнцестояния, то есть 5 или 6 апреля)⁸¹ или же в один из дней десятого лунного месяца, который избирается для каждого случая особо. Иногда эта церемония «жертвоприношений» духам предков на могилах может называться и *сичже* (시제, 時祭), то есть «сезонное жертвоприношение»⁸².

Остальные виды церемоний «жертвоприношений» духам предков могут быть связаны с периодом траура, который в настоящее время может соблюдаться, но не так долго, как это было принято раньше (так, в эпоху Чосон (1392–1897) траур по родителям мог достигать периода в три года и более). Например, *тамчже* (담제, 譚祭) – «жертвоприношение в день снятия траура по родителям». Могут быть и такие редкие виды «жертвоприношений», как *учже* (우제, 虞祭) – «жертвоприношение при беспокойстве». Производится в так называемом храме предков, для того чтобы «успокоить» дух таблички предков⁸³.

Итак, уже из краткого перечисления основных видов церемонии «жертвоприношений» духам предков видно, что ее объектом являются умершие родственники, как правило, ближайшие, то есть родители, дедушки и бабушки, один из супругов, умерших ранее, дети. Объект этот предстает в виде некоего духа. Чуть ниже «качества» этого духа будут оговорены особо. Носителем духа (местом, где располагается дух) на наиболее распространенных церемониях *таре* и *кичже* является предмет, на-

⁸⁰ Ли Хонвон. Качжон погам. С. 114.

⁸¹ Аналогичный праздник есть и в Китае, он именуется «праздником поминовения усопших Цинмин» (подробнее см.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 39–45; Эберхард В. Китайские праздники. М., 1977. С. 103–106).

⁸² Ли Хонвон. Качжон погам. С. 114.

⁸³ Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль. [누구나 꼭 알아야 할 家庭祭禮 凡節. «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»]. Сеул, 1991. С. 17.

зываемый табличкой предка. По-корейски он имеет разные названия в зависимости от типа, а тип его определяется материалом и местом хранения таблички. Таблички, сделанные из дерева и хранящиеся в храмах предков (사당, 祠堂)⁸⁴, называются *синчжу* (신주, 神主), что можно условно перевести как «хозяин духа». Объяснить такое название можно тем, что, по представлениям корейцев, одна из составляющих духа человека после его смерти отправляется в деревянную табличку и живет там. Действительно, если церемония «жертвоприношения» духам предков совершается перед деревянной табличкой, то в ходе церемонии отсутствует этап «призыва духа с небес» (降神), так как считается, что дух *уже* присутствует в табличке.

Другой тип таблички предка называется *чибан* (紙榜). Он представляет собой полоску бумаги размером примерно 22×6 см, на которой китайскими иероглифами обозначается:

- для предков по мужской линии степень родства, классическая чиновничья должность или слово «[конфуцианский] студент», если должность не была получена (в случае совершения церемоний в *настоящее* время пишется только слово «студент»), имя покойного не указывается;
- для предков по женской линии указывается также степень родства, место, откуда происходит род и фамилия умершей;
- для младших родственников по мужской линии (братьев, детей) указывается «должность» (если была) и имя полностью.

⁸⁴ Не удалось найти описания храма предков *садан* в отечественной или зарубежной научной литературе. Однако, будучи участником фольклорной экспедиции в уезд Чанхын (장흥군) провинции Южная Чолла, организованной университетом Тангук 24–27 июля 1995 г., автору удалось побывать в нескольких храмах предков *садан*. Поэтому, наверное, есть смысл представить подробное описание их устройства. *Садан* – это одноэтажное здание, построенное в традиционном стиле, то есть крытое черепицей, стоящее на столбах, имеющее глинобитные стены. С его южной стороны находятся три двери, ведущие в единственную комнату. Пол деревянный, неотапливаемый. У противоположной от дверей стены – алтарь, то есть большая деревянная тумба, в центре которой стоит вытянутый вверх прямоугольный ящик для хранения табличек. Перед ящиком – металлический сосуд для возжигания курений. Слева и справа от сосуда, по краям тумбы – два подсвечника со свечами. В современных храмах предков за ящиком для хранения табличек, у стены, может располагаться портрет первопредка, который в обычное время всегда закрыт шторкой. Иногда в храме могут находиться два алтаря – первопредка посередине и одного из потомков сбоку (справа). Причем потомок должен приходиться первопредку не менее чем внуком, так как алтари сына и отца не могут находиться рядом. Наличие трех дверей как в храме, так и в воротах, ведущих на огороженную забором территорию храма, не случайно. Правая дверь предназначена для входа в храм перед совершением церемонии, левая – для выхода из храма. Центральная дверь служит для входа и выхода духов. Разделение правой и левой части храма на входную и выходную отражается также в тех требованиях, которые предъявляются к походке во время входа и выхода. При входе в храм для совершения церемонии правая нога идет вперед, а левая приставляется к ней. При выходе – левая нога идет вперед, а правая приставляется.

Универсальным в надписях на бумажных поминальных табличках *чибан* является то, каким образом они завершаются. Они всегда оканчиваются словом *синви* (신위, 神位), что можно перевести как «место духа». Иногда словом *синви* выражается универсальное, не зависящее от материала понятие поминальной таблички.

Таким образом, поминальная табличка является тем местом, где постоянно или временно присутствует дух предка. Деревянные таблички изготавливаются один раз и хранятся «вечно». Бумажные таблички, исходя из рекомендаций указанных выше руководств по совершению церемонии жертвоприношений духам предков, а также согласно сведениям из книги Н. И. Конрада, должны сжигаться после завершения церемонии. Однако в реальной современной южнокорейской ритуальной практике бумажные таблички могут не сжигаться, а храниться примерно по 20 лет с последующим обновлением⁸⁵.

Соответственно сказанному выше церемония «жертвоприношений» духам предков имеет дело не с табличкой предка, а с реальным духом, который присутствует в одном помещении с поминающими посредством таблички (либо находится в земле, если церемония совершается у могилы).

Участники церемонии:

– распорядитель церемонии (제주, 祭主). Это, как правило, старший сын или старший внук умершего. В случае невозможности присутствия кого-либо из них, распорядителем назначается следующий по старшинству сын или внук. Для «жертвоприношения» *кичже* по умершей жене роль распорядителя может играть муж или старший сын, а для умершего мужа распорядителем может быть жена покойного⁸⁶;

– собственно участники церемонии (참사자, 參祀者), это сыновья и внуки по прямой линии наследования, ими также могут быть другие ближайшие родственники-мужчины.

Важным составным компонентом церемонии являются блюда и напитки, выставляемые на «жертвенном» столе в определенном порядке и предназначенные для подношения духам.

Этапы церемонии «жертвоприношений» духам предков *таре* или *кичже* описаны в корейской справочной литературе практически одинаково. Как правило, насчитывается порядка 15 ее этапов⁸⁷. Иногда говорят о 16 этапах, имея в виду разделение одного из них (№ 7) на два⁸⁸.

⁸⁵Информация получена от госп. Пак Минсо, жителя Сеула, в день совершения церемонии кормления духам предков 30 сентября 1993 г.

⁸⁶Ли Хонвон. Качжон погам. С. 107.

⁸⁷Чхве Сансу. Качжон. С. 124–127; Ли Хонвон. Качжон погам. С. 122–128.

⁸⁸Кван-хон-сан-чже каре сосик пэкква. [冠婚喪祭 家禮 書式 白科. «Энциклопедия домашних ритуалов: совершеннолетие, бракосочетание, похороны, кормление духов». Сеул, 1995. С. 70–71.

- 1) Вызывание духа с Небес (강신 降神).
- 2) [Призывание] духа к участию (參神 참신).
- 3) Начальное подношение (초헌 初獻).
- 4) Чтение ритуального текста (독축 讀祝) (или дословно – «Чтение заклинания»).
- 5) Второе подношение (아헌 亞獻).
- 6) Завершающее подношение (종헌 終獻).
- 7) Дополнительное вино (첨작 添酌).
- 8) Вставление ложки [для] начала еды (계반삽시 啓飯插匙).
- 9) Закрывание дверей (함문 闔門) (церемониальной комнаты).
- 10) Открывание дверей (개문 開門).
- 11) Подношение чая (헌다 獻茶).
- 12) Убирание ложки и завершение⁸⁹ еды (철시복반 撤匙復飯).
- 13) Прощание с духом (사신 辭神).
- 14) Убирание с жертвенного стола (철상 撤床).
- 15) Вкушение счастья (음복 飮福), то есть совместная трапеза всех участников церемонии.

Полное описание церемонии кормления духов предков, представленное в «Правилах домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»⁹⁰, см. в Приложении 2.

Из опросов, проведенных среди жителей города Чанхан провинции Южная Чхунчон, удалось выяснить, что помимо указанных 15 основных этапов церемонии «жертвоприношений» духам предков может существовать еще один, завершающий. Смысл его состоит в том, что после этапа «вкушение счастья» часть оставшихся церемониальных блюд выносят за порог дома, для того чтобы «накормить духов», которые живут у дверей и охраняют дом, либо могут «заглянуть в гости по дороге». Еда при этом никогда не убирается, обычно ее съедают домашние животные, живущие во дворе.

4.3. СУЩНОСТЬ ЦЕРЕМОНИИ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ

Представленное подробное описание церемонии «жертвоприношений» духам предков, тесно связанное с представлением о посмертной

⁸⁹ Перевод иероглифа «復» дан в упрощенном виде в значении «завершение». Его полным значением следует считать «завершение с предполагаемым последующим возвращением [к подобному акту]».

⁹⁰ Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль. С. 1–15.

жизни души человека (или его многочисленных душ), позволяет дать несколько иную оценку как самой церемонии, так и ее русскоязычного (или англоязычного «sacrifice»⁹¹) названия в том месте, где говорится о «жертвоприношении».

Объектами церемонии *чеса* (祭祀), как уже отмечалось выше, являются духи предков, или *синви* (神位), которые как бы «приглашаются» субъектом, то есть хозяином и его ближайшими родственниками.

Содержание церемонии состоит в подношении напитков и блюд, то есть в кормлении духов и затем вкушении той же церемониальной пищи, как бы «данной в ответ» духами, иными словами – во время церемонии происходит «совместная трапеза» духов и людей, имеющая последовательный порядок от старших (предков) к младшим (потомкам), где акт совместности обеспечивается общей едой.

Суть церемонии *чеса* состоит в *кормлении* духов предков. При этом вполне очевидно, что в кормлении отсутствует элемент «жертвенности», «жертвоприношения». Обычно стандартное жертвоприношение связано, во-первых, с односторонней передачей предметов или еды божеству, а во-вторых – очень часто сама «жертва» становится таковой посредством ее умерщвления⁹². Однако в корейской церемонии *чеса* есть по крайней мере три момента, не позволяющие считать ее «жертвоприношением» в буквальном смысле слова.

1. Все используемые в церемонии блюда относятся к категории обычной пищи праздничного стола.

2. Подносимая пища в конечном итоге потребляется самими же приносящими. В церемонии нет элемента безвозмездного, в ущерб себе, акта отдавания.

3. В процессе церемонии участники как бы ухаживают за «гостями-духами»: открывают пиалу с рисом, втыкают туда ложку, особо подносят рисовый отвар. *Чеса*, таким образом, сводится к ритуалу принятия и кормления духов предков-гостей, которые на время становятся хозяевами дома, «передавая» пищу остальным участникам церемонии.

Не вызывает сомнений, что церемонию *чеса* лучше называть церемонией кормления духов предков, не употребляя несоответствующее ей понятие «жертвоприношение». Необходимость кормления душ умерших связана с корейскими представлениями о загробной жизни.

⁹¹ Minjung Essence Korean-English Dictionary. Seoul, 1990. P. 1564.

⁹² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985. Т. 1. С. 479.

4.4. ВЛИЯНИЕ ЦЕРЕМОНИИ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ НА КУЛЬТУРУ КОРЕИ И КАТЕГОРИЯ «СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ» ХЁ

Как уже отмечалось, проблема культа предков, и в частности церемонии кормления духов предков *чеса*, относится не только к ведению этнографии. Еще в начале 1980-х годов американский ученый Роджер Джанелли рассматривал вопросы культа предков в контексте многопланового влияния этого феномена на корейское общество в целом⁹³. Факт воздействия культа предков на традиционное корейское общество очевиден.

Однако и в современной Корее вера в духов предков остается достаточно актуальным явлением. Приведем лишь несколько примеров влияния церемонии кормления духов предков на некоторые аспекты традиционной и современной корейской жизни. Согласно порядку проведения церемонии *чеса*, ответственным за нее и исполняющим роль «распорядителя» является старший потомок по мужской линии (старший сын). Для того чтобы церемонии совершались непрерывно, в течение четырех поколений требуется обеспечить экономическую стабильность существования семьи старшего сына. Поэтому в традиционной Корее сложилась такая система наследования имущества, когда большая его часть переходила старшему сыну, в то время как младшие сыновья получали меньшую долю.

В Китае, например, согласно руководству домашними ритуалами, составленными Чжу Си, обязанность совершения подобных церемоний лежала на всех сыновьях одинаково, и наследство они также делили поровну⁹⁴.

Категория «почтительности к родителям» хё (孝), которой посвящена настоящая работа и с которой связываются такие аспекты корейской новейшей истории, как бурный экономический рост Южной Кореи в 1960–1980-е годы⁹⁵, культ предков в целом или особые отношения между старшими и младшими, также нередко связываются с верой в посмертную жизнь духов предков и их «воздействие» на жизнь живущих⁹⁶.

Для современной Южной Кореи неплохой иллюстрацией влияния церемонии *чеса* может быть факт «сохранности» до наших дней корей-

⁹³ Janelli Roger L. Ancestor worship and Korean society.

⁹⁴ Ibid. P. 179.

⁹⁵ Курбанов С.О. О важности изучения категории хё («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996. С. 102–110.

⁹⁶ Чхве Гильсон. Хангуг-ый чосан сунбэ [최길성. 한국의 조상숭배. «Культ предков Кореи»]. Сеул, 1986. С. 17.

ской национальной одежды *ханбок*. Современный южный кореец должен надевать костюм *ханбок* во время празднования собственного первого дня рождения, свадьбы, шестидесятилетия родителей, но главное – корейский национальный костюм обязателен для нескольких ежегодных церемоний кормления духов предков. Поэтому практически все корейцы, от мала до велика, имеют дома костюм *ханбок*, и даже не один, другое дело что мужчины могут его не надевать. Как раз в 1980–1990-х годах стала наблюдаться тенденция замены традиционной одежды на европейскую даже при совершении церемоний *чеса*⁹⁷. Однако имеют *ханбок* абсолютно все. С другой стороны, традиционная обувь практически не производится и не носится, что вполне естественно: все церемонии проводятся в помещении, где ходят без обуви. Поэтому когда корейцы выходят на улицу, одетые в *ханбок*, обувь у них в большинстве случаев европейская. Кстати, неважностью обуви для основных ритуалов, совершаемых в помещении, можно объяснить и весьма «странный» с точки зрения европейца наряд корейского буддийского монаха, совмещающего яркую спортивную обувь («кроссовки») с серой монашеской рясой: входя в храм или келью, он оставляет свою «модную» обувь на улице.

В одной из популярных южнокорейских «новых религий» *чынсандо* («путь [Кан] Чынсана»⁹⁸), имеющей по состоянию на начало 2005 г. более 160 отделений в Республике Корея и 14 за рубежом, во время совершения богослужения *чхисон* (致誠) верующие совершают действия, аналогичные тем, которые исполняются во время церемоний *чеса*. Эти действия имеют названия, идентичные названиям отдельных этапов церемонии кормления духов предков: *чхохон* – «начальное подношение», *ахон* – «второе подношение» и т. п.⁹⁹ Во время богослужений верующие *чынсандо* «кормят» духов – основателей религии, духа Тангуна (III тыс. до н.э.), мифического правителя государства Древний Чосон, духов той местности, в которой расположен молельный дом, и т.п.

И все это – лишь малая часть примеров того, насколько *важным элементом культуры Кореи* является церемония кормления духов

⁹⁷ Ли Гильхё. Каре-рыль тхонхэ пон хангугин-ый ыйсик кучжо ёнгу. [이길표. 가례를 통해 본 한국인의 의식구조 연구. «Исследование [национального] сознания корейцев, рассмотренное через домашние ритуалы»]. Сеул, 1982. С. 106–107.

⁹⁸ Подробнее см.: Курбанов С.О. Корейская религия чынсандо. Краткое изложение основных идейных постулатов. Личные впечатления: (Опыт многостороннего описания объекта) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб., 2005. С. 216–239.

⁹⁹ Чынсандо синан [증산도 신앙. «Вера чынсандо»]. Тэчжон, 2003. С. 78–79.

предков *чеса*, которая не исчезла даже в «социалистической»¹⁰⁰ Северной Корее.

Именно через понимание значения и сути веры в духов предков, церемонии кормления духов предков возможно комплексное понимание категории «сыновней почтительности» *хё* (孝), отраженной в классических конфуцианских сочинениях, *воспринятых* в Корее *с собственной корейской точки зрения*. Именно вера в духов предков помогает лучше понять трансформацию восприятия категории *хё*, которая произошла в Корее в период с X по начало XX в. и отражена в корейских памятниках письменности XII – начала XX в.

О корейской вере в посмертную жизнь духов предков можно сформулировать следующие предположения, представлявшиеся автором работы еще в 1995 г. на международной конференции Ассоциации корееведческих исследований в Европе, которая проводилась в Праге¹⁰¹.

«Сыновняя почтительность» *хё* (孝, 孝) может подпитываться верой в духов предков, в их посмертную «жизнь» и верой в возможность духов оказывать воздействие на жизнь потомков. Ведь уход из жизни и превращение в духа – это неизбежная участь каждого человека. Однако старший по возрасту предположительно уйдет из жизни раньше и раньше станет всемогущим духом. Поэтому следует хорошо служить старшему родственнику, чтобы, став духом, он не разгневался и не отомстил «нерадивому» потомку (недаром у корейцев есть поговорка «если что-то хорошо получилось, то это моя заслуга, а если что-то не удалось, то виноват предок» – *잘되면 제탓이고 잘못되면 조상탓이다*). Поэтому «служение родственникам» («сыновняя почтительность»), по крайней мере в рамках корейской культуры, неизбежно вытекает из веры в духов предков, подпитываемой многочисленными церемониями кормления духов предков, которые, в свою очередь, имеют «механизм» защиты веры в духов предков, о котором упоминалось выше.

Знакомство с текстом памятника «Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”» (孝經 諺解) дает возможность совершить первый шаг на пути изучения классической теории категории *хё* (孝), а также *корейских* особенностей в восприятии этой категории традиционной конфуцианской культуры.

¹⁰⁰ Определение Корейской Народно-Демократической Республики как «социалистического» государства в общепринятом значении слова «социализм» не совсем соответствует северокорейским реалиям. Подробнее см.: Курбанов С.О. Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. Осень 2001. № 4 (7). М., 2002.

¹⁰¹ Kourbanov Serguei O. The Belief in the Spirits of Deceased and Seniors-Juniors Relation in Korea // 17th Conference of the Association for Korean Studies in Europe: Abstracts. Prague, 1995. P. 127.

Часть вторая

КОНФУЦИАНСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ
«КАНОН СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ»
В КОРЕЙСКОЙ ТРАКТОВКЕ

Как показывает изучение корейских памятников письменности, представление о категории хё в разные эпохи – с древности и до наших дней – было различным. Для адекватного понимания процесса трансформации корейских представлений о категории «сыновней почтительности» хё (孝), следует начинать с «отправной точки» изменений, то есть с описания «идеального качества», «идеального состояния» этой категории. Самыми старыми текстами, описывающими «сыновнюю почтительность» как элемент конфуцианской культуры, являются классические конфуцианские каноны, принятые и распространенные в Коре, прежде всего «Сяо цзин» (孝經) – «Канон сыновней почтительности».

Отдельные особенности представлений о категории «почтительности к родителям» отражены также в базовых китайских конфуцианских канонах, таких как «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Чжун юн», они будут рассмотрены ниже. Во всех этих сочинениях «почтительность к родителям» не была *главным* содержанием их текстов, а представлена лишь как часть *общего* изложения вопросов, связанных с проблемой человека и государства.

Для того чтобы получить представление о *корейских* классических конфуцианских представлениях о категории хё, следует начать с анализа корейской редакции «Канона сыновней почтительности» – «Хёгён онхэ», то есть «Перевода на корейский язык и комментариев к “Канону сыновней почтительности”» (효경언해, 孝經諺解).

При знакомстве с корейской редакцией «Сяо цзина» следует иметь в виду два обстоятельства: 1) наличие возможности распространения реалий древней и средневековой китайской общественной мысли, прежде

всего конфуцианства, в обществе Кореи средних веков и нового времени; 2) понимание того, что в основе корейского восприятия «сыновней почтительности», «служения родителям», «служения старшим» лежит вера в духов предков.

1. ОБ ИЗУЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ О КАТЕГОРИИ ХЁ (孝) В РОССИИ И КОРЕЕ

До сих пор «Канон сыновней почтительности» переводился только на английский язык и ряд европейских языков. Первые англоязычные тексты памятника появились более ста лет тому назад. Среди наиболее известных – перевод английского востоковеда Джеймса Легга (James Legge)¹. Кроме него существует также менее распространенный английский текст перевода памятника, выполненный Айваном Чэнь (Ivan Chen)² в начале XX столетия. Однако оба текста (не говоря уже о том, что эти переводы были сделаны на иностранный язык и поэтому доступны далеко не всем российским читателям) практически недоступны, поскольку редкие экземпляры этих книг хранятся в специальных библиотеках, закрытых для широкой публики.

Кроме того, библиографические издания указывают на существование еще одного английского, а также французского, немецкого и итальянского текстов «Сяо цзина»³. Однако эти издания находятся за пределами Российской Федерации.

Изучение корейских классических памятников письменности в *отечественном корееведении* происходило в нескольких основных направлениях: исследование древних эпиграфических надписей (Р. Ш.

¹ The Chinese classics with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes by J. Legge. Vol. 1–7. London, 1893. – Относительно этого знаменитого издания перевода конфуцианской классики, выполненного Джеймсом Леггом в конце XIX столетия, следует сделать важное замечание. В собраниях востоковедной литературы в таких крупнейших востоковедных библиотеках Санкт-Петербурга, как Восточный отдел литератур стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки, восточная часть коллекции Библиотеки Академии наук РАН, выяснилось, что из семитомного издания конфуцианской классики Джеймса Легга в Санкт-Петербурге представлены только первые четыре–пять томов, содержащие переводы таких памятников, как «Беседы и суждения», «Мэн-цзы» и т.п. Последние тома собрания, в которых предположительно и напечатан английский перевод «Канона сыновней почтительности», в указанных коллекциях отсутствуют.

² The Book of Filial Duty. Translated from the Chinese of the Hsiao Ching by Ivan Chen. With the Twenty-Four Examples from the Chinese. London, 1908.

³ Boltz W.G. Hsiao ching // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. Berkeley, 1993. P. 152.

Джарылгасинова⁴), изучение средневековых исторических сочинений (М. Н. Пак⁵), переводы на русский язык и исследование произведений корейской классической литературы (Д. Д. Елисеев, М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Л. В. Жданова и другие).

Памятники корейской конфуцианской мысли рассматривались в основном в рамках комплексных исследований по истории общественной мысли Кореи в средние века и новое время⁶. При этом никакой из привлеченных для настоящего исследования корейских (или китайских «корейзированных») памятников письменности, за исключением «Исторических записей Трех государств» – «Самгук саги» (三國史記), специально на русский язык полностью не переводился и не исследовался.

В Республике Корея ведется наиболее активная работа по переводу на современный корейский язык и изучению «классических» памятников письменности буквально по всем направлениям и жанрам.

Классический конфуцианский «Канон сыновней почтительности» (孝經) неоднократно издавался и переиздавался как в форме комментированного перевода на современный корейский язык, так и факсимильным изданием ксилографических текстов. Корейские нравоучительные сочинения средних веков и нового времени, такие как «Самган хэнсильдо» – «Иллюстрации реальных поступков [следования] Трех заповедям» (삼강행실도; 三綱行實圖), публиковались в переводе на современный корейский язык и также были объектом пристального исследования южнокорейских авторов.

Относительно поздно, только в 2004 г. в Сеуле впервые вышел из печати перевод на современный корейский язык, комментарий и исследование первого корейского сочинения, специально посвященного описанию актов «почтительности к родителям» – «Хёхэннок» (효행록, 孝行錄. «Записи о поступках почтительности к родителям»; XIII–XIV вв.)⁷.

Не менее важное место в современной Республике Корея занимает работа, направленная на публикацию текстов многочисленных стел (碑), установленных в провинции. В частности, удалось обнаружить редкие сборники текстов стел, сооруженных в конце XIX – XX столетия в честь почтительных сыновей и дочерей в одной из южнокорейских провинций⁸.

⁴ См., например: Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история Кореи по данным эпиграфики: («Стела Квангэтхо-вана»). М., 1979.

⁵ См., например: Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003.

⁶ Тягай Г.Д. 1) Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971; 2) Формирование идеологии национально-освободительного движения в Кореи. М., 1983.

⁷ Хёхэннок / Юн Хочжин ёк [孝行錄, 尹浩鎭 譯. «Записи о поступках почтительности к родителям»] / Перев. Юн Хочжина. Сеул, 2004.

⁸ См., например: Хёльхэн чжокпи нокчип [(효열행적비록집, 孝烈行蹟碑錄集. «Соборание текстов стел в честь почтительных детей и верных жен»]. Ёнтхон, 1990.

Что касается *Корейской Народно-Демократической Республики*, то можно предположить, что и в этой стране также ведется работа по переводу и публикации на современном корейском языке классических средневековых текстов. Однако не удалось обнаружить каких-либо сведений о том, что использованные в настоящей работе классические и корейские конфуцианские сочинения переводились и издавались в Северной Корее.

Западное корееведение также не обращалось к специальному исследованию «Корейского перевода и комментариев к “Канону сыновней почтительности”» (孝經諺解), «Иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» (三綱行實圖) и других памятников письменности, которые позволяют получить представление о теории и практике категории хё в культуре Кореи.

Итак, начнем знакомство с корейскими представлениями об универсальной категории хё (孝) с текста «Перевода на корейский язык и комментариев к “Канону сыновней почтительности”» – канона «Хёгён онхэ» (효경언해, 孝經諺解).

2. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解)

2.1. ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解)

«Канон сыновней почтительности» – «Сяо цзин» (孝經), ставший объектом для перевода на корейский язык в середине XVI в., занимает особое место в ряду конфуцианской классики, поскольку полностью посвящен исключительно проблеме почтительности к родителям.

«Сяо цзин» уже с первых веков нашей эры стал известен и широко распространен в древних корейских Трех государствах – Когурё, Пэкче и Силла. Именно в эпоху Трех государств знание трактата «Сяо цзин» было обязательным для сдачи государственного экзамена на получение чиновничьей должности.

«Хёгён онхэ» (효경언해, 孝經諺解) – это перевод на корейский язык и комментарии к китайскому конфуцианскому классическому «Канону сыновней почтительности», корейское название которого звучит как «Хёгён» (孝經), что связано с различным прочтением на китайском и на корейском языке одних и тех же иероглифов, которыми записывается название сочинения. Термин «онхэ» (諺解) означает перевод на средневековый корейский язык и комментарии к китайским классическим трактатам.

Начиная со времени образования древнейших государств на Корейском полуострове и до середины XV в. письменным языком Кореи был

старый китайский литературный язык *вэньянь* (文言), который в Корее называли словом *ханмун*⁹ (漢文). Попытка применить китайские иероглифы для записи собственно корейского языка, имевшая место в первом тысячелетии нашей эры, привела к созданию письма «иду» (吏讀), то есть «чиновничьего письма». Однако из-за сложности и громоздкости оно не получило широкого распространения, оставив приоритет за *ханмуном*.

Ситуация изменилась коренным образом в середине XV в., во время правления государя Сечжона (1418–1450 гг.), когда в 1443 г. был издан трактат «Хунмин чоным» – «Наставление народу о правильном произношении» (훈민정음, 訓民正音), вводивший в употребление корейский алфавит¹⁰.

Примерно через столетие после этого в Корее началась работа по переводу на корейский язык и комментариям на корейском языке к китайским классическим конфуцианским сочинениям. Например, знаменитый корейский мыслитель Ли И (1536–1584) подготовил перевод и комментарии канонического сочинения «Мэн-цзы»; в корейском произношении название памятника письменности звучит как «Мэнчжа онхэ» (맹자언해, 孟子諺解). На 18-м году правления государя Сончжо, то есть в 1585 г., было организовано особое ведомство – *Кёчжончхон* (교정청, 校正廳), или Палата сопоставлений и исправлений, которой была поручена работа по переводу и изданию на корейском языке семи конфуцианских классических произведений: «И цзин» («Книга перемен», 易經), «Ши цзин» («Канон стихов», 詩經), «Шу цзин» («Канон писаний», 書經), «Да сюэ» («Великое учение», 大學), «Чжун юн» («Следование середине»¹¹, 中庸), «Лунь юй» («Суждения и беседы», 論語) и «Мэн-цзы»¹².

Предположительно на 23-м году правления государя Сончжо, в 1590 г., также при участии Палаты сопоставлений и исправлений, появился перевод на корейский язык и комментарии к «Канону сыновней почтительности» («Сяо цзину») ¹³.

⁹ Считается, что ханмун был «видоизмененной формой древнекитайского языка» (подробнее см.: Хунмин чоным [«Наставление народу о правильном произношении»] / Исслед., перев. с ханмуна, примеч. и прилож. Л.Р.Концевича // Памятники письменности Востока LVIII. М., 1979. С. 21).

¹⁰ Подробнее см.: Там же.

¹¹ Еще название канона «Чжун юн» может переводиться на русский язык как «Учение о середине».

¹² Ли Хынчжик. Сэ куksа сачжон [이흥직. 새 國史 事典. «Новая энциклопедия корейской истории»]. Сеул, 1992. С. 1390.

¹³ Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон [한국민족문화대백과사전. «Большая энциклопедия корейской национальной культуры»]. Т. 25. Сеул, 1993. С. 642. – В то время переводы китайской конфуцианской классики всегда публиковались вместе с текстами оригиналов.

Таким образом, вторая половина XVI в. дает начало практике создания двуязычных текстов *онхэ* (언해, 諺解), получившей широкое распространение в XVII–XIX вв. Чем важны и интересны такие двуязычные тексты? Во-первых, обращение к ним помогает лучше понять общий смысл изучаемого трактата. Во-вторых, поскольку тексты *онхэ*, в особенности XVI в., представляют китайские канонические книги, базисные для всей дальневосточной общественной мысли, с их помощью возможно достичь более точного понимания отдельных ключевых терминов, таких как Путь «Дао» (道, кор. *То/До*), Небеса/Небо «Тянь» (天, кор. *Чхон*) и т. п. В третьих, и это, пожалуй, самое важное, тексты *онхэ* позволяют определить особые корейские подходы (в случае если они были) в толковании классических трактатов. В-четвертых, двуязычный текст – ценнейший материал для изучения истории старого корейского языка. Считается, что корейские тексты *онхэ* XVI в. зафиксировали стадию перехода от средневекового корейского языка к языку нового времени¹⁴.

Прежде чем обратиться к тексту перевода и рассмотрению особенностей *корейского* трактата «Хёгён онхэ», познакомимся с историей появления *китайского* оригинала «Канона сыновней почтительности».

2.2. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ КАНОНА «СЯО ЦЗИН» (孝經) И ПРОБЛЕМА ЕГО АУТЕНТИЧНОСТИ

Авторство и время написания трактата «Сяо цзин» (孝經) точно неизвестно. Существует несколько основных версий, определяющих его авторами либо самого Конфуция (孔子, 551–479 гг. до н.э.), либо его ученика Цзэн-цзы (曾子, 505–435 гг. до н.э.; имя – Сань 參, прозвище – Цзы-юй 子輿). В литературе встречается мнение о том, что некое третье лицо сделало запись диалогов между Конфуцием и Цзэн-цзы, либо же вообще считается, что «Сяо цзин» – это фальсификация «канонического текста», написанная неизвестным автором. Первая версия представлена в знаменитых «Исторических записках» древнекитайского историка Сыма Цяня (145–85? гг. до н.э.). Вторая излагается в предисловии к так называемому «старому» тексту¹⁵ (古文) «Сяо цзина», написанному потомком Конфуция Кун Анью (孔安國, II в. до н.э.). Третья и четвертая теории возникли в Китае периода Сун (960–1279 гг.), авторы их – историк Сыма Гуан (司馬光, 1019–1086) и основоположник неоконфуцианства Чжу Си (朱熹, 1130–

¹⁴ Там же.

¹⁵ В современной отечественной китаеведной литературе «старый» текст принято называть как «школа текстов старых писем» и, соответственно, «новый» текст как «школа текстов новых писем»; подробнее см.: Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 312.

1200). Кроме того, в том же сунском Китае ученый по имени Пин И (憑椅) считал, что автором «Сяо цзина» был внук Конфуция Цзы Сы (子思, 483?–402 гг. до н.э.)¹⁶.

Не меньше споров вызывает и вопрос о времени появления канона. Исходя из того факта, что о нем уже писал Сыма Цянь, можно с уверенностью говорить, что текст «Сяо цзина» существовал после II в. до н.э. Согласно изложенным выше теориям авторства, можно предположить, что текст канона мог быть написан начиная от V в. до н.э.

Существуют и альтернативные теории, описывающие, каким образом трактат стал известен широкой общественности. Во всяком случае, при династии Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.; 25 г. н.э. – 220 г. н.э.) «Сяо цзин» был доступен для прочтения, при этом уже тогда существовали два варианта его текста: так называемые «старый» текст (古文) и «новый» текст (今文).

Относительно появления «нового» текста существует следующая точка зрения. При правлении китайского императора Шихуан-ди (始皇帝, годы жизни 259–210 гг. до н.э.) империи Цинь (221¹⁷–207 гг. до н.э.) во время знаменитых гонений на конфуцианских ученых и связанного с этим сожжения конфуцианских книг в местечке Хэцзян (河間) жил человек по имени Янь Чжи (顏芝), который спрятал «Сяо цзин». В дальнейшем, после воцарения династии Хань, его сын по имени Чжэн (貞) передал текст канона правителю Хэцзяна, Сянь-вану (獻王). Поскольку рукопись была написана широко употреблявшимся в то время каллиграфическим стилем «лишу», то ее и называли «новым» текстом.

«Старый» текст «Сяо цзина» появился несколько позже. Во времена царствования ханьского императора У-ди (武帝, 140–87 гг. до н.э.) правитель княжества Лу (魯), Гун-ван (共王), решил разрушить дом, где раньше жил Конфуций, надеясь, что найдет там что-либо, спрятанное от гонений циньского императора Шихуан-ди. Его надеждам суждено было сбыться. В стене дома был обнаружен каменный гроб, в котором находился текст «Канона сыновней почтительности». Он был написан древними, трудными для прочтения письменами. Поэтому текст его и получил название «старого». Письмена были расшифрованы и переписаны понятными для

¹⁶ Эта и дальнейшая информация об истории создания, открытия и распространения «Канона сыновней почтительности» в Китае в основном взята из предисловия к его переводу на корейский язык Сон Донхо (Синьёк Хёгён. Сон Донхо ёкхэ. [新譯 孝經. 성동호 譯解. «Новый перевод Канона сыновней почтительности» / Перев. и коммент. Сон Донхо]. Сеул, 1986. С. 7.

¹⁷ Южнокорейские хронологические таблицы указывают на 220 г. до н.э. как год начала правления императора Шихуан-ди (Ли Хёньчжон. Тонъян ёнпхё [李 鉉淙. 東洋 年表. «Дальневосточные хронологические таблицы»]. Сеул, 1992. С. 5.

всех иероглифами потомком Конфуция Кун Аньго. Он же составил предисловие к «переводу», в котором утверждалось, что именно настоящий текст подлинный.

Однако после этого Китай неоднократно переживал как периоды внутренних смут, так и многочисленные нападения извне, отразившиеся на сохранности древней литературы. Оригинальный ханьский текст «старого» «Сяо цзина» не сохранился. Поэтому трудно говорить о том, имеем ли мы в настоящее время дело с действительным оригиналом «старого» текста, переработанным Кун Аньго, или же это более поздняя редакция, или даже фальсификация. Тем более что практически сразу после появления «старый» текст снова пропал, а широкое распространение получил «новый» текст с комментариями китайского ученого династии Поздняя Хань (25–220 гг. н.э.) Чжэн Сюаня (鄭玄, 127–200 гг.).

Во время правления китайской династии Суй (581–618 гг.) некто по имени Ван Шао (王邵) (с ключом «сила» 力 в правой части иероглифа *шао* 邵)¹⁸ снова случайно нашел оказавшийся затерянным при династии Лян (502–566) «старый» текст «Сяо цзина» и отослал его ученому по имени Лю Сюань (劉玄, 546?–613?), который, откомментировав его, стал использовать в преподавании наравне с «новым» текстом. Весть об этом открытии дошла до императорского двора, и снова разгорелся спор насчет подлинности того или иного варианта канона, причем большинство ученых склонялось к тому мнению, что «старый» «Сяо цзин» является поддельным. Спор о подлинности двух текстов продолжился и при следующей китайской династии Тан (618–907 гг.). Однако по причине невозможности разрешения спора в 722 г. был издан «совмещенный» текст памятника, получивший название «Юйчжу Сяо цзин» (御注孝經), или «Императорский откомментированный Канон сыновней почтительности». Однако эта версия канона не удовлетворила императора Сюань-цзуна (712–756 гг.), и в 743 г. под его личным наблюдением текст был заново откомментирован, а его новая редакция даже была высечена на камне. При этом за основу был взят «новый» «Сяо цзин», которым после указанных событий стали пользоваться более всего, а «старый» текст снова оказался вне поля зрения как ученых, так и более широких слоев образованного населения.

Новое возвращение к проблеме аутентичности памятника произошло уже при династии Сун (960–1279 гг.). Тогда историк Сыма Гуан составил комментарии к «Сяо цзину», а Чжу Си заново разделил канон на главы,

¹⁸ Использование неподходящих иероглифов объясняется ограниченным набором иероглифики в программе иероглифической поддержки корейского языка корпорации «Майкрософт».

соединив первые 7 глав в одну и изъяв из следующих 14 глав 123 иероглифа текста, создав, таким образом, уже третью редакцию текста (изъяты были цитаты из древнекитайского памятника «Канон стихов» – «Ши цзин» (詩經)¹⁹, призванные проиллюстрировать основное содержание большинства глав трактата). При этом даже появилась точка зрения, что «новая» – третья, редакция Чжу Си является самой близкой к изначальному «старому» тексту. Однако вопрос о том, какой же из текстов подлинный, так и остался нерешенным.

Насколько велика разница между первыми двумя версиями текста «Сяо цзина», «старым» и «новым», и насколько принципиальным является этот спор? По мнению современных ученых, различия не так велики, чтобы заострять на них внимание. Так, в «новом» тексте нет гл. 19 «Внутренние покои» («Гуймэнь чжан» 閨門章), в которой всего 24 иероглифа. По мнению корейского ученого Сон Донхо, это даже «лучше»²⁰. Кроме того, в «новом» и «старом» вариантах различается деление текста памятника на главы. Так, гл. 6 и 7 «старого» текста – «Простолюдины» («Шужэнь чжан» 庶人章) и «Равнонеобходимость сяо» («Сяо пин чжан» 孝平章), в «новом» тексте объединены в одну главу «Простолюдины». Точно так же три главы «Правление мудростью» («Шэн чжи чжан» 聖治章), «Продолжение поколений в рождении от отца и матери» («Фуму шэнцзи чжан» 夫母生續章) и глава «Полнота и недостаточность сяо» («Сяо юле чжан» 孝優劣章) соединены в «новом» тексте в одну главу «Правление мудростью» («Шэн чжи чжан» 聖治章). Таким образом, в «старом» тексте канона имеется 22 главы, а в «новом» – всего 18. При этом различий в тексте как таковом практически нет. Вопрос же об аутентичности какого-либо из вариантов до сих пор не получил однозначного ответа и во многом зависит от личной точки зрения комментатора.

В XVI в. в Корее, когда Палата сопоставлений и исправлений принялась за работу над переводом «Сяо цзина», в качестве объекта перевода был избран еще один, четвертый, признанный в то время за образцовый вариант. Это был текст «Сяо цзин да и» (кор. «Хёгён тэый», 孝經大義) или «Великого смысла “Канона сыновней почтительности”», отредактированного китайским ученым Дун Дином (董鼎), жившим в период правления династии Юань (1280–1368 гг.). Дун Дин взял за основу для очередной переработки текста последнюю редакцию «Сяо цзина», принадлежавшую кисти Чжу Си и дополнил ее своими комментариями²¹.

¹⁹ В отечественном китаеведении указанный памятник переводят также как «Книга песен» (Китайская философия: Энциклопедический словарь. С. 500).

²⁰ Синъёк Хёгён. Сон Донхо ёкхэ. С. 10.

²¹ Хангук минчжок мунхва тэбэкхва сачжон. Т. 25. С. 642.

Действительно, многочисленные южнокорейские переиздания «Сяо цзина» («Хёгёна») последних лет, как факсимильные²², так и напечатанные современным типографским способом²³, в большинстве случаев представляют собой воспроизведение текста «Хёгён тэый», включая комментарии Дун Дина (корейское прочтение его имени – Тон Чжон).

Однако при составлении «Хёгён онхэ» все комментарии Дун Дина были полностью исключены. Китайский текст оригинала в «Хёгён онхэ» фактически «вернулся» к третьему варианту текста, редактором которого был Чжу Си²⁴.

2.3. СТРУКТУРА «ХЁГЁН ОНХЭ»

Для перевода и анализа в настоящей работе был избран текст ксилографа «Хёгён онхэ», хранящийся в библиотеке Института востоковедения при южнокорейском университете Тангук (단국대학교 동양학연구소) в Сеуле²⁵. Ксилограф представляет собой одну тетрадь размером 29×18,5 см, рамка – 21,5×16 см. Всего в книге 12 листов (24 страницы), на каждой странице 14 строк. Дата издания не указана. На обложке иероглифами записано сокращенное название памятника – «Хёгён хэ» (孝經 解), то есть «Комментарии к “Канону сыновней почтительности”». Слово «он» (諺) – «перевод на корейский язык» – в сокращенном названии отсутствует.

Каждая из 15 глав «Хёгён онхэ» состоит из двух частей – китайский текст оригинала, то есть «Сяо цзина», и его перевод на старокорейский язык XVI в. с комментариями к *отдельным терминам*. Комментарии к *завершенным фрагментам текста* даны только к тексту перевода первой «Канонической» главы «Кёнчжан» (經章) и напечатаны мелким шрифтом.

Китайский текст «оригинала» также не совсем обычен и, в свою очередь, состоит из двух лингвистических слоев. Первый слой – это собственно китайский текст. Второй лингвистический слой «текста ориги-

²² Сохак. Хёгён. Хёгён пучжон [小學. 孝經 附傳. «Малое учение. Трактат о почтительности к родителям. Приложение к Трактату о почтительности к родителям». Факсимильное издание текстов]. Сеул, 1979.

²³ Мёнсим погам. Хёгён. Комун чинбо. Ким Чончжин ёк [明心寶鑑. 孝經. 古文眞寶. 金丁鎮 譯. «Драгоценное зеркало просветленного сердца. Канон сыновней почтительности. Истинная драгоценность древних писем / Перев. Ким Чончжин’а»]. Сеул, 1996.

²⁴ Интересно отметить, что справочное издание «Китайская философия. Энциклопедический словарь» в разделе «Сяо цзин» не упоминает ни о редакции Чжу Си, ни о редакции Дун Дина, которые были широко распространены в Корее XVI–XIX вв.

²⁵ Хёгён онхэ [孝經 諺解. «Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”»]. Ксилограф из библиотеки Института востоковедения при университете Тангук. Шифр «古147 경694 호 V2», инв. № 58091.

нала» – корейский. Дело в том, что после каждого иероглифа корейской графикой обозначено его чтение, а после отдельных частей китайских фраз мелким шрифтом добавлены корейские грамматические показатели. Таким образом, если читать только китайские иероглифы, не обращая внимания на корейскую графику, получается подлинный текст китайского первоисточника. Чтение иероглифов вместе с корейскими грамматическими показателями дает «кореизированный» китайский текст или «китаизированный» корейский. Традиция сочетания корейских грамматических окончаний с китайским текстом оригиналов возникла, очевидно, сразу с началом широкого распространения корейского алфавита. И это при том, что корейский и китайский языки очень несхожи, имеют различный порядок слов в предложении. Например, в китайском языке дополнение следует за сказуемым, в то время как в корейском – наоборот. Однако добавление корейских грамматических показателей совсем не означает, что текст уже переведен на корейский язык. Литературный корейский текст требует другого порядка слов, а иногда и иной лексики. Поэтому за «кореизированным» текстом оригинала в «Хёгён онхэ» всегда следует текст собственно перевода на корейский язык. Указанная выше обработка китайского текста, очевидно, помогала корейскому читателю разделить китайские предложения на относительно самостоятельные части, которые было легче воспринимать.

В большинстве случаев добавление корейских окончаний к отдельным фрагментам китайского текста делалось так, что изначальный смысл никак не менялся. Только в отдельных редких случаях корейские окончания устанавливают причинно-следственную связь между частями предложения, четко не обозначенную грамматически в китайском тексте оригинала.

Точно так же как китайский текст оригинала имеет корейские окончания, в корейский текст *перевода* включена *иероглифика*, дублирующая корейскую графику. Она составляет порядка 5–10% текста перевода и употребляется для обозначения имен собственных, а также слов, имеющих в большинстве случаев «терминологическое» значение, как, например, Путь (道), добродетель (德), послушание (順), Поднебесная (天下), ритуал²⁶ (禮), почтительный сын (孝子).

²⁶ В современном отечественном Китаеведении термин *ли* (禮) принято переводить как «правила». Исходя из корейских трактовок данного термина, которые сопоставляют слово *е* (китайское прочтение – *ли*, 禮) с английским термином «*rite*» – «обряд, церемония, ритуал», в случае с переводом памятника «Хёгён онхэ» мы придерживаемся устаревшего варианта перевода указанного термина в значении «ритуал».

Текст исследуемого ксилографа «Хёгён онхэ» имеет одну «Каноническую главу» (經章) и 14 номерных глав «чончжан» (傳章); при этом порядковый номер глав обозначается в конце каждой главы. В большинстве случаев вслед за номером прилагается резюме, вкратце излагающее основное содержание главы. В гл. 8, 12, 13, 14 такого резюме нет.

Обычно иероглиф «чон» (кит. «чжуань», 傳) применительно к классическим текстам переводят на русский язык словом «биография», «сказание», «повесть». Есть также перевод этого слова в значении «подробный комментарий к каноническим книгам»²⁷. Действительно, не только «Канон сыновней почтительности», но и другая конфуцианская классика, подвергшаяся неоконфуцианской редакции в XI–XII вв., имеет аналогичное деление на «каноническую» и «комментирующие» главы²⁸.

С другой стороны, одно из основных значений иероглифа «чон» («чжуань») – «передать», «передвигать». Поэтому можно предположить, что в случае с «Хёгён онхэ» соотнесение 14 глав трактата с понятием «чон» (傳) означает также, что текст этих глав, по мнению «редактора» трактата, был «передан» уже после того, как была записана Первая каноническая глава.

2.4. ОБ ОСОБЕННОМ В ТЕКСТЕ «ХЁГЁН ОНХЭ»

Текст корейского перевода в «Хёгён онхэ», за очень редкими исключениями, практически полностью, до мелочей, идентичен по смыслу китайскому оригиналу. И это естественно. Во-первых, Палата сопоставлений и исправлений Кёчжончхон (校正廳) имела дело с классическими конфуцианскими канонами, к которым относился и «Сяо цзин». Поэтому требования к качеству перевода на корейский язык были особенно высокими. Во-вторых, в то время когда велась работа над переводом «Сяо цзина» на корейский язык, то есть в XVI в., в Китае правила не «варварская» (подобно монгольской династии Юань), а исконно китайская династия Мин (1368–1644 гг.), которая считалась в Корее истинной наследницей традиций «образцовой древности». Поэтому для Кореи, находившейся в вассальной зависимости от Китая, какое-либо отклонение от признанных в Мин текстов было почти невозможным.

Последнее замечание сделано в связи с последующими событиями XVII в., когда в Китае в 1644 г. к власти пришла «варварская» маньчжурская династия Цин (1644–1912 гг.). После этого в Корее стали появляться идеи о том, что из-за подобной «смены власти» в Китае прервалась линия преемственности древней культуры, и «отныне», то есть с середины

²⁷ Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. И.М.Ошанина. Т. 2. М., 1984. С. 70.

²⁸ Кобзев А.И. Теоретическая новация в неоконфуцианстве как текстологическая проблема // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 151.

XVII в., «центр Вселенной» стал перемещаться из Китая в Корею, и Корея становится новой «Срединной империей», то есть своего рода «Китаем»²⁹. Поэтому с середины XVII в. корейская общественная мысль пошла в направлении поиска собственных исторических и культурных корней, которые помогли бы обосновать легитимность теории «маленького [корейского] Китая». Тогда отношение к китайскому классическому тексту могло стать несколько иным. Но в XVI в. перевод китайского канонического текста не мог не быть точным.

В процессе исследования практически не удалось найти таких мест в корейском тексте «Хёгён онхэ», которые можно было бы трактовать как имеющие существенное отличие.

Например, китайский текст резюме к первой главе «чон» (傳一章, условный перевод – «Первая глава комментариев») гласит: «[То, что] справа – Основная (дословно: «Заглавная») глава комментариев. Объясняет Наивысшую Добродетель, посредством которой приводят к послушанию Поднебесную» (右우는 傳鄔之지 首章장이니 釋석至지 德덕以이 順순 天텨 下하하니).

Корейский текст: «[То, что] справа – Первая глава комментариев. Объясняет приведение к послушанию Поднебесной посредством Наивысшей Добродетели» (右우는 傳鄔의 첫章장이니 지극한 德덕으로써 天텨 下하를 順순함을 회석하다).

Таким образом, единственное стилистическое отличие двух фраз состоит в том, что корейский текст обозначает номер главы не словом «заглавная», «голова» (кит. *шоу*), а словом «первая», что не принципиально.

Однако действительно особенной частью корейского текста «Хёгён онхэ» можно считать самое начало канона. На первой странице ксилографа после названия «Хёгён онхэ» первой фразе оригинального китайского текста «Канонической главы» (經章) предшествует корейское предложение: «Хорошую заботу о родителях называют почтительностью к родителям, а записанные слова мудрецов называют каноном» (어버이 잘 섬김을 孝 효-라 하고 성인 의 글월을 經 경이라 하노니라). В этой вводной части корейский текст записан большими буквами, то есть не является комментарием и выполняет, таким образом, функцию основного текста. Но это не перевод предшествующего китайского текста. Скорее всего, это объяснение термина «Хёгён» (孝經), содержащегося в названии памятника. При этом первая часть фразы заимствована из китайского комментария Дун Дина³⁰ к названию «Сяо цзина» в его редакции – «Сяо цзин да и» (孝經大義).

²⁹ Хан Ёну. Чосон хуги сахакса ёнгу [韓永愚. 朝鮮 後期 史學史 研究. «Исследование по историографии позднего периода [эпохи] Чосон»]. Сеул, 1989. С. 200.

³⁰ Сохак. Хёгён. Хёгён пучжон. С. 157.

Что же особенного в этом миниатюрном корейском предисловии к тексту трактата «Хёгён онхэ»? Дело в том, что еще на начальном этапе изучения автором категории «почтительности к родителям» хё (孝) в Корее, обнаружились два типа представлений об этой категории культуры – «узкое» и «широкое»³¹. «Узкое» понимание хё, зафиксированное в корейских толковых словарях, объясняет эту категорию исключительно в смысле служения родителям или ближайшим родственникам³². Причем современные словарные определения категории хё практически слово в слово повторяют первую часть «минипредисловия» из «Хёгён онхэ». «Широкое» понимание – это понятие не только в смысле служения родителям, но и служение подданного правителю, забота правителя о народе, экономное ведение хозяйства, послушание женщин и детей старшим мужчинам в семье и так далее. Это второе представление о хё как о всеобъемлющей категории является основным содержанием «Канонической главы» (經章) «Хёгён онхэ».

Знакомство с современной южнокорейской литературой о хё демонстрирует, что большинство корейцев соотносит с категорией хё исключительно заботу о родителях и не распространяет ее на остальные сферы общественной жизни.

Поэтому обнаружение в самом начале трактата «Хёгён онхэ» особого корейского определения категории хё (孝), не являющегося переводом канонического китайского текста и суживающего это понятие исключительно до служения родителям, является особенно важным.

Кроме указанного случая, никакого другого существенного отличия в содержании двух текстов памятника выявить не удалось.

2.5. ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ В ДВУЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ «ХЁГЁН ОНХЭ»

Как уже отмечалось выше, текст перевода первой «Канонической» главы имеет корейские комментарии к отдельным фразам или терминам, которые могут представлять интерес для изучения истории общественной мысли, ритуала, верований Кореи.

Например, «приведение к послушанию» Поднебесной с помощью Наивысшей Добродетели (至德) и Главного Пути (要道) объясняется по-корейски так: «Наставления, направленные на то, чтобы следовать [образцу] доброй и мудрой души (마음) людей Поднебесной»³³.

³¹ Курбанов С.О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996. С. 102–105.

³² Ури малъ кхын сачжон [우리말 큰사전. «Большой словарь родного языка»]. Т. 3. Сеул, 1992. С. 4764.

³³ Хёгён онхэ. Шифр «古147 경694호 V2». С. 1А.

Важным представляется корейское замечание к термину «Храм предков государя» (宗廟): «Теперь [это] храм предков основателя рода (祠堂)»³⁴. Этот комментарий на корейском языке сделан в контексте определения того, что же есть «почтительность к родителям» высокопоставленных сановников и, очевидно, меняет смысл предшествующей (комментируемой) китайской фразы, которая звучит так: «И только после того, как станешь обладать [этими] тремя [качествами], возможно защитить свой Храм предков государя». Значение этой фразы, с учетом корейского комментария, изменяется таким образом, что высокопоставленные сановники имеют целью соблюдения предписаний не защиту общегосударственного храма предков семьи монарха, а своего собственного.

Помимо прямых комментариев к отдельным словам, новую корееведческую информацию можно почерпнуть посредством сопоставления параллельных мест из китайского и корейского текстов. Такое сопоставление позволяет выявить ряд особых корейских терминов, имеющих интересную или даже необычную с точки зрения отечественного востоковедения трактовку. Вот лишь несколько примеров.

1) В корейском языке есть слово *нимгым* (님금) (современное произношение – *имгым*), обозначающее государя, верховного правителя страны. Словом *нимгым* с китайского языка переводятся такие слова, как *цзюнь* (君; кор. *кун*) – «государь», «правитель»; *ван* (王; кор. *ван*) – «князь», «король» (то есть правитель рангом ниже императора); *шан* (上; кор. *сан*) – собирательное понятие «верхи».

2) В пятой главе «чон» (傳) в двух местах корейского перевода слово *ханьль* (하늘) («небо») употреблено вместе с окончанием вежливости дательного падежа *кке* (께), которое используется исключительно с именами, указывающими на одушевленные лица³⁵. Очевидно, что в тексте речь идет о Небе как о верховном божестве, и факт уподобления его человеку через окончание «кке» может оказаться важным при изучении традиционного корейского представления об устройстве мира.

3) Последний пример связан с термином *сюшэнь* (修身; кор. *сусин*). В китайско-русских словарях он трактуется в значении «совершенствоваться», «работать над собой», «нравственное воспитание»³⁶. Аналогичен перевод этого бинорма и в корейско-русском словаре: «моральное (нравственное) воспитание»³⁷.

Однако в трактате «Хёгён онхэ» корейское понимание этого бинорма выражается словосочетанием: «очищать тело» (몸을 닦그다). Согласно

³⁴ Там же. С. 3А.

³⁵ Там же. С. 6Б–7А.

³⁶ Большой китайско-русский словарь. Т. 3. С. 382.

³⁷ Большой корейско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. Т. 1. М., 1976. С. 737.

отечественным китайско-русским словарям, иероглиф *сю* (修; кор. *су*) значения «чистить» не имеет. В таком случае чем обусловлен этот несколько необычный перевод на корейский язык?

Во-первых, в *корейских* иероглифических (в том числе и новейших электронных) словарях *первым значением* этого иероглифа как раз является «очищать».

Во-вторых, как показывает практика общения с корейской культурой, понятия «чистота» и «совершенство» в ней тесно связаны друг с другом. Позволим себе выдвинуть предположение, никак не подкрепленное ссылками на опубликованные работы, но подтвержденное при устной беседе с почетным профессором сеульского университета Тангук (단국대학교) госп. Хван Пхэганом (황폐강, 黃滄江) в августе 1998 г. Для корейца идеальное состояние человека, его внутреннего мира и внешнего облика – это чистота. Иными словами, наивысшее совершенство по корейским понятиям³⁸ – это не развитый ум и тело, это не многочисленные искусства, которым может научиться человек, а прежде всего чистота, чистота его тела и духа.

Действительно, во время неоднократных посещений Республики Корея удивляет то, как корейцы оценивают удачные интерьеры помещений или элегантный внешний вид человека. Они говорят не «красиво», а «чисто» (*кэккытхада*, 깨끗하다).

С другой стороны, следует отметить, что в качестве вторых значений исконно корейского глагола «чистить» (*таккта*, 닦다) корейско-русские словари приводят и такие, как «усовершенствовать», «развивать», «закалять».

Таким образом, глагол *таккта* («чистить»), употребленный в переводе бинорма *сусин* (修身; кит. *сюшэнь*) отражает реальное корейское представление об идеале и совершенстве, которое, наверное, следует изучать более детально, основываясь на широком привлечении материалов первоисточников и научных методах анализа.

В настоящем разделе дано самое общее представление о характере «Хёгён онхэ» – одного из двуязычных канонов, составивших серию переводов китайской классической конфуцианской литературы на корейский язык, работу над которой вела Палата сопоставлений и исправлений *Кёчжончхон* во второй половине XVI в.

Тщательное сравнение оригинального китайского текста трактата и его перевода на корейский язык показывает следующее.

³⁸ Глагол *таккта* 닦다 употребляется также и при переводе бинорма *сюдао* 修道 (кор. *судо*). В отечественных словарях это словосочетание трактуется как «совершенствование», «самосовершенствование». Корейский перевод – «очищение Пути». И этот пример не единственный.

1. Содержание китайской и корейской частей практически идентично; поэтому обращение к тексту «Хёгён онхэ» позволяет:

- лучше понять содержание канона;
- правильно истолковать отдельные ключевые понятия, по крайней мере, в рамках корейской культуры;
- изучать корейский язык XVI в.

Последнее представляется особенно важным. Существующие в настоящее время справочные издания по средневековому корейскому языку, как правило, описывают язык XV в.³⁹ Поэтому в работе над переводом корейской части памятника нередко только обращение к китайским параллельным местам позволяло определить значение отдельных корейских слов и грамматических конструкций.

2. Несмотря на практически полную идентичность китайской и корейской частей канона «Хёгён онхэ», скрупулезное сопоставление параллельных мест из текста памятника дает возможность определить исконно корейские черты в понимании категории «почтительности к родителям»:

- предпочтение обязанностей перед родителями обязанностям перед государством⁴⁰;
- возможно, исконно корейское представление о чистоте как высшей степени совершенства.

Принимая во внимание исторические условия Кореи второй половины XVI в.⁴¹, можно сделать предположение, что тексты других конфуцианских классических произведений, изданных в это время Палатой сопоставлений и исправлений *Кёчжончхон* в жанре «онхэ», сходны по характеру с текстом «Хёгён онхэ».

Итак, после подробного знакомства читателя с тем, почему необходимо знание категории «сыновней почтительности» для понимания общества и культуры Кореи, после краткого описания особенностей корейской версии «Канона сыновней почтительности», обратимся непосредственно к переводу текста оригинала.

³⁹ Подробнее см., например: *Ли Суннён*. Чунсе куго мунпоп. 15 segi o-рыль чу-ро хаё [中世 國語 文法. 15 세기 어를 주로 하여. «Грамматика средневекового корейского языка. Язык XV века»]. Сеул, 1990; Ури маль кхын сачжон [우리말 큰사전. «Большой словарь родного языка»]. Т. 4. Сеул, 1992.

⁴⁰ Действительно, когда в январе 1908 г. у предводителя «Армии справедливости» («Ыйбён») Ли Инъёна скончался отец, он оставил повстанцев, которые должны были идти на Сеул, чтобы свергнуть японский протекторат, посчитав дела семейные важнее дел государственных (*Пён Тхэсон*. Хангукса тхоннон [邊 太變. 韓國史通論. «Очерки по истории Кореи»]. Сеул, 1996. С. 418).

⁴¹ Подробнее см.: *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. СПб., 2002; *История Кореи: новая трактовка*. М., 2003.

Обычно в китаеведных работах, знакомящих с текстами конфуцианских канонических сочинений, принято использовать несколько вариантов переводов текста памятника на русский язык, а также на западноевропейские языки.

В настоящей работе какие-либо другие переводы «Сяо цзина» с китайского на русский язык, помимо авторского, не используются, так как, насколько известно, к настоящему времени опубликованных переводов «Сяо цзина» на русский язык не существует. Не используются труды современных китайских авторов, посвященные вопросу отражения категории «почтительности к родителям» в китайской конфуцианской классике, за исключением одной работы Линь Аньхуна, переведенной на корейский язык⁴². Неиспользование работ китайских ученых *отчасти* вызвано: 1) целью работы – определение *корейских особенностей* представления о категории почтительности к родителям хё (孝, 孝); 2) тем фактом, что корейский перевод XVI в. адекватно передает значение китайского оригинала. Учитывая, что развитая корейская грамматика не допускает множественности вариантов трактовки корейского текста (перевода на иностранные языки), будем исходить из того, что корейский перевод XVI в. верно отражает смысл китайского оригинала.

3. ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК И КОММЕНТАРИИ К КАНОНУ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解)

Представленный выше подробный источниковедческо-текстологический анализ трактата «Хёгён онхэ» («Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”») обнаруживает, что «Хёгён онхэ» – «многослойный» памятник, в тексте которого содержатся (или, наоборот, выпущены) различные варианты предшествующих версий «Канона сыновней почтительности».

Учитывая, что до сих пор «Канон сыновней почтительности» не переводился на русский язык и не был объектом *специального* исследования, очень важной представляется задача перевода и сопоставления всех имеющихся вариантов текста памятника.

Автор работы выполнил перевод следующих версий «Канона сыновней почтительности»: китайского «нового» текста (今文), «старого» текста (古文), чжусианской редакции текста, дополненной ученым эпохи Юань Дун Дином (董鼎), а также собственно текста перевода памятника на корейский язык XVI в.

До сих пор в отечественном востоковедении различные версии одного и того же памятника переводились, как правило, в форме самостоя-

⁴² Лим Анхон. Юга-ый хёдо сасан [林安弘. 儒家의 孝道思想. «Линь Аньхун. Конфуцианские воззрения на почтительность к родителям»]. Сеул, 2002.

тельных текстов, снабженных комментариями. Однако многократная публикация различных версий одного и того же памятника письменности, с одной стороны, увеличивает объемы печатного текста, а с другой – затрудняет сравнение этих версий.

Настоящая работа предлагает «совмещенный», «многослойный» перевод памятника, когда в одном тексте соединены воедино различные варианты *первоисточника*. Подобное соединение различных версий текста в едином переводе позволяет наглядно проследить изменения, вносившиеся в текст памятника с течением времени и выявить различия в подходах к вопросу, излагаемому в тексте, в различные эпохи.

Метод «совмещенного перевода» представляет особую ценность при анализе древних и средневековых текстов. Как известно, в древности и средние века на Дальнем Востоке не было принято *напрямую* высказывать критическую точку зрения по отношению к наследию прошлого путем представления собственных оригинальных авторских теорий. Критический или новаторский подход, как правило, выражался не авторской речью, но особым способом редактирования используемого автором текста первоисточника, когда из него удалялось «ненужное», менялся порядок изложения материала и т.п.

Впервые автор настоящей работы обратился к методу «совмещенного перевода» в 1980–1990-х годах, при подготовке своей научной работы на соискание ученой степени кандидата исторических наук⁴³. Тогда именно анализ *совмещенного перевода* позволил обнаружить ряд новых факторов в социально-экономической истории Кореи X–XIV вв. Позднее метод «совмещенного перевода» показал свою продуктивность и при исследовании других корейских средневековых памятников⁴⁴.

Одним из важнейших *технических условий* реализации метода «совмещенного перевода» является использование в тексте перевода различных шрифтов, позволяющих отделять друг от друга более ранние и более поздние «слои» текста. Наоборот, использование в тексте перевода одного-единственного шрифта (то есть следование стандартной практике записи текста перевода) приводит к тому, что читателю становится доступным только один-единственный (из многих возможных) вариант текста памятника. И при необходимости сравнить различные версии памятника читатель будет вынужден обращаться к текстам различных оригиналов и заново проводить текстологическую сопоставительную работу, уже выполненную автором.

⁴³ Курбанов С.О. Историографические аспекты земельных отношений в Корее X–XIV веков по материалам «Составленной истории [Ко]рё»: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

⁴⁴ Курбанов С.О. Биография конфуцианцев в неофициальной истории династии Корё «Мокчэ касук хвичхан Ёса» // Российское корееведение: Альманах. Вып. 3. М., 2003.

Таким образом, «полифония» шрифтов русского текста «Перевода на корейский язык и комментариев к “Канону сыновней почтительности”» является вынужденным, неизбежным техническим приемом, использованным для отражения текстологической многослойности первоисточника.

Как было указано выше, текст «Хёгён онхэ» XVI в. состоит из 15 глав, в то время как «старый» китайский текст канона имеет 22 главы. Для удобства сравнения двух наиболее несовпадающих вариантов, одновременно с сохранением деления «Хёгён онхэ» на 15 глав, в тексте перевода памятника прослеживается, с какой из 22 глав «старого» текста соотносится тот или иной фрагмент источника.

Названия глав «Хёгён онхэ» даются в квадратных скобках, так как в тексте первоисточника они приводятся в *конце* каждой из глав. Иногда после названий глав в «Хёгён онхэ» представлено краткое изложение их содержания – текст, очевидно, позднее добавленный Чжу Си.

Несмотря на то что добавление корейских грамматических окончаний в целом не меняло смысла текста китайского оригинала, все же в отдельных случаях из-за введения корейских грамматических показателей, смысл фраз мог незначительно изменяться. Для указания таких разночтений, а также некоторых других, выявленных в процессе сравнения «старого» и чжусианского текстов канона, в тексте перевода памятника используются различные шрифты, имеющие следующее значение:

1) «**жирным шрифтом**» передается основной китайский текст «Хёгён онхэ», имеющий корейские грамматические показатели;

2) «**ПРОПИСНОЙ ШРИФТ**» используется для обозначения слова или фразы, которая есть в «старом» тексте Канона (古文), но выпущена в «Хёгён онхэ» (как в основном китайском тексте, так и в тексте перевода на корейский язык);

3) «**р а з р е ж е н н ы й ш р и ф т**» указывает на слово, появляющееся в основном китайском тексте «Хёгён онхэ» благодаря присоединению корейских грамматических показателей;

4) «**жирный курсив**» – основной текст перевода Канона на корейский язык;

5) «**(светлый курсив в круглых скобках)**» – комментарии к корейскому переводу Канона, напечатанные в ксилографе мелкими иероглифами;

6) «**(СВЕТЛЫЙ ПРОПИСНОЙ КУРСИВ В КРУГЛЫХ СКОБКАХ)**» указывает на название главы или фрагмента текста, которое отсутствует в основном тексте «Хёгён онхэ», но есть «старом» китайском варианте «Канона сыновней почтительности»;

7) [в квадратных скобках] – слова, вставленные переводчиком исходя из контекста, для лучшего понимания смысла перевода;

8) (в круглых скобках) – синоним переводимого слова.

«Перевод на корейский язык и комментарии к
“Канону сыновней почтительности”»

[ОДНА ГЛАВА КАНОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА]

經一章

(ГЛАВА [1] ОТКРЫТИЕ ИСТОКОВ И ПРОСВЕТЛЕНИЕ ИСТИНЫ)

開宗明誼章

[Кор.:] *Хорошее служение родителям (어바이) называют почти-тельностью к родителям хё (孝), а записанные слова мудрецов называют канонем кён (經).*

[Кит. 1⁴⁵.] Конфуций (仲尼) проживал в праздности, а Цзэн-цзы⁴⁶ прислуживал [ему]. И в о т Конфуций сказал: «Цань! [Цзэн-цзы!] У прежних государей⁴⁷ была Наивысшая Добродетель (至德) и Главный Путь (要道)⁴⁸, которыми [они приводили к] послушанию Поднебесную⁴⁹. П о э т о м у народ пользовался [благами] мира и гармонии, верхи и низы не имели враждебности [друг к другу]. Ведь ты знаешь это!»

[Кор. 1:] *Чжун Ни (прозвище Конфуция) находился в праздности, а Цзэн-цзы (ученик Конфуция) почтительно сидел вместе, прислуживая [при необходимости]. Конфуций «ча» (子) («ча» - это вежливое обращение ученика к учителю, поэтому указывает на Конфуция) наставляя [позвал]: «Сам (имя Чын-чжа)! Прежние монархи (ушедшие [на Небеса] правители), используя Наивысшую Добродетель и Главный Путь, делали послушной Поднебесную (Наставления, направленные на то, чтобы следовать [образцу] доброй и мудрой души (마음) людей*

⁴⁵ Нумерация используется для обозначения параллельных фрагментов китайского и корейского текстов оригинала; отсутствие номера указывает на то, что параллелей нет.

⁴⁶ Цзэн-цзы – ученик Конфуция, 505–435 гг. до н.э. Имя – Сань (參), прозвище – Цзыюй (子輿).

⁴⁷ «Прежние государи» (先王). Это словосочетание можно перевести и как «прежние императоры» или «прежние правители». Имеются в виду правители мифического китайского прошлого, например такие, как императоры Яо (堯, 2357–2258 гг. до н.э.) и Шунь (舜, 2255–2206 гг. до н.э.), при которых состояние как общества, так и Вселенной в целом считалось идеальным. (О китайской традиции обращения к прошлому как примеру для подражания в отечественной литературе писалось немало; см. например: *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 6–7.)

⁴⁸ «Добродетель» (德) и «Путь» (道) – основные категории конфуцианства, а также многих других дальневосточных идеологических учений. С «добродетелью» соотносятся такие человеческие поступки, которые приносят пользу людям. «Путь» – понятие более универсальное и применимо не только к людям, но и к природе. Его можно трактовать как некий универсальный закон правильного движения субъекта во времени и пространстве, обеспечивающий благополучное существование субъекта.

⁴⁹ «Поднебесная» (天下) – весь известный земной мир с цивилизованным «центром» в Китае, а также «окраинами», на которых проживают более отсталые, «варварские» (夷) народы.

Поднебесной). Ты знаешь, что простолюдины были мирными и дружелюбными, а верхи и низы не имели вражды друг к другу».

[Кит. 2:] Цзэн-цзы встал и, отойдя назад, ответил: «Цань [то есть «я»] не умен, и как может [он] знать это!?»

[Кор.2:] Чын-чжа удалился с циновки и сказал: «Сам не умен, поэтому как достаточным образом знать [ему это]?»

[Кит. 3:] Конфуций сказал: «Ведь сяо (孝) – это есть корень Добродетели (德), это есть то, из чего рождается Обучение (教).

[Кор.3:] Конфуций сказал: «Хё (孝) – это основа Добродетели (德), то, из чего рождается Обучение (教).

[Кит. 4:] Сядь на место, и я скажу тебе. Тело, руки и ноги, волосы, кожа получены от отца с матерью (父母) и не осмеливаться разрушать и ранить [это] есть начало сяо (孝)⁵⁰. Установить свое место в жизни⁵¹, действовать [согласно] Пути (道), возвысить имя в грядущих поколениях, тем самым прославляя отца с матерью (父母) – есть вершина («завершение») сяо. Ведь сяо начинается в служении родителям (親), переходит в служение правителю (君) и завершается в установлении своего места в жизни.»

[В] «БОЛЬШИХ ОДАХ» [«КАНОНА СТИХОВ» 詩經] СКАЗАНО: «НЕЛЬЗЯ НЕ ДУМАТЬ О ТВОИХ ПРЕДКАХ И ТЕМ САМЫМ [НЕ] СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ИХ ДОБРОДЕТЕЛЬ».

[Кор.4:] Вернись и сядь, и я скажу тебе. Тело (身) и [части] тела (體) (Четыре [части] тела означают руки и ноги), волосы и кожа получены от отца с матерью, поэтому почтительное (敬히) не нанесение повреждений [этому] – это начало хё (孝). Установление своего места в жизни, реализация Пути (道), прославление имени в грядущих поколениях и [таким образом] становление отца и матери известными – это завершение хё (孝). Поэтому хё начинается в служении (섬김) родителям (아버이), переходит в служение правителю (님금) и завершается в установлении своего места в жизни».

⁵⁰ В китайском чтении сяо или в корейском чтении хё (孝) условно переводятся как «сыновняя почтительность» или «почтительность к родителям». В связи с тем что понятие очень сложно и многогранно по своему значению, а выяснению его содержания и роли в корейской культуре посвящены многие главы представленной работы, здесь и в дальнейшем тексте «Хёгён онхэ» слова сяо или хё употребляются в китайской или корейской транскрипции без перевода.

⁵¹ «Установить свое место в жизни» (立身) – сделать максимально возможную для человека «карьеру».

(ГЛАВА [2] СЫН НЕБА)

天子章

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: «Любящий родителей (親) не осмеливается быть злым к людям. Уважающий родителей не осмеливается пренебрегать людьми. Е с л и любовь и уважение полностью состоят в служении родителям, т о Добродетель (德) и Обучение (教) добавляют к [характеру] народа, и т о г д а карательный закон (形) [реализуется везде] в четырех морях. Вот это и есть сяо Сына Неба».

[В ГЛАВЕ] «ЗАПИСИ ЛЮЙ» 呂刊 [КНИГИ «ШАНШУ» 尚書⁵²] ГОВОРИТСЯ: «У ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА ТОРЖЕСТВО, [НО] ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ БЛАГОДАРНО ПОЛЬЗУЮТСЯ ЭТИМ».

[Кор. 1:] «Любящий родителей (아버이) почтительно не зол по отношению к людям. Уважающий родителей почтительно не пренебрегает людьми. Поэтому если считать, что любовь и уважение состоят в служении к родителям, то Добродетель (德) и Обучение (教) – это то, чем, добавив к [характеру] народа, [реализуют] исполнение законов (법) в четырех морях ([Суша] внутри морей с четырех сторон, то есть обозначает Поднебесную). Это и есть хё Сына Неба».

(ГЛАВА [3] КНЯЗЬЯ)⁵³

諸侯章

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: «Е с л и находиться (在) (ЖИТЬ 居) наверху и не быть надменным, т о э т о [значит] быть высоко, но не быть в опасности. Е с л и ограничивать и умерять [расходы], уважая нормы, т о э т о [значит] иметь достаток, но не быть чрезмерным. Быть высоко, но не быть в опасности – это то, чем продлевают и сохраняют уважаемое [положение]. Иметь достаток, но не быть чрезмерным – это то, чем продлевают и сохраняют богатство. П о э т о м у богатство и уважаемое [положение] не покинут своего хозяина (身). А раз так, то л и ш ь тогда возможно сохранить своих Духов Земли и Злаков (社稷) и дать гармоничное спокойствие (和) своему народу. Вот это и есть сяо князей».

⁵² «Шан шу» – «Книга преданий» – одно из названий классического конфуцианского «Канона писаний» – «Шу цзин» (書經).

⁵³ Перевод термина «чжухоу» (諸侯) словом «князья» дан условно, в соответствии со словарным значением (см., например: Большой китайско-русский словарь. Т. 2. С. 593). В современной китаеведной литературе термин чжухоу оставляют без перевода (История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 62).

В [КАНОНЕ] СТИХОВ СКАЗАНО: «ДРОЖАТЬ ОТ СТРАХА И БЫТЬ ОСМОТРИТЕЛЬНЫМ ПОДОБНО ПРИБЛИЖЕНИЮ К ГЛУБОКОМУ ПОТОКУ, ПОДОБНО СТУПАНИЮ ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ».

[Кор. 1:] *«Если находиться наверху и не быть надменным, то даже будучи высоко, не будешь в опасности; [если] ограничивать [расходы каждого] колена бамбука («коленце» в смысле «имущество») и быть осторожным в законах, то даже будучи в избытке, не будет переливания через край. Небытие в опасности, даже находясь высоко – это защита («сохранение») уважаемого [положения] (貴) на долгие времена. Непереливание через край, даже имея избыток – это защита богатства на долгие времена. Поэтому богатство и уважаемое [положение] не отнять от тела (몸). И лишь тогда возможно сохранить в спокойствии своих Духов Земли и Злаков «Са Чик» («Са» (社) – это Дух Земли, а «Чик» (稷) – это Дух Злаков, поэтому [они] являются залогом процветания страны), а свой народ сделать умиротворенным. Вот почему [это] является хё князей».*

(ГЛАВА [4] САНОВНИКИ⁵⁴ И ВЕЛИКИЕ МУЖИ⁵⁵)

卿大夫章

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: «Е с л и [это] не одежда, [соответствующая] законам прежних государей, т о не осмеливаются одевать. [Если это] не слово, [соответствующее] закону прежних государей, [то] не осмеливаются следовать (道). Е с л и [это] не деяния, [соответствующие] благородству прежних государей, т о не осмеливаются действовать. По этой причине [то что] не по закону, не произносится, [то что] не в соответствии с Путём (道), не совершается. И т о г д а рот не имеет [лично] отобранных слов, а тело не имеет [лично] отобранных поступков. И х о т я слова наполняют в избытке Поднебесную, нет ошибочности в речи («во рту». – С. К.); х о т я поступки наполняют в избытке Поднебесную, нет ненависти и зла.

Три эти [условия] имей наготове! И л и ш ь т о г д а возможно

⁵⁴ Согласно комментариям к тексту настоящей главы, имеющимся в тексте «Сяо цзин да и» (孝經 大義), «сановники» (кит. цин, кор. кён; 卿) – это высшие лица в императорских династиях или при дворах «князей» (кит. чжухоу, кор. чеху; 諸侯) – правителей малых государств. Выше сановника цин (кён) может быть только князь – правитель малого государства (Сохак. Хёгён. Хёгён пучжон. С. 161).

⁵⁵ Перевод термина «дафу» (大夫) словосочетанием «великие мужи» дан условно, в соответствии с одним из вариантов его словарного значения (см., например: Большой китайско-русский словарь. Т. 3. С. 626). В современной китаеведной литературе термин дафу представляют без перевода. Дафу – один из слоев управленческой аристократии (История Китая. С. 62).

СОХРАНИТЬ СВОЕ ЖАЛОВАНИЕ И МЕСТО [НА СЛУЖБЕ], **сохранить свой Храм предков (宗廟)**⁵⁶. Вот это и есть сяо сановников и великих мужей».

В [КНИГЕ] СТИХОВ СКАЗАНО: «И РАННИМ УТРОМ И НОЧЬЮ НЕ ЛЕНИСЬ ВО ИМЯ СЛУЖЕНИЯ [ДАЖЕ] ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ».

[Кор. 1:] *Если [это] не одежда по законам прежних государей, то не осмеливаются одевать. Если [это] не слова по законам прежних государей, то не осмеливаются говорить* (вместо «следовать». – С. К.). *Если это не деяния по благородству прежних государей, то не осмеливаются действовать. По этой причине, если не [по] закону, то не произносят, если не [в соответствии с] Путём (道), то не действуют. И тогда у рта нет отобранных [лично] слов, а у тела нет отобранных [лично] поступков. И пусть даже слова наполняют в избытке Поднебесную, в речи («во рту» – С. К.) нет ошибочности; пусть даже поступки наполняют в избытке Поднебесную, нет ненависти и отвержения [к другим]. И только после того, как станешь обладать [этими] тремя [качествами], возможно защитить свой Храм предков (宗廟) (Теперь [это] храм предков основателя рода 祠堂)⁵⁷. [Это] и есть хё сановников и великих мужей».*

(ГЛАВА [5] СЛУЖИЛОЕ СОСЛОВИЕ)

士章

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: «Т о л ь к о основываясь на служении отцу [тем самым] служат матери. Любовь (愛) [к ним обоим] одинакова. Т о л ь к о основываясь на служении отцу служат правителю (君). Уважение (敬) [к ним обоим] одинаково. Поэтому мать пользуется той [же] любовью [что и отец], а правитель пользуется тем [же] уважением [что и отец]. То, что объединяет их – это отец. Поэтому служение правителю (君) посредством сяо (孝) и есть верность (忠), а служение старшему (長) посредством [БРАТСКОГО 弟] уважения (敬) и есть послушание (順). Л и ш ь не теряя верность и послушание, [возможно] служить своим вышестоящим. И т о л ь к о т о г д а возможно сохранить свой титул и жалование и защитить свои жертвоприношения духам предков. Вот это и есть сяо служилого сословия».

⁵⁶ В комментариях к тексту настоящей главы в тексте «Сяо цзин да и» сказано, что «храм предков» (кит. *цзунмяо*, кор. *чонмё*; 宗廟) есть не только у правителей Поднебесной, но и у «сановников» (卿), и «великих мужей» (大夫). У правителя Поднебесной может быть 7 храмов, у князей – 5, у сановников и великих мужей – 3.

⁵⁷ В корейском переводе, в комментариях к слову *чонмё* (宗廟), которое в Корее ассоциируется исключительно с храмом предков государей, дан комментарий, говорящий о том, что в данном случае под словом *чонмё* имеется в виду «рядовой» храм предков *садан* (祠堂).

В [КАНОНЕ] СТИХОВ СКАЗАНО: «И РАННИМ УТРОМ, И ЯРКИМ ДНЕМ, И ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ, И [НОЧЬЮ, КОГДА] СПИШЬ НЕ [ДОЛЖНО] БЫТЬ [ТАКОГО], ЧТО БЫ ПОЗОРИЛО РОДИВШИХ ТЕБЯ».

[Кор.1:] *«Только основываясь на служении отцу, служат матери. И любовь [к ним] – это одно и то же. Только основываясь на служении отцу служат правителю (님금). И уважение [к ним обоим] – это одно и то же. Поэтому мать пользуется той [же] любовью, а правитель пользуется тем [же] уважением. То, что объединяет [их] – это отец. Поэтому если служить правителю посредством хё (孝), то это и есть верность (충성). Если служить старшему посредством уважения, то это и есть послушание (공순). И лишь не теряя верность и послушание, служат этим [своим] вышестоящим. И только тогда возможно сохранить в спокойствии свою чиновничью должность (벼슬; ср. с китайским 爵 «цзюэ» – «ранг») и жалование и защитить свои жертвоприношения духам предков. Поэтому [это] и есть хё служилого сословия».*

(ГЛАВА [6] ПРОСТОЛЮДИНЫ)

庶人章

[Кит. «СТАРОГО» ТЕКСТА:]⁵⁸ Конфуций сказал: «Следовать временам [года] Небес, извлекать пользу Земли, бережно относиться к телу, экономно тратить, чтобы тем самым содержать отца и мать – это есть сяо простолюдинов».

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: **«Использовать Путь Небес (天之道) и следовать Искусству извлечения пользы Земли (地之利), бережно относиться к телу, экономно тратить, чтобы тем самым содержать отца и мать – это и есть сяо простолюдинов».**

[Кор.1:] *Используя Путь (道) Небес ([Так] называется Путь, когда весной сажают, летом выращивают, осенью [всё] созревает, зимою готовятся [к следующему году]) и следуя Искусству извлечения пользы (利) Земли ([Так] называется Искусство извлечения пользы, когда в сухих местах, влажных местах, для каждого [места] высаживаются соответствующие злаковые), бережно относясь к телу и экономя расходы содержать отца и мать – это есть хё простолюдинов.*

⁵⁸ В указанном фрагменте «старый» текст (古文) «Сяо цзина» отличается от основного китайского текста «Хёгён онхэ». Поэтому в тексте перевода приводятся обе версии.

(ГЛАВА [7] РАВНОНЕОБХОДИМОСТЬ «СЯО»)

孝平章

[Кит. 1:] КОНФУЦИЙ СКАЗАЛ: «Поэтому [для всех], начиная от Сына Неба и ниже, вплоть до простолюдинов, сяо не имеет конца и начала. [И если не следовать сяо, то] не будет того, кого бы не постигло несчастье».

[Кор. 1:] *Поэтому [начиная] от Сына Неба и ниже, вплоть до простолюдинов, хё не имеет конца и начала. [И если не следовать хё, то] не будет того, кого бы не постигло несчастье».*

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа». – С. К.) – одна глава Канонического [текста].

[Кор. резюме:] [То, что] выше ("справа") – одна глава Канонического [текста].

[ПЕРВАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ 傳之首章]

(ГЛАВА [16] РАСШИРЕНИЕ НАИВЫСШЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ)

廣至德章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «Обучение [народа⁵⁹ со стороны] цзюнь-цзы (君子)⁶⁰ происходит посредством сяо (孝). Нет такого, чтобы [он] приходил в семьи, и [там] каждый день встречались с ним. Обучение с помощью сяо состоит в том, чтобы уважать того, кто является Отцом (父) людей Поднебесной. Обучение с помощью братского уважения (悌) состоит в том, чтобы уважать того, кто является Старшим Братом (兄) людей Поднебесной. Обучение с помощью чувства преданности государю (臣) состоит в том, чтобы уважать того, кто является Правителем (君) людей Поднебесной».

⁵⁹ В переводе текста первой главы к слову «обучение» в квадратных скобках добавлено слово «народ». Имеется в виду, что кун-чжа обучает народ. Это сделано на основании того, что в последней части главы, там, где приведено высказывание из «Канона стихов», есть прямое указание на то, что Наивысшая Добродетель, тождественная Обучению (см. подробнее с. 100–101) имеет целью привести народ к послушанию. К категории «народа» (民) в конфуцианстве относили служилое сословие (士), крестьян (農), ремесленников (工) и торговцев (商人) (Югё тэ сачжон [儒教 大事典. «Большая энциклопедия по конфуцианству»]. Т. 1. Сеул, 1990. С. 470).

⁶⁰ Цзюнь-цзы, или кор. кун-чжа. В древних конфуцианских текстах понятие «цзюнь-цзы» соответствует личности правителя или близких по уровню социальных верхов. Впоследствии значение термина расширилось, он стал указывать на идеальную личность, которой были присущи все конфуцианские добродетели. Поэтому наиболее распространенным переводом его на русский язык является словосочетание «совершенный муж» или «благородный муж» (Китайская философия: Энциклопедический словарь. С. 426).

В [Каноне] стихов сказано ⁶¹: «Великодушный и уважающий старших (愷悌) цзюнь-цзы – это отец и мать народа. Если нет Наивысшей Добродетели (至德), то кто может сделать послушным народ? Подобно этому его величие!»

[Кор.1:] *Конфуций наставлял: «Обучение [народа со стороны] кун-чжа с помощью хё (孝) – это не хождение в каждый дом (집) ⁶² и не встреча [с его обитателями] каждый день. Обучение с помощью хё – это уважение того, кто является Отцом людей Поднебесной. Обучение с помощью братского уважения че (悌) – это уважение того, кто является Старшим Братом (兄) людей Поднебесной. Обучение с помощью чувства преданности государю (臣) – это уважение того, кто является Государем (님금) людей Поднебесной».*

Поэтому в [Каноне] стихов сказано: «Великодушный и уважающий старших кун-чжа – это отец и мать народа. И если не Наивысшая Добродетель (지극한 德), то кто сможет сделать послушным народ? Подобно этому его величие!»

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Первая глава Комментариев (傳之首章). Объясняет Наивысшую Добродетель, посредством которой приводят к послушанию Поднебесную.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Первая глава (첫장) Комментариев. Объясняет приведение к послушанию Поднебесной посредством Наивысшей Добродетели.

[ВТОРАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之二章

(ГЛАВА [15] РАСШИРЕНИЕ ГЛАВНОГО ПУТИ)

廣要道章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «В обучении народа доброжелательности (親) и любви (愛) нет ничего лучше почтительности к родителям сяо (孝). В обучении народа правилам поведения (禮) и послушанию

⁶¹ Основная глава Комментариев «Сяо цзина» («Хёгён онхэ») интересна тем, что в ней, в отличие от большинства остальных глав, сохранено высказывание из китайского классического «Канона стихов» («Ши цзина»), присутствующее в конце всех глав «старого» текста памятника. Цитата из «Ши цзина» также есть и в Девятой и Десятой главах Комментариев «Хёгён онхэ». Корейские справочные издания также указывают на два основных значения термина «кун-чжа»: в плане политическом или социальном термин обозначает «правлящие классы». Однако первое значение словосочетания – название человека с высокой моралью и уровнем образования (Ли Хынчжик. Сэ кукса сачжон С. 174).

⁶² Интересно отметить, что китайский иероглиф «цзя» (家), что значит «семья», «дом», переведен на корейский язык словом «чип» (집), основной смысл которого – «дом» как строительное сооружение, и уже второе значение «семья».

(順) нет ничего лучше братского уважения (悌). В перемене обычаев и изменении нравов [народа] нет ничего лучше музыки (樂). В обеспечении спокойствия верхам и в управлении народом нет ничего лучше ритуала (禮)».

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «В обучении народа доброжелательности и любви нет [ничего] лучше подобного почтительности к родителям хё (孝). В обучении народа правилам поведения и послушанию нет [ничего] лучше подобного братскому уважению (悌). В перемене обычаев и замене нравов нет [ничего] лучше подобного музыке (樂). В обеспечении спокойствия верхам и управлении народом нет [ничего] лучше подобного ритуалам (禮)»

[Кит. 2:] «Ритуал – это уважение (敬) и всё! Поэтому если уважают своего отца, то сыновья радуются. Если уважают своего старшего брата, то младшие братья радуются. Если уважают своего государя (君), то сановники радуются. Уважают одного человека, а десятки миллионов людей радуются. Тех, кого уважают – мало, а радующихся – толпы. Это и называется Главным Путем (要道)».

[Кор. 2:] «То, что называется ритуалом (禮) – это только (따름) уважение. Поэтому если уважают своего отца, то сыновья радуются. Если уважают своего старшего брата, то младшие братья радуются. Если уважают своего государя (님금), то сановники радуются. Поэтому уважают одного человека, а десятки миллионов радуются. Тех, кого уважают – мало, а радующихся – много. И называют это Главным (дословно – «Важным», 중요로은) Путём».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Вторая глава Комментариев. Объясняет Главный Путь (要道).

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Вторая глава Комментариев. Объясняет Главный Путь (要道).

[ТРЕТЬЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之三章

(ГЛАВА [8] ТРОЙНАЯ ПРИРОДА [СЯО])

三才章

[Кит. 1:] Цзэн-цзы сказал: «Глубоко же! Величие сяо!»

Конфуций сказал: «Ведь сяо – это закон неизменного порядка (經) Неба. Это – основной принцип (義) Земли, [суть] поведения Народа. [Раз это] закон неизменного порядка Неба и Земли, то народ принимает его за закон [для себя]. Принимая за закон просветленность

Неба, [и] следуя основному принципу (義)⁶³ Земли, делают послушной Поднебесную. Это и есть то, когда их [правителей] поучение не строго, но успешно реализуется, их правление не сурово, но управляет (治).

[ДАЛЕЕ В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ «ХЭГЁН ОНХЭ» ИЗЪЯТА ПОЧТИ 1/2 ЧАСТЬ «СТАРОГО ТЕКСТА»:] ПРЕЖНИЕ ГОСУДАРИ СЧИТАЛИ, ЧТО ОБУЧЕНИЕ (教) МОЖЕТ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ТО, ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ НАРОД. ВОТ ПОЧЕМУ ПРЕДВАРЯЛИ ЕГО (УЧЕНИЕ) С ПОМОЩЬЮ ШИРОТЫ ДУШИ И ЛЮБВИ (博愛), И НАРОД НЕ МОГ ОСТАВИТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ. УПОРЯДОЧИВАЛИ ЕГО (УЧЕНИЕ) С ПОМОЩЬЮ ДОБРОДЕТЕЛИ И ДОЛГА (德誼), И НАРОД С РАДОСТЬЮ (興) ВЕЛ СЕБЯ (ТО ЕСТЬ ПОДОБАЮЩЕ). ПРЕДВАРЯЛИ ЕГО (УЧЕНИЕ) С ПОМОЩЬЮ УВАЖЕНИЯ И УСТУПЧИВОСТИ, И НАРОД НЕ СОПЕРНИЧАЛ [ДРУГ С ДРУГОМ]. ВЕЛИ ЕГО (УЧЕНИЕ) С ПОМОЩЬЮ РИТУАЛОВ И МУЗЫКИ, И НАРОД [ЖИЛ] В ДРУЖБЕ И МИРЕ. ПОКАЗЫВАЛИ ЕГО (УЧЕНИЕ) С ПОМОЩЬЮ [РАЗЪЯСНЕНИЯ] О ХОРОШЕМ И ПЛОХОМ, И НАРОД ЗНАЛ, [ЧТО] ЗАПРЕЩЕНО.

В [КАНОНЕ] СТИХОВ СКАЗАНО: «ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ [ГОСПОДИН] ИНЬ, НАРОД ВЕСЬ НА ТЕБЯ СМОТРИТ СНИЗУ ВВЕРХ».

[Кор. 1:] Чжын-чжа сказал: «Глубоко! Величие хё!»

Конфуций наставлял: «Хё – это закон неизменного порядка (經) Неба, основной принцип (義) Земли, [суть] поведения Народа. Закон неизменного порядка Неба и Земли – Народ следует этому примеру. Принимая за закон просветленность Неба, и следуя основному принципу Земли, делают послушной Поднебесную. Таким образом, их (правителей) поучение хотя и не строго, но осуществляется; их правление хотя и не сурово, но управляет».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Третья глава Комментариев. Конечно же, объясняет, как сделать послушной Поднебесную.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Третья глава Комментариев. Объясняет приведение Поднебесной к послушанию.

[ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之四章

(ГЛАВА [9] УПРАВЛЕНИЕ [С ПОМОЩЬЮ] СЯО)

孝治章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «В прежние времена просвещенные монархи (明王) с помощью сяо управляли Поднебесной. Не осмеливались оставить без внимания (遺) подданных (臣) малых государств,

⁶³ В китайском «старом» тексте «Сяо цзина», в отличие от текста «Хэгёэн онхэ», вместо иероглифа «принцип» (義) употреблен иероглиф «польза» (利).

тем более – пять категорий дворянства (公侯伯子男)! Поэтому получали приветственное отношение (歡心) от 10000 государств [периферии], чтобы служить своим прежним государям (先王)».

[Кор. 1:] *Конфуций наставлял: «Государи (님금) со светлой головой в управлении Поднебесной при помощи хё не осмеливались оставлять (наносить вред) подданных малых государств, тем более – пять категорий дворянства. Поэтому, добиваясь радующейся души (깃거하는 마음) [населения] 10000 государств [периферии], служили своим предшествующим государям».*

[Кит. 2:] «Правящие [периферийным] государством не осмеливались обижать вдовцов и вдов, тем более – [мелкое] служилое сословие и народ! Поэтому получали приветственное отношение со стороны простолюдинов (百姓), чтобы служить своим прежним правителям (先君)».

[Кор. 2:] *«Правящие [периферийной] страной не осмеливались пренебрегать вдовцами и вдовами, тем более – [мелким] служилым сословием и народом. Поэтому, добиваясь радующейся души простолюдинов, служили своим предшествующим правителям».*

[Кит. 3:] «Управляющие семьей не осмеливались поступать в ущерб слугам и наложницам (臣妾), тем более – женам и детям! Поэтому получали приветственное отношение со стороны домашних (人), чтобы служить своим родителям».

[Кор. 3:] *«Управляющие домом не осмеливались поступать в ущерб слугам и наложницам, тем более – женам и сыновьям. Поэтому, добиваясь радующейся души домашних, служили своим родителям».*

[Кит. 4:] «Ведь если так, то поэтому живешь и родители спокойны за это; совершаешь жертвоприношения, и духи с наслаждением принимают их. И таким образом Поднебесная гармонична и спокойна (和平), разного рода бедствия не появляются, беспорядки и смуты не возникают. Поэтому просвещенные монархи с помощью сяо правили Поднебесной. Вот так».

В [Каноне] Стихов сказано: «[Если] есть понимание, [что такое] добродетельное поведение (德行), государства четырех [сторон] послушны этому».

[Кор. 4:] *«По этой причине живешь, и тем самым родители пребывают в спокойствии. Если совершаешь жертвоприношения, то духи (귀신) довольны. И таким образом Поднебесная гармонична и спокойна, разного рода бедствия не появляются, беспорядки и*

смуты не возникают. Поэтому правление Поднебесной с помощью хё просвещенных монархов было подобно этому.

В [Каноне] Стихов сказано: «Говорят, что государства четырех сторон послушно следуют великим добродетельным поступкам».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Четвертая глава Комментариев. Объясняет, как народ пользуется гармонией и миром (和平) [и] верхи и низы не имеют ненависти [друг к другу].

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Четвертая глава Комментариев. Объясняет, что когда народ гармоничен спокоен, [между] верхами и низами нет ненависти.

[ПЯТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之五章

(ГЛАВА [10] ПРАВЛЕНИЕ МУДРОСТЬЮ)

聖治章

[Кит. 1:] Цзэн-цзы сказал: «Осмелюсь спросить, Добродетель (德) совершенномудрых (聖人), нет ли в ней [такого], что бы [можно было еще] добавить к [ней в отношении] сяо?»

[Кор. 1:] Чжын-чжа сказал: «Почтительно [осмелюсь] спросить. Добродетель совершенномудрых, к ней в [отношении] хё больше нечего добавить?»

[Кит. 2:] Конфуций сказал: «В природе (性) Неба и Земли человек является ценнейшим. В поступках (行) человека нет ничего, что больше сяо».

[Кор. 2:] Конфуций наставлял: «Поскольку в природе Неба и Земли человек является ценнейшим, в поведении (행실) человека нет ничего, что больше хё».

[Кит. 3:] «В сяо нет ничего, что больше почтения к строгости (величественности) отца (嚴父). В почтении к строгости (величественности) отца нет ничего, что больше уподобления Небу (配天). Как раз Чжоу Гун (周公)⁶⁴ и был таким человеком».

[Кор. 3:] «В хё нет ничего, что больше почтения к строгости (величественности, 존엄함) отца. В почтении к строгости (величественности) отца нет ничего, что больше уподобления Его Величеству Небу (하늘께). Как раз Чу Гон (周公) и был таким человеком».

⁶⁴ Китайский государственный деятель и мыслитель XI в. до н.э. (подробнее см.: Китайская философия: Энциклопедический словарь. С. 457).

[Кит. 4:] «В древности Чжоу Гун в предместьях столицы совершал жертвоприношения (郊祀) Государю Земледелия Хоу-цзи (后稷) для того, чтобы уподобиться Небу; совершал жертвоприношения (宗祀) просвещенным монархам (文王) в Храме Предков Государей (明堂) для того, чтобы уподобиться Небесному Императору (上帝). Вот почему в пределах Четырех Морей каждый, как [подобало] его должности, приходил (以其職來) и помогал в совершении жертвоприношений духам предков (祭). Поэтому в Добродетели совершенномудрых как еще [можно] что-то добавить к [их] сяо?»

[Кор. 4:] «В старину Чу Гон в предместьях столицы совершая жертвоприношения (제하다) Государю Земледелия Ху-чжик, уподоблялся Его Величеству Небу; совершая жертвоприношения просвещенным монархам в Храме Предков Государей, уподоблялся Его Величеству Небесному Императору. Вот почему в пределах Четырех Морей каждый приходил как подобало его чину (벼슬) и помогал в совершении жертвоприношений духам предков. Поэтому в Добродетели совершенномудрых как еще добавлять [что-то] к [их] хё?»

[Кит. 5:] «Поэтому родители (親) рожают и растят младенца («из-под колен»), чтобы [впоследствии он] кормил [своих] отца и мать, и день ото дня [воспитывают его] все строже. И совершенномудрые следовали строгости, чтобы обучить [народ] (教) уважению (敬); следовали [принципам отношения к] родителям (親), чтобы обучить [народ] любви (愛). Поэтому обучение [народа] совершенномудрыми не было строгим, но успешно реализовывалось. Их правление не было суровым, но [достигало] упорядочения (治), так как то, чему они следовали, есть основа [всего]».

[Кор. 5:] «Поэтому родители рожают и растят младенца («из-под колен»), чтобы [впоследствии он] кормил [своих] отца и мать, и день ото дня [воспитывают его] все строже. Поэтому совершенномудрые следуя строгости, обучали [народ] уважению (공경함); следуя [принципам отношения к] родителям, обучали [народ] любви (사랑함). Поэтому обучение [народа] совершенномудрыми, хотя не было строгим, но [успешно] осуществлялось; их правление, хотя не было суровым, но управление (다스림) [было успешным], так как то, чему они следовали, есть основа [всего]».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Пятая глава Комментариев. Объясняет, что сяо – это основа Добродетели (德).

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Пятая глава Комментариев. Объясняет, что хё является основой Добродетели (德).

[ШЕСТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之六章

(ГЛАВА [11] ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ
В РОЖДЕНИИ ОТ ОТЦА И МАТЕРИ)

父母生績章

[Кит.] Конфуций сказал: «Путь (道) [отношений между] отцом и сыном ЕСТЬ (也) природа Неба (天性), ЕСТЬ [то же, что] чувство долга между правителем и подданными. Отец и мать рожают его (ребенка), поэтому [в жизни] нет ничего больше, чем продолжение рода. Правитель и родители присматривают за ними (подданными и детьми), поэтому [в их деле] нет ничего важнее, чем великодушие (доброта)».

(ГЛАВА [12] ПОЛНОТА И НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СЯО)

孝優劣章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «[Если есть] такой, который не любит своих родителей, а любит других людей, называют это поспраанием Добродетели (德). [Если есть] такой, который не уважает своих родителей, а уважает других людей, называют это поспраанием Ритуала (禮).

КОГДА ОБУЧЕНИЕ ОБРАЗЦУ (ЗАКОНУ 則) СМУТНО, НАРОД НЕ ИМЕЕТ ОБРАЗЦА, НЕ ЖИВЕТ В ДОБРОТЕ (善), А ВСЕ СУЩЕСТВУЮТ В ЗЛОЙ И НЕПРАВИЛЬНОЙ «ДОБРОДЕТЕЛИ» (凶德). [ПОЭТОМУ] ХОТЯ ДАЖЕ ЕСТЬ СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСОКИМ ЦЕЛЯМ, ЦЗЮНЬ-ЦЗЫ НЕ ЖЕЛАЕТ СЛЕДОВАТЬ [ТАКОМУ].

ОБРАЗЦОВЫЙ ОБЛИК-ЗАКОН (則) ЦЗЮНЬ-ЦЗЫ НЕ ТАКОВ. В [ЕГО] ВЫРАЖЕНИЯХ МЫСЛИ МОЖНО [ПОСТИЧЬ] ПУТЬ (道), [ЕГО] ДЕЙСТВИЯМ В СООТВЕТСТВИИ С МЫСЛЮ МОЖНО РАДОВАТЬСЯ, [ЕГО] ДОБРОДЕТЕЛЬ И ЧУВСТВО ДОЛГА МОЖНО УВАЖАТЬ, В [ЕГО] УСТРОЕНИИ ДЕЛ МОЖНО [ВИДЕТЬ] ЗАКОН, НА [ЕГО] ВНЕШНИЙ ВИД И ПОВЕДЕНИЕ МОЖНО СМОТРЕТЬ, В [ЕГО] ДВИЖЕНИИ ВПЕРЕД И НАЗАД МОЖНО [ОБНАРУЖИТЬ] МЕРУ. И ЭТО – ЧТОБЫ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К СВОЕМУ НАРОДУ. ВОТ ПОЧЕМУ ЕГО НАРОД В СТРАХЕ УВАЖАЕТ (畏), НО ЛЮБИТ ЕГО, СТРОГО СЛЕДУЕТ ЗАКОНУ (則), НО И СТАРАЕТСЯ ПОДРАЖАТЬ ЕМУ. ПОЭТОМУ ВОЗМОЖНА УСПЕШНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЕГО ПОУЧЕНИЙ ДОБРОДЕТЕЛИ, А ТАКЖЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЕГО УКАЗОВ К УПРАВЛЕНИЮ».

В [КАНОНЕ] СТИХОВ СКАЗАНО: «ЦЗЮНЬ-ЦЗЫ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ НРАВСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ (淑人), ЕГО РИТУАЛЬНАЯ ЭТИКА (儀) НЕ [ИМЕЕТ] ОШИБОК И ЗАБЛУЖДЕНИЙ».

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «Путь [отношений между] отцом и сыном – это природа Неба и это [то же, что] чувство долга между правителем и подданными. Отец и мать рожают, поэтому

[в жизни] нет ничего больше, чем продолжение рода. В качестве правителя и родителей [они] присматривают за [подданными и детьми], поэтому [в их деле] нет ничего важнее, чем великодушие (добродота). Того, кто не любит своих родителей, а любит других людей, называют [особо], называют попирающим Добродетель. Того, кто не уважает своих родителей, а уважает других людей, называют [особо], называют попирающим Ритуал.

[Кит. резюме:] *[То, что] выше («справа») – Шестая глава Комментариев. Объясняет, что обучение [народа] – то, из чего рождается жизнь.*

[Кор. резюме:] *[То, что] выше («справа») – Шестая глава Комментариев. Объясняет, что рождение жизни происходит благодаря обучению [народа].*

[СЕДЬМАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之七章

(ГЛАВА [13] ПРЕДПИСАНИЯ
ПОЧТИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К РОДИТЕЛЯМ)

紀孝行章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «В служении родителям почтительного сына⁶⁵, если живет [с родителями], то проявляет свое уважение [к ним]; если кормит (содержит) [родителей], то проявляет свою радость [делать это]; если болеют [родители], то проявляет свое беспокойство [о них]; если находится в трауре [по родителям], то проявляет свою горечь утраты [их]; если совершает жертвоприношения духам [умерших родителей], то проявляется его торжественная строгость [в совершении церемонии]. Поэтому только когда наготове [эти] пять [предписаний], возможно [по-настоящему] служить СВОИМ родителям».

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «В служении родителям почтительного сына, в [совместной с родителями] жизни проявляет свое уважение [к ним], в кормлении (содержании) [родителей] проявляет свою радость [делать это], в болезни [родителей] проявляет свое беспокойство [о них], в трауре [по родителям] проявляет свою грусть (슬허움) [утраты их], в жертвоприношении духам [умерших родителей] проявляет свою торжественную строгость [в совершении церемонии]. Поэтому только обладая (가즌

⁶⁵ Первая часть фразы имеет в «старом» тексте окончание «也», в результате чего она становится самостоятельной (а не частью сложного предложения), и ее перевод: «Почтительный сын служит родителям». В тексте «Хёгён онхэ» грамматический показатель «也» отсутствует.

然연後후에사) [этим] пятью видами [предписаний] возможно служение родителям».

[Кит. 2:] [Истинно] служащий родителям, живя наверху не высокомерен; оказываясь внизу не бунтует; находясь среди подобных себе, не спорит. Потому что если жить наверху и быть высокомерным, то погибнешь; если оказаться внизу и бунтовать, то будешь наказан; если находиться среди подобных себе и спорить, то получишь удар мечом. И если эти три [порока] не искоренить, то пусть даже ежедневно тратишься на кормление [родителей мясом] трех животных (коровы, барана и свиньи), все равно [это] окажется непочтительностью к родителям (不孝)».

[Кор. 2:] [Истинно] служащий родителям, находясь наверху не высокомерен; оказываясь внизу не бунтует; находясь среди подобных себе не спорит. Потому что если находиться наверху и быть высокомерным, то погибнешь; если оказаться внизу и бунтовать, то будешь наказан; если находиться среди подобных себе и спорить, то получишь удар мечом. Поэтому если [эти] три вида [порока] не искоренить, то пусть даже каждый день тратишься на кормление [родителей мясом] трех животных (коровы, барана и свиньи), все равно, наоборот [это] окажется непочтительностью к родителям».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Седьмая глава Комментариев. Объясняет, что начинание в служении родителям приводит к [тому чтобы] не осмеливаться причинять вред [своему] телу.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Седьмая глава Комментариев. Объясняет, что в служении родителям, с началом [его], почтительно не повреждают и не разрушают [свое] тело.

[ВОСЬМАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之八章

(ГЛАВА [14] ПЯТЬ НАКАЗАНИЙ)

五刑章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «Пять наказаний [за преступления]⁶⁶ включают в себя 3000 [разновидностей], но нет большего преступления, чем непочтительность к родителям (不孝)».

⁶⁶ «Пять наказаний». В разные периоды истории Китая представление о «пяти наказаниях» было различным. В древнейшую эпоху мифических основателей Китая Яо и Шуня к «пяти наказаниям» относили: клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрирование и смертную казнь. В эпоху Чжоу (XI в. до н.э. – 247 гг. до н.э.) словосочетание «пять наказаний» предположительно обозначало пять видов преступлений: преступление по отношению к полю (нанесение вреда сельскому хозяйству); преступление по отношению к армии (не-

[Кор. 1:] *Конфуций наставлял: «Имеется 3000 разновидностей пяти видов наказаний, [но из] преступлений нет большего, чем непочтительность к родителям (不孝)».*

[Кит. 2:] *«Те, которые домогаются до правителя, пренебрегают верхами. Те, которые отвергают мудрецов, пренебрегают законами. Те, которые отвергают сыновнюю почтительность, пренебрегают родителями. Поэтому [все] это есть Путь большой смуты (大亂)».*

[Кор. 2:] *«Те, которые домогаются до правителя, пренебрегают верхами. Те, которые говорят, что мудрецы плохи, пренебрегают законами. Те, которые говорят, что сыновняя почтительность [-это] плохо, пренебрегают родителями. Поэтому [все] это – Путь к большой смуте».*

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Восьмая глава Комментариев.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Восьмая глава Комментариев.

[ДЕВЯТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之九章

(ГЛАВА [21] СЛУЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЮ)

事君章

[Кит. 1:] *Конфуций сказал: «Цзюнь-цзы служит верхам (государю) [так, что] выйдя вперед, думает [о том, как] быть до конца преданным (忠); отойдя назад, думает [о том, как] возместить [свои] промахи, склоняя голову, послушен его (правителя) красоте (美); исправляя, приводит в порядок его (правителя) неправильное поведение (惡). Поэтому верхи и низы могут относиться друг к другу как родственники (親)».*

подчинение воинским приказам); преступление по отношению к родному селению (сыновняя непочтительность или нанесение вреда отдельным частным лицам); преступление по отношению к службе (невыполнение служебных обязанностей); преступление по отношению к государству (государственная измена, не проявление верности по отношению к государству). Во времена династии Суй (581–618 гг.) в понятие «пяти наказаний» входило: наказание бамбуковыми палками; наказание батогами; каторжные работы; ссылка; смертная казнь (по комментариям к корейскому переводу «старого» текста «Трактата о почтительности к родителям»: Син Донхо. Синъёк Хёгён. Сеул, 1986. С. 120–121). В тексте «Хёгён онхэ» словосочетание «пять наказаний» скорее всего указывает на пять видов преступлений, поскольку именно так оно понималось во времена жизни Конфуция.

В [Каноне] Стихов сказано: «[В] сердце! Любовь! Почему же не говорю [о ней]?! Но внутри спрятана она и разве в какой день забуду ее?»

[Кор. 1:] Конфуций поучал: «Цзюнь-цзы служит государю (님금) [так, что] если выйдет вперед, то думает [о том, как] быть до конца преданным; отойдя назад, думает [о том, как] подправить [свои] промахи, склоняя голову, послушен тому, что красиво у него (государя); исправляя, приводит в порядок то, что неправильного (사나운 것) у него (государя). Поэтому верхи и низы могут быть близки (친하다) друг к другу».

В [Каноне] Стихов сказано: «В душе люблю, но почему не говорю [об этом]? Но внутри спрятана [любовь], поэтому разве в какой день забуду?»

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Девятая глава Комментариев. Объясняет, что середина [пути сяо] – в служении правителю (君).

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Девятая глава Комментариев. Объясняет, что середина (가운데흠) [пути хё] – в служении государю (님금).

[ДЕСЯТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之十章

(ГЛАВА [17] ОТКЛИК ЧУВСТВАМИ)

應感章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «В старину просвещенные монархи (明王) служили отцу, [и это] было сяо, поэтому служение Небу было светлым; служили матери, [и это] было сяо, поэтому служение Земле было ясным. Старшие и младшие были покорны (順), поэтому верхи и низы [легко] управлялись [государем]. А если Небо и Земля светлы и ясны, то появляется Свет Духа (神明)! Поэтому пусть даже [это и] Сын Неба, обязательно есть [тот, кого он] уважает, имея в виду, что есть [у него] отец; обязательно есть [тот, кто родился] раньше, имея в виду, что есть [у него] старший брат. [Когда] в Храме Предков Государя (宗廟) достигается уважение, [значит] не забывают родите-

лей. [Когда] работают над собой (修身)⁶⁷ и осторожны в поступках, [значит] боятся опозорить предков (先).

Если в Храме Предков Государя достигается уважение, то разные духи (鬼神) проявляют себя! Высшая степень почтительности к родителям сяо (孝) и братского уважения ти (悌) достигает Света Духа (神明), сияет в [пределах] Четырех Морей и нет того, чего бы [сяо] не достигало».

В [Каноне] Стихов сказано: «И с запада, и с востока, и с юга, и с севера нет мысли [о том, чтобы] не быть покорным (服)».

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «В старину служение светлого государя (발그신 님금) было [образцом] хё (孝), поэтому служение Небу было светлым; служение матери, было [образцом] хё, поэтому служение Земле было ясным. Старшие и младшие были покорны, поэтому верхи и низы [легко] управлялись [государем]. А если Небо и Земля светлы и ясны, то появляется Свет Духа (神明). Поэтому пусть даже [это и] Сын Неба, обязательно есть [тот, кого он] уважает, что говорит о том, что есть [у него] отец; обязательно есть [тот, кто родился] раньше, что говорит о том, что есть [у него] старший брат. Достижение в Храме Предков Государя (宗廟) уважения – это незабывание родителей. Очищение [своего] тела (몸을 닦으며) и осторожность в поступках – это ненанесение позора предкам. Поэтому если в Храме Предков Государя достигается уважение, то появляются разные духи (鬼神). Высшая степень почтительности к родителям хё и братского уважения че достигая Света Духа (神明) и сияя в [пределах] Четырех Морей не имеет такого, чего бы не достигало».

В [Каноне] Стихов сказано: «И с запада, и с востока, и с юга, и с севера думают, что нет неподчинения».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Десятая глава Комментариев. Объясняет [смысл] почтительности к родителям сяо Сына Неба.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Десятая глава Комментариев. Объясняет [смысл] почтительности к родителям хё Сына Неба.

⁶⁷ Несколько необычен перевод на корейский язык китайского термина «сюшэнь» (修身). В китайско-русских словарях термин трактуется как «самосовершенствование». Возможно, корейский вариант перевода XVI в. как «очищение тела» раскрывает либо корейскую, либо общую для Дальнего Востока концепцию «самосовершенствования»: самосовершенствование – это не создание в себе каких-либо особых качеств, а всего лишь очищение, внешнее и внутреннее. Последняя часть определения происходит из словарного значения иероглифа «шэнь» (身), имеющего перевод не только в значении «тело», но также и «личность».

[ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之十一章

(ГЛАВА [18] РАСШИРЕНИЕ ВОЗВЫШЕНИЯ ИМЕНИ)

廣揚名章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «Служение родителям цзюнь-цзы [есть] сяо. Поэтому верность чжун (忠) возможно проявить («переместить» 移) по отношению к правителю (君). Служение [цзюнь-цзы] старшему брату [есть] братское уважение ти (悌). Поэтому покорность шунь (順) возможно проявить по отношению к старшим. Жизнь [цзюнь-цзы] в семье [есть] гармоничная упорядоченность ли (理). Поэтому упорядоченное правление чжи (治) возможно проявить по отношению к [нижестоящим] чиновникам. И таким образом поступки успешно реализуются в пределах [жизни], а имя устанавливается в последующих поколениях!»

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «Служение родителям кун-чжа есть хё. Поэтому верность чхун (忠) возможно проявить («переместить» 옮기고) по отношению к государю (님금). Служение [кун-чжа] старшему брату есть братское уважение че (悌). Поэтому покорность сун (順) возможно проявить по отношению к старшим. Жизнь [кун-чжа] в доме (집) есть [образец] управления (다스림)⁶⁸. Поэтому [образцовое] управление (다스림) возможно проявить по отношению к [нижестоящим] чиновникам. И таким образом, поступки успешно реализуются в пределах [жизни], а имя устанавливается в последующих поколениях».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Одиннадцатая глава Комментариев. Объясняет установление места в жизни (立身) и возвышение имени, а также сяо служилого сословия (士).

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Одиннадцатая глава Комментариев. Объясняет установление места в жизни (몸을세오며) и создание имени (일함을 베풀), а также хё служилого сословия.

⁶⁸ В корейском переводе два различных, хотя и близких понятия – «гармоничная упорядоченность ли» (理) и «гармоничное управление чжи» (治), переводятся одним и тем же словом «управление» (다스림).

[ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之十二章

(ГЛАВА [19] ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ)

閨門章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «И во внутренних покоях⁶⁹ все обла- дают ритуалом⁷⁰! Величественно строго [положение] отца, величест- венно строго [положение] старшего брата. Жена и дети, домашние слуги и наложницы [по положению] – всё равно, что простолюдины и отбывающие трудовую повинность⁷¹».

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «И во внутренних покоях облада- ют ритуалом! Это строгий отец и строгий старший брат. Жена, дети, домашние слуги, наложницы – подобны [по положению] про- столюдинам и отбывающим трудовую повинность».

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Двенадцатая глава Ком- ментариев.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Двенадцатая глава Комментариев.

[ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之十三章

(ГЛАВА [20] УВЕЩЕВАНИЕ И ОСПАРИВАНИЕ)

諫爭章

[Кит. 1:] Цзэн-цзы сказал: «Что касается любви, уважения и обес- печения спокойствия родителям, возвышения имени – [я] Цань вы- слушал наставления! Осмелюсь спросить, следование СЫНОМ указа- ниям отца можно ли назвать почтительностью к родителям сяо (孝)?»

⁶⁹ «Внутренние покои». Обычно дом семьи аристократического сословия имел так на- зываемые внутренние покои, то есть часть, предназначенную для проживания женщин и де- тей, куда доступ для посторонних был запрещен. В тексте «Хэгён онхэ» под «внутренними покоем» имеется в виду частная домашняя жизнь, скрытая от посторонних глаз.

⁷⁰ В данном случае термин *ли* (禮) было более правильно переводить как «порядок», в соответствии с традицией современной российской китайской литературы.

⁷¹ «Трудовая повинность». В древнем и средневековом Китае, а также в Корее все простолюдины, то есть лично свободные крестьяне, в течение «трудоспособного возраста» (как правило, с 16 до 60 лет) если не служили в армии, то должны были время от времени отбывать государственные трудовые повинности, например на строительстве ирригаци- онных сооружений, крепостей, дворцов и т. п.

[Кор.1:] Чын-чжа сказал: «Допустим [о] любви и уважении, и [об] обеспечении спокойствия родителям (어버이), и [об] установлении имени [я] Сам выслушал наставления. Однако почтительно [осмелюсь] спросить, следование указаниям отца можно ли назвать почтительностью к родителям хё (孝)?»

[Кит. 2:] Конфуций сказал: «Что это за слова? Что это за слова? ГОВОРИТЬ ТАК, [ЗНАЧИТ] НЕ МИНОВАТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ. В старину если Сын Неба имел семь человек оспаривающих сановников (爭臣), то пусть даже не имел Пути (道), всё равно не терял свою Поднебесную. Если князья (諸侯) имели [по] пять человек оспаривающих сановников, то пусть даже не имели Пути, всё равно не теряли своих государств (國). Если великие мужи (大夫) имели [по] три человека оспаривающих сановников, то пусть даже не имели Пути, всё равно не теряли своих семей (домов) (家). Если ученые мужи (служилое сословие. – С. К.) (士) имели оспаривающего друга (爭友), то тогда тело (персону ученого мужа. – С. К.) (身) не покидало доброе имя. Если отец имел оспаривающего сына (爭子), то тогда тело (персона отца) (身) не впадало в неправильные [дела]. Поэтому [когда кто-либо] оказывается неправильным, то сын не может, [чтобы] не спорить с отцом, подданный не может [чтобы] не спорить с правителем. Поэтому [когда кто-либо] оказывается неправильным, то оспаривают его. Поэтому [только] следование указаниям отца разве может быть почтительностью к родителям сяо (孝)?!»

[Кор. 2:] Конфуций наставлял: «Что это за слова? Что это за слова? В старину если Сын Неба имел при себе семь человек спорящих сановников, то пусть даже не имел Пути, всё равно не терял свою Поднебесную; если князья имели при себе пять человек спорящих сановников, то пусть даже не имели Пути, всё равно не теряли своих государств (나라); если великие мужи имели при себе три человека спорящих сановников, то пусть даже не имели Пути, всё равно не теряли своих семей (домов) (집); если ученые мужи (служилое сословие. – С. К.) имели при себе спорящего друга (벗), всё равно тело (персону ученого мужа. – С. К.) (몸) не покидало доброе имя; если отец имел при себе спорящего сына, тело (персона отца) не оказывалось в неправильном положении (올치아니 한되 께지지아니하느니). Поэтому [когда кто-либо] оказывается в неправильном положении, сын безусловно не может не спорить с отцом, подданный безусловно не может не спорить с государем (님금). Поэтому если [кто-либо] оказывается в неправильном положении, то

спорят [с ним]. Поэтому [только] следование указаниям отца как еще может быть почтительностью к родителям хё (孝)?!»

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Тринадцатая глава Комментариев.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Тринадцатая глава Комментариев.

[ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА КОММЕНТАРИЕВ]

傳之十四章

(ГЛАВА [22] ТРАУР ПО РОДИТЕЛЯМ)

喪親章

[Кит. 1:] Конфуций сказал: «Совершение траура по родителям почтительного сына (孝子) [таково, что его] плачь без воя в голосе, ритуалы не имеют пышной внешности, слова не витиеваты; [он] одевая красивое, не спокоен; слушая музыку, не радуется; принимая вкусную пищу не [чувствует] сладости. Это – [проявление] чувств скорби и печали.

[Кор. 1:] Конфуций наставлял: «Совершение траура по родителям почтительного сына [таково, что], не делает воя из плача, не делает пышными ритуалы, не делает блестящими слова; в одевании красивого не находит спокойствия, в слушании музыки не радуется, во вкушении изысканной пищи не чувствует сладости. Это – [проявление] чувств скорби и печали.

[Кит. 2:] Но принятие пищи уже через три дня [после смерти родителя] учит народ, что нет такого, когда мертвое наносит ущерб живому, а горевание во время траура не отменяет жизненную природу [человека]. И это [есть] принципы правления мудрых (聖人).

[Кор. 2:] Принятие пищи уже через три дня [после смерти родителя] учит народ, что через умершего не наносят ущерб живущему, и что даже горевание во время траура не отменяет жизненную природу [человека]. И это [есть] принципы правления мудрых.

[Кит. 3:] [То, что] траур не превышает трех лет показывает народу, что есть конец [трауру]. Изготавливают для него [умершего] гроб, [погребальные] одежды и саван и подносят ему; расставляют его сосуды с жертвенным просом «фу» и «гуй» и оплакивают его; оплакивают, рыдая, проливая слезы, ударяя себя кулаком в грудь, подпрыгивая и [так] провожают его; выбирают по гаданию место его могилы и в спокойствии размещают гроб его. Строят для него Храм Предков (宗廟),

чтобы угождать ему как духу; весной и осенью совершают церемонию жертвоприношений духам предков, чтобы [каждый] сезон думать о нем.

[Кор. 3:] *Непревышение траура тремя годами – это показ народу того, что есть завершение [трауру]. Изготовив гроб, [погребальные] одежды и саван (니불), подносят [умершему]; расставив его сосуды с жертвенным просом “по”(黍) и “кее”(稷), оплакивают [его]; рыдая, проливая слезы, ударяя себя кулаком в грудь, подпрыгивая, провожают [его] с оплакиванием; выбирая по гаданию место его могилы, в спокойствии размещают гроб [его]; строя Храм Предков (宗廟), угождают [ему] как духу (귀신); весной и осенью совершая церемонию жертвоприношений духам предков, думают [о нем] ежесезонно.*

[Кит. 4:] Живому служат любовью и уважением. Мертвому служат оплакиванием и скорбью. И в этом основная сущность (本) народа (生民) достигает высшей степени! Получает обладание истиной (義) Смерти и Жизни! И служение родителям⁷² почтительного сына 孝子 находит свое завершение!»

[Кор. 4:] *В служении живому любя и уважая, в служении мертвому скорбя – основная сущность народа (백성의본) достигает высшей степени и получает обладание истиной Смерти и Жизни. И это есть завершение (맞춤) служения родителям почтительного сына (孝子)».*

[Кит. резюме:] [То, что] выше («справа») – Четырнадцатая глава Комментариев.

[Кор. резюме:] [То, что] выше («справа») – Четырнадцатая глава Комментариев.

[Кит.] Конец перевода на корейский язык и комментариев к Канону сыновней почтительности.

⁷² В «старом» тексте трактата подчеркнутое слово отсутствует.

4. ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ» ХЁ (孝) В КАНОНЕ «ХЁГЁН ОНХЭ» (孝經諺解)

В настоящем разделе содержится авторская трактовка и анализ содержания корейской версии «Канона сыновней почтительности», который строится на основе комплексного культурно-исторического подхода, основанного на использовании материалов истории, этнографии, общественной мысли (философии) и культуры Кореи и Китая.

4.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ХЁ В «КАНОНИЧЕСКОЙ ГЛАВЕ»

Единая «Каноническая глава» (經章) «Хёгён онхэ», не имеющая никакого деления на части, по своему содержанию аналогична первым семи главам «старого» текста «Сяо цзина». Глава открывается описанием ситуации, когда между Конфуцием и его учеником Цзэн-цзы завязывается разговор о сущности «почтительности к родителям». В первых же словах Конфуций произносит то, что можно назвать *универсальной формулой* категории хё (孝 кит. *сяо*)⁷³, теоретически одинаково применимой ко всем слоям общества. Далее в тексте трактата следует уточнение особенностей хё для каждого социального слоя, начиная от государя и кончая простыми людьми. Завершается глава предостережением относительно того, что несоблюдающему хё грозит несчастье.

«Универсальная формула» категории хё. Конфуций начинает свое поучение с того, что говорит об идеальном правлении государей древности, когда общество жило в гармонии, и верхи и низы не имели враждебности друг к другу. Причиной этого было умение древних управлять, строившееся на обладании Наивысшей Добродетелью⁷⁴ (至德) и Главным Путем (要道), с помощью которого Поднебесная (天下), то есть абсолютно всё, приводилось к послушанию.

Конфуций не отвечает на вопрос, что такое «Главный Путь». Но он говорит, что в основе Наивысшей Добродетели лежит «почтительность к родителям» хё. Таким образом, основные составляющие части «формулы хё» заключаются в следующем.

⁷³ Несмотря на то что в данном разделе работы анализируется *китайское* каноническое сочинение, термин «сыновняя почтительность», или «почтительность к родителям» передается в *корейской* транскрипции хё. Это объясняется тем, что носители корейской культуры, читая китайский текст, снабженный корейским переводом, воспринимали китайские понятия *корейизированно*, то есть в рамках корейской культуры.

⁷⁴ В отечественном китаеведении категория дэ (德) также трактуется в значении «благая сила», что, вероятно, ближе к изначальной сути этого понятия, нежели общепринятый перевод этого слова в значении «добродетель» (подробнее см., например: Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй»: В 2 т. СПб., 2001).

1. **Хѐ важно прежде всего потому, что с его помощью возможно реализовать идеальное управление государством.**

Далее Конфуций разъясняет, что же такое хѐ. Хѐ представляется им как категория подвижная, имеющая начало и конец. «Движение» хѐ осуществляется в двух системах координат: индивидуум–семья и индивидуум–государство.

(а) Индивидуум–семья. Начало хѐ состоит в заботливом отношении к своему телу, поскольку тело получено от отца и матери, то есть не является абсолютной собственностью «владельца тела», а в какой-то степени принадлежит родителям, будучи продолжением их. Однако недостаточно лишь бережно относиться к своему телу, не осмеливаясь нанести ему какие-либо повреждения. Требуется прославить имя родителей. Для этого необходимо прославиться самому (хозяину тела). Каким образом? «Установив свое место в жизни» (立身), то есть, говоря современным языком, «сделав хорошую карьеру» и действуя в соответствии с Путём То (кит. Дао) (道).

Относительно тезиса о «ненанесении вреда своему телу» как одного из основополагающих принципов категории сяо/хѐ (孝, 孝) в научной литературе существует точка зрения, утверждающая, что этот тезис буддийский и отражает буддийское представление о «воздаянии за благодать»⁷⁵.

Однако трудно представить, чтобы в IV–II вв. до н.э., в период формирования текста «Канона сыновней почтительности», какие-либо буддийские воззрения могли «попасть» в заглавную часть конфуцианского канона.

Кроме того, следует заметить, что в таких конфуцианских канонах, как «Лунь юй» и «Мэн-цзы», вопрос «продления жизни родителей в теле детей и через тело детей» обозначен достаточно четко (подробнее см. с. 120, 124). В этом смысле тезис о «ненанесении вреда своему телу» можно трактовать в контексте необходимости «продления жизни», в контексте культа предков. Следует заметить, что гл. 6 «Сяо цзина» («Продолжение поколений в рождении от отца и матери», 父母生續) как раз уделяет особое внимание вопросу «наследования жизни».

2. А. Первую часть (линия индивидуум–семья) универсальной формулы хѐ можно свести к высказыванию: **хѐ – это забота о «продленном во мне» теле родителей и «продленном во мне» имени родителей.**

⁷⁵ Нарисава Масару. Корё – Чосон сидэ соса мунхак пальчжон-ый ёнгу [成澤 勝. 高麗 – 朝鮮 時代 紋事 文學 發展의 研究. «Изучение развития повествовательной литературы эпохи Корё и Чосон»]. Сеул, 1995. С. 21.

(б) Индивидуум–государство. Будучи членом сообщества, человек должен служить ему. Служение каждого должно начинаться со служения своим родителям. Служение родителям переходит в служение государю и завершается установлением своего места в жизни.

На этом объяснение Конфуцием универсальной сущности хё заканчивается.

Почему служение родителям переходит в служение государю? Разъяснение этому утверждению дают, в частности, следующие главы «Хёгён онхэ», отражающие общее конфуцианское представление о государстве и правителе: государь – это «отец и мать» народа (гл. 1 «Комментариев»), а государство является большой семьей⁷⁶ (гл. 9 «Комментариев»). Поэтому служение государю – это то же, что и служение родителям (гл. 11 «Комментариев»).

Установление места в жизни имеет двоякое значение в определении хё. С одной стороны, удачная карьера – это лучшее выражение усердия в службе. С другой – только через жизнь в обществе («установление места в жизни») возможно прославить свое имя и через себя – имя родителей, иными словами, реализовать до конца первую часть универсальной формулы хё.

2. Б. Вторую часть (линия индивидуум–государство) универсальной формулы хё можно свести к следующему высказыванию: **хё – это служение родителям и служение государю, высшим проявлением которого является «установление своего места в жизни».**

Указанные составные части «универсальной формулы хё», согласно тексту представляемого памятника, были приняты как в Китае, так и в Корее. Однако в «Канонической главе» корейского трактата «Хёгён онхэ» также имеется особое высказывание, которое, возможно, отражает специфическое корейское представление о категории хё. На первой странице ксилографа сразу после заголовка «Хёгён онхэ» имеется корейское предложение, которое предшествует первой фразе оригинального китайского текста «Канонической главы». Оно гласит: «Хорошее служение родителям называют почтительностью к родителям, а записанные слова мудрецов называют каноном» (아버이를 잘섬김을 효라하고 성인의 글월을 經이라 하노니라).

Корейский текст этой фразы записан большими буквами, то есть не является комментарием и выполняет, таким образом, функцию основного текста. Очевидно, он объясняет термин «Хёгён» (孝經), содержащийся в

⁷⁶ «Конфуций любил говорить, что государство – это большая семья, а семья – малое государство» (Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1983. С. 264). Подробнее о традиционном конфуцианском представлении о государстве как большой семье см.: Сидихменов В.Я. Китай: Страницы прошлого. М., 1987. С. 225.

названии памятника. При этом первая часть указанной фразы заимствована из текста комментария к памятнику, составленного китайским ученым Дун Дином⁷⁷. Новая редакция трактата, выполненная Дун Дином (в период правления династии Юань) называлась «Сяо цзин да и» (孝經大義), что значит «Великий смысл “Канона сыновней почтительности”».

Как видно, корейское определение хё, предшествующее основному тексту памятника и как бы задающее общее направление восприятия трактата, ограничивает категорию хё линией индивидуум–семья. С другой стороны, главным в этой системе координат оказывается акт служения⁷⁸, присущий линии индивидуум–государство.

Ниже мы специально обратимся к проблеме корейских особенностей категории «почтительности к родителям», здесь же предварительно заметим, что представленное выше определение действительно отражает корейское восприятие категории хё хотя бы уже потому, что это определение вошло в толковые словари корейского языка.

3. Одну из особенностей *корейского* подхода к категории хё можно передать высказыванием: **«хё – это (лишь) хорошее служение родителям».**

Хё государя. Хё государя («Сына Неба», 天子) рассматривается Конфуцием главным образом в развитии второй части «формулы хё» по линии индивидуум–государство.

Система координат индивидуум–семья представляется как ступень к системе индивидуум–государство. Верховный правитель должен служить своим родителям. Но что есть служение родителям? Это любовь и уважение к ним. Имеющий любовь и уважение не может быть несправедливым по отношению к людям (подданным) и пренебрегать ими.

«Служение государю», то есть самому себе, есть не что иное, как служение государству. Верховный правитель реализует это через повсеместное установление законов, что возможно лишь тогда, когда он имеет доброту и уважение к подданным. Основываясь на этих чувствах, государь занимается обучением подданных и воспитанием добродетели в них.

Государь любит подданных, подобно тому как он любит родителей, и управляет народом на основе этой любви (это и есть проявление «служения государю», то есть самому себе).

⁷⁷ Сохак. Хёгён. Хёгён пучжон. С. 157.

⁷⁸ Понятие «служить» выражается по-корейски глаголом *сомгида* (섬기다), который в корейско-русских словарях не совсем точно переводится только в значении «заботливо ухаживать (за старшим)». Текст «Хёгён онхэ» повсеместно дает соответствие глагола *сомгида* китайскому глаголу *ши* (кор. *са*, 事), что значит «делать что-либо, служить, прислуживать». Корейско-английские словари среди первых значений глагола *сомгида* также указывают на такие, как «служить старшему; находиться на службе, прислуживать».

Хё «князей». Раздел о «князьях»⁷⁹ (чжухоу, 諸侯) канона «Хёгён онхэ» не мог служить конкретной рекомендацией определенному обществу сословию единой Кореи⁸⁰, так как в нем речь идет скорее всего о реалиях древнего Китая эпохи Чжоу (XI в. до н.э. – 221 г. до н.э.). В то время Китай был разделен на отдельные царства («княжества»), правители которых, будучи реально независимыми, формально были подчинены государю Чжоу («Сыну Неба»). И если «Сын Неба» мог лишиться власти только по воле Неба, то власть «князя», согласно «Хёгён онхэ», во многом зависела от его умения управлять.

Для «князей» категория хё определяется главным образом как необходимость сохранения своего положения в качестве правителя небольшого государства, подчиненного государю всей Поднебесной, то есть сохранения уважения со стороны подданных (основной фактор предотвращения смут) и богатства (материальной основы управления). Для этого требуется избегать надменности в отношении нижестоящих и быть экономным в расходах.

Исходя из анализа понятия хё (см. с. 89–92) можно предположить, что хё «князей» основано, главным образом, на реализации первой части «формулы хё»: ненанесение ущерба собственному телу, полученному от родителей (материальный достаток), и имени (сохранение уважаемого положения). Однако целью этого, как и в случае с государем, является «служение правителю», то есть самому себе через обеспечение стабильности и спокойствия в стране.

Избегая надменности в отношении нижестоящих, князья добиваются уважения к себе, и, будучи экономными в расходах, сохраняют богатство. Все это обеспечивает стабильность в государстве (сохранение тела и имени во имя сохранения государства).

Хё сановников и «великих мужей». Хё сановников (цин; 卿) и «великих мужей»⁸¹ (дафу; 大夫), то есть представителей правящей элиты общества, исходя из содержания «старого» текста «Сяо цзина», направлено на реализацию первой части «формулы хё»: сохранить свое жалование (тело) и место на службе (имя), а также собственный храм предков.

⁷⁹ См. примеч. 53.

⁸⁰ Находившееся на юго-востоке Корейского полуострова государство Силла к 663 г. Покорило государство Пэкче (юго-запад полуострова; столица Пэкче пала в 660 г.) и к 681 г. – Когурё (север полуострова; столица Когурё пала в 668 г.), объединив Корею под своей властью. После этого, за исключением непродолжительного периода так называемых Поздних Трёх государств (конец IX – начало X в.), Корея, управлявшаяся ванами Объединенного Силла и династиями Ван (государство Корё; X–XIV вв.) и Ли (государство Чосон, XIV–XX вв.), была единым государством.

⁸¹ См. примеч. 55.

С другой стороны, и в «новом» тексте памятника, и в его корейском варианте – «Хёгён онхэ» – слова о «жаловании» и «месте службы» изъяты. Таким образом, более поздние варианты текста «Сяо цзина», в том числе и корейский текст, пересматривают древнюю точку зрения на категорию хё для правящей элиты. В результате такого пересмотра главным в хё сановников и великих мужей становится «сохранение храма предков», посредством несовершения никаких других поступков, кроме таких, которые совершали предшествующие правители (то есть сохранение старых порядков и обычаев), это дает возможность обеспечить мир и спокойствие в Поднебесной.

Таким образом, «универсальная формула хё», по крайней мере формально, в отношении сановников не применяется.

Как уже отмечалось, храм предков – это не что иное, как место служения душам умерших старших родственников, в том числе и родителям. Высшей целью хё сановников и «великих мужей» становится посмертное служение родителям и другим старшим родственникам. Посмертное служение старшим через сохранение храма предков достигается посредством установления спокойствия в государстве через «правильное» поведение в жизни общества, на государственной службе. Что касается стиля одежды сановников и «великих мужей», то здесь «Хёгён онхэ» предписывает не носить того, что не носили предки («прежние государи»); в речах предписывается не говорить того, что не говорили предки («прежние государи»), в поступках – не совершать того, что не соответствует благородству (добродетели) предков («прежних государей»).

Последнее высказывание из фрагмента «Канонической главы», описывающей категорию хё для сановников, особенно важно. Сановники и «великие мужи» – это следующее за государями и «князьями» (правителями царств) сословие. Оно в известном смысле едино с верховными правителями, однако должно подчиняться правителям. Поэтому для обеспечения порядка в управлении максимально приближенное к монарху сословие необходимо ограничить с помощью требования не проявления инициативы и полного сохранения норм прошлого, которое является образцом.

В категории хё сановников и «великих мужей» требование правильного служения государству посредством не проявления инициативы и неукоснительного следования образцам прошлого является основой служения родителям через сохранение храма предков.

Не совершая ничего от себя лично и лишь следуя образцам прошлого, сановники и великие мужи добиваются гармонии в Поднебесной и тем самым сохраняют свой храм предков.

Хё служилого сословия. Раздел «Канонической главы» «Хёгён онхэ», соответствующей гл. 5 «старого» текста «Сяо цзина», пожалуй, в наиболее полной мере отражает содержание обеих составных частей «формулы хё», представленной в первой части «Канонической главы».

Приоритетной для служилого сословия (士) оказывается вторая часть «формулы». Это – служение родителям («отцу и матери») и служение правителю. Текст указанного фрагмента «Хёгён онхэ» приравнивает друг к другу оба компонента второй части формулы: служение родителям и служение правителю суть одно и то же. Отец и правитель пользуются одинаковым уважением и любовью. Отец и правитель тождественны.

Служение правителю посредством хё (то есть посредством образцовой модели поведения по отношению к старшему родственнику) есть *верность* (忠, 忠).

Однако служилое сословие должно служить не только правителю, но и всем старшим. В основе такого служения лежит чувство уважения к старшему⁸²; служение этого сословия есть *послушание* (順).

В развитии первой части «формулы хё» служилому сословию предписывается сохранять свой титул, то есть имя (в корейском варианте текста – «чиновничью должность») и жалование, то есть материальное положение как основу поддержания существования тела, полученного от родителей.

Указание на «защиту своих жертвоприношений духам предков» является продолжением принципа «сохранения тела и имени» и указывает на необходимость посмертного служения старшим родственникам.

Посмертное («загробное») служение старшим – это важнейшая составная часть категории хё, которая не упоминается в начальной, «задающей формулу» части текста памятника и появляется лишь в середине «Канонической главы» в связи с хё сановников и «великих мужей».

Таким образом, «Каноническая глава» памятника указывает на третью, вне «формулы», важнейшую составную часть категории хё: посмертное служение родителям, которое, в свою очередь, связано с традиционным культом предков, о котором подробно говорилось во вводной части к книге.

Таким образом, главной составляющей хё служилого сословия (士) является служение (1) всем вышестоящим в *пространственной* системе координат – родителям, правителю и (2) старшим и всем вышестоящим во *временной* системе координат – предкам.

⁸² В «старом» тексте «Сяо цзина» в той его части, где говорится о необходимости служения всем старшим, сказано, что основой такого служения является «чувство уважения к старшему брату» (ти, 悌). В Китае введённых работах термин «ти» переводится и как «братские чувства» (Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989. С. 65). В редакции «Хёгён онхэ» иероглиф «ти» (кор. че) изъят.

Искренне, основываясь на любви и уважении к вышестоящим, служилое сословие служит всем им и сохраняет свое имя, материальное положение и стабильность жертвоприношений духам предков.

Хё простолюдинов. Простолюдины (庶人) в большинстве случаев были лишены возможности находиться на государственной службе. Самым достойным занятием для них считалось земледелие. Поэтому та часть «формулы хё», которая посвящена служению государю, установлению места в жизни трактуется для простолюдинов соответствующей частью «Канонической главы» (глава «Простолюдины» «старого» текста) в значении «хорошо работать на земле». Служение простолюдинов родителям должно реализовываться прежде всего его материальным аспектом: обеспечением «кормления» отца и матери через умелое использование земли и экономное расходование имеющегося.

Можно сказать, что объяснение категории хё простолюдинов в трактате «Хёгён онхэ» ближе всего по содержанию к *корейскому* определению хё – «хорошее служение родителям».

Таким образом, очевидно, что *корейское определение «хё»* ориентировано на более широкие, низшие слои общества.

Хорошо работая на земле, заботясь о своем теле и экономно тратя (заработанное), простолюдины должны обеспечивать спокойное существование родителей.

Хё как универсальный регулятор отношений в обществе. Завершается «Каноническая глава» памятника указанием на то, что хё безгранично и распространяется на все слои населения, от правителя до простолюдина. Хё следует соблюдать, всякого пренебрегающего нормами хё постигнет несчастье. Не следующий нормам хё человек, независимо от воли некоей «наказывающей силы», обязательно окажется в крайне бедственном положении. То есть категория хё, несмотря на различные проявления ее единой формулы, является универсальным регулятором отношений в социуме.

Для большей наглядности изложенного, суммируем основное из содержания «Канонической главы» трактата «Хёгён онхэ», определяющей категорию хё для основных социальных сословий дальневосточного (корейского) общества.

Общее определение.

1. Хё важно, прежде всего, потому, что с его помощью возможно реализовать идеальное управление государством.

2. А. Хё – это забота о «продолженном во мне» теле родителей и «продолженном во мне» имени родителей.

2. Б. Хё – это служение родителям и служение государю. Высшим проявлением такого служения является «установление своего места в жизни».

3. Хё – это хорошее служение родителям.

Хё для различных социальных сословий.

1. Государь любит подданных, подобно тому как он любит родителей, и управляет народом на основе этой любви (служение государю, то есть самому себе).

2. «Князья»: избегая надменности в отношении нижестоящих, добиваются уважения к себе; будучи экономными в расходах, сохраняют богатство. Все это обеспечивает стабильность в государстве (сохранение тела и имени ради сохранения государства).

3. Сановники и «великие мужи»: не совершая ничего от себя лично и лишь следуя образцам прошлого, добиваются гармонии в Поднебесной и тем самым сохраняют свой храм предков.

4. Служилое сословие: искренне, основываясь на любви и уважении к вышестоящим, служит всем и сохраняет свое имя, материальный достаток и стабильность в совершении жертвоприношений духам предков.

5. Простолюдины: хорошо работая на земле, заботясь о своем теле и экономно тратя, должны обеспечивать родителей.

Таким образом, для всех социальных сословий в той или иной степени справедливы три задающие направления хё, указанные как «общее определение». Однако для разных социальных слоев можно обнаружить свои приоритеты.

Для государя и высших сановников главным оказывается служение государству, забота об идеальном управлении. Для служилого сословия основным является служение как таковое всем вышестоящим как по линии государства, так и по линии родственных отношений.

Для низшего благородного сословия⁸³, то есть для крестьянства, хё должно проявляться в служении родителям через правильное поведение.

Соблюдение категории хё всеми полноправными сословиями общества обеспечивает порядок и стабильность в государстве.

⁸³ В традиционном Китае из четырех основных сословий – ученых, земледельцев, ремесленников и торговцев, земледельцы (крестьяне) занимали следующее после ученых высокое место. В отличие от ремесленников или торговцев, крестьянам, по крайней мере формально, никогда не запрещалось сдавать государственные экзамены на получение чиновничьей должности (Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 15–16). В Корее отношение к крестьянам было аналогичным. Так, например, в начале эпохи Корё, в X–XI вв., то есть в то время, когда окончательно сформировалась система сдачи государственных экзаменов, было определено, что попытаться получить чиновничью должность мог каждый, кто относился к категории «доброго люда и выше» (Хангукса тхыккан «Специальные лекции по истории Кореи». Сеул, 1990. С. 106–107).

4.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ХЁ В ГЛАВАХ «КОММЕНТАРИЕВ»

За «Канонической главой» (經章), определяющей категорию хё в целом и для каждого социального сословия в отдельности, в «Хёгён онхэ» следуют 14 глав, условно переведенных как «Комментарии» (傳章). В ранних китайских редакциях «Канона сыновней почтительности», то есть в «старом» или «новом» текстах, все главы трактата являются «основными». Разделение текста памятника на «основную» часть и главы «Комментариев», которое мы находим в «Хёгён онхэ», идет от редакции памятника, выполненной Чжу Си.

Действительно, главы «Комментариев» в содержательном плане в известном смысле «вторичны» по отношению к «основной» главе, они не сообщают **принципиально** новых установок в определении категории хё, но уточняют то, что было изложено в «Канонической главе».

В «Хёгён онхэ», как и в тексте «Сяо цзин», отредактированном Чжу Си или Дун Дином, главы «Комментариев» не имеют названий. Они номерные. Номера глав обозначаются не в начале, а в конце каждой главы. Иногда после номера дается краткое резюме по основному содержанию главы. Порядок глав «Комментариев» «Хёгён онхэ» не совпадает с порядком этих же глав в «старом» или «новом» тексте «Сяо цзин».

Приведем таблицу, представляющую это различие.

Таблица 1. Сопоставление порядка и названий глав различных вариантов текста «Канона сыновней почтительности»⁸⁴

«Сяо цзин», «старый» текст	«Сяо цзин», «новый» текст	«Сяо цзин да и», «Хёгён онхэ»
1	2	3
Открытие истоков и просветление истины [1]	Открытие истоков и просветление истины 1	Одна глава канонического текста
Сын Неба [2]	Сын Неба 2	Одна глава канонического текста
Князя [3]	Князя 3	Одна глава канонического текста
Сановники и великие мужи [4]	Сановники и Великие мужи 4	Одна глава канонического текста
Служилое сословие [5]	Служилое сословие 5	Одна глава канонического текста
Простолюдины [6]	Простолюдины 6 [часть 1]	Одна глава канонического текста

⁸⁴ В первой графе таблицы – «Сяо цзин», «старый» текст – номера глав указаны в квадратных скобках, поскольку в тексте оригинала главы не пронумерованы. В «новом» тексте после названия каждой главы указывается и ее порядковый номер. В третьей графе название дается по резюме, если оно есть. Звездочка означает, что в конце главы отсутствует резюме, вкратце излагающее содержание главы.

1	2	3
Равнонеобходимость сяо [7]	Простолюдины 6 [часть 2]	Одна глава канонического текста
Тройная природа (сяо) [8]	Тройная природа (сяо) 7	Гл. 3 «Комментариев» (Приведение Поднебесной к послушанию)
Управление (с помощью) сяо [9]	Управление (с помощью) сяо 8	Гл. 4 «Комментариев» (Гармония и мир у народа, отсутствие ненависти друг к другу у верхов и низов)
Правление мудростью [10]	Правление мудростью 9 [часть 1]	Гл. 5 «Комментариев» (Хё – основа Добродетели)
Продолжение поколений в рождении от отца и матери [11]	Правление мудростью 9 [часть 2]	Гл. 6 «Комментариев» [часть 1] (Обучение (народа) – то, из чего рождается жизнь)
Полнота и недостаточность сяо [12]	Правление мудростью 9 [часть 3]	Гл. 6 «Комментариев» [часть 2; 23% гл. 12 «старого» текста] (Обучение (народа) – то, из чего рождается жизнь)
Предписание почтительного отношения к родителям [13]	Предписание почтительного отношения к родителям 10	Гл. 7 «Комментариев» (Начало служения родителям – не осмеливаться причинять вред своему телу)
Пять наказаний [14]	Пять наказаний 11	Гл. 8 «Комментариев»*
Расширение Главного Пути [15]	Расширение Главного Пути 12	Гл. 2 «Комментариев» (Главный Путь)
Расширение Наивысшей Добродетели [16]	Расширение Наивысшей Добродетели 13	Гл. 1 «Комментариев» (Наивысшая Добродетель, с помощью которой приводят к послушанию Поднебесную)
Отклик чувствами [17]	Отклик чувствами 16	Гл. 10 «Комментариев» (Смысл сяо (хё) Сына Неба)
Расширение возвышения имени [18]	Расширение возвышения имени 14	Гл. 11 «Комментариев» (Установление места в жизни, возвышение имени и хё служилого сословия)
Внутренние покои [19]	ГЛАВА ИЗЪЯТА	Гл. 12 «Комментариев»*
Увещевание и Оспаривание [20]	Увещевание и оспаривание 15	Гл. 13 «Комментариев»*
Служение правителю [21]	Служение правителю 17	Гл. 9 «Комментариев» (Середина пути сяо (хё) в служении родителям)
Траур по родителям [22]	Траур по родителям 18	Гл. 14 «Комментариев»*

В порядке следования глав «Комментариев» в «Хёгён онхэ», то есть в корейском переводе чжусианской версии «Канона сыновней почтительности», можно проследить наличие логической закономерности. Иными словами, главы расположены как бы блоками, в каждом из которых рас-

смаатриваются отдельные аспекты категории *хё/сяо*: 1) *хё* в управлении государством; пояснение к основному положению «Канонической главы» о важности *хё/сяо* для идеального управления государством (гл. 1–4 «Комментариев»); 2) *хё* как универсальная, всеобъемлющая категория (гл. 5–6 «Комментариев»); 3) уточнения к изложенной в «Канонической главе» «формуле *хё*» (гл. 7–11 «Комментариев»); 4) дополнения к «Канонической главе» (гл. 12–14 «Комментариев»).

Рассмотрим содержание глав «Комментариев» в рамках этих тематических блоков.

Категория *хё* в управлении государством. К первому тематическому блоку «вспомогательных глав» трактата «Хёгён онхэ» можно отнести гл. 1–4 «Комментариев». В первой главе, согласно содержанию «резюме», объясняется Наивысшая Добродетель (至德), с помощью которой приводят к послушанию Поднебесную.

Наивысшая Добродетель (지덕, 至德) как уважение к «непосредственным» вышестоящим через обучение народа трем категориям – *хё*, *че*, *син* (孝, 悌, 信). В основном тексте главы говорится только о необходимости обучения народа со стороны *кун-чжа* (кит. *цзюнь-цзы*, 君子)⁸⁵, то есть правителя, и нет непосредственного отождествления понятия «Наивысшая Добродетель» с процессом обучения народа. Также в тексте главы нет какого-либо другого прямого определения этого понятия. В цитате из китайского классического «Канона стихов» (или «Книги песен», 詩經), завершающего первую главу «Комментариев», сказано только то, что с помощью Наивысшей Добродетели возможно сделать послушным народ.

Что же такое Наивысшая Добродетель? С одной стороны, если обратиться к одной из ключевых фраз самого начала «Канонической главы» (или третьего фрагмента главы «Открытие истоков и просветление истины» «старого» текста «Сяо цзина»), то можно обнаружить следующее высказывание: «Конфуций сказал: “Ведь *сяо* – это есть корень Добродетели, это есть то, из чего рождается Обучение”» (夫孝德之本也 教之所由生).

Согласно этому высказыванию, категория *хё* («почтительности к родителям») есть и основа Добродетели и источник Обучения, иными сло-

⁸⁵ Традиционно в отечественном Китаеведении термин «*цзюнь-цзы*» переводят как «благородный муж» (см. Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». М., 1998. С. 146 и др.). Однако в энциклопедическом словаре «Китайская философия» указано, что у Конфуция понятие «*цзюнь-цзы*» соотносится с личностью правителя (С. 426). Действительно, в Первой главе комментариев «Хёгён онхэ», в ссылке на текст «Ши цзина», *цзюнь-цзы* именуется «отцом и матерью народа» (君子民之父母라; корейское дополнение в тексте – слово *ра* (라) «называют» – восполняет отсутствующий в тексте оригинала глагол-связку).

вами, Добродетель и Обучение народа оказываются тождественными⁸⁶. Поэтому в первой главе «Комментариев» говорится о Наивысшей Добродетели как Обучении народа с помощью категории *хэ*.

Это очень важная часть «Канона сыновней почтительности», поскольку, например, в отечественной литературе, посвященной представлениям Конфуция о государстве и, в частности, о месте народа в системе государственного управления, говорится лишь о том, что народ, согласно Конфуцию, должен только исполнять указанное, но невозможно заставить народ понять смысл указаний⁸⁷.

В современной корейской научной литературе, посвященной конфуцианству, также нет прямого соотнесения понятия «*кэ*» («обучать», 教) с категорией «народ» (民). *Кэ*, согласно корейским представлениям – это «наставления прежних мудрецов»⁸⁸.

В то же время в гл. 1 «Комментариев» говорится об Обучении народа (или наставлении народа) следующее. Правитель и высокопоставленные сановники, объединенные понятием *кун-чжа* (君子), должны наставлять всех нижестоящих, то есть народ. Таким образом, народ обучают для того, чтобы сделать его послушным. Обучение происходит не путем прямого указания на то, как должны поступать люди. Обучающий, то есть правитель *кун-чжа*, сам показывает образец поведения.

Согласно гл. 1 «Комментариев», образцовым является такое поведение людей в социуме, когда все его члены искренне уважают непосредственных вышестоящих. Уважение к «Отцу людей Поднебесной» (天下之爲人父者), то есть к верховному правителю, достигается через категорию «почтительности к родителям» *хэ*. Уважение к «Старшему Брату людей Поднебесной» (天下之爲人兄者) – через категорию уважения к старшему брату *че* (кит. 悌)⁸⁹. Уважение к «Правителю людей Поднебесной»

⁸⁶ В отечественном Китаеведении «Канон сыновней почтительности» не привлекал к себе должного внимания исследователей. Поэтому в определении категории *Дэ* (кор. Док 德), которую трактуют не только как «добродетель», но и как «одаренность» (Карпатьянц А.М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 13) нет связи ни с категорией «почтительности к родителям» *сяо*, ни с обучением народа как одним из методов управления государством (Китайская философия: Энциклопедический словарь. С. 119).

⁸⁷ Переломов Л.С. 1) Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 100; 2) Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 242–244.

⁸⁸ Югё тэ сачжон [儒教 大事典. «Большая энциклопедия по конфуцианству»]. Т. 1. Сеул, 1990. С. 141.

⁸⁹ Категория уважения к старшему брату *че* (кит. 悌) не имеет единообразного перевода на русский язык. Например, в книге Л.С.Васильева «Проблемы генезиса китайской мысли» указанный термин переводится только в значении «братские чувства» (Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989. С. 65).

(天下之爲人君者) – через категорию преданности государю *син* (кит. *чэнь* 臣)⁹⁰.

Итак, правитель приводит к послушанию Поднебесную с помощью Наивысшей Добродетели, которая заключается в том, чтобы обучать народ правильному поведению, то есть искреннему уважению «непосредственных» вышестоящих, через категорию «почтительности к родителям», категорию уважения к старшему брату и чувства преданности правителю. При этом главной является категория почтительности к родителям.

Главный Путь (要道) как уважение к «посторонним» вышестоящим, проявленное через ритуал. Вторая глава «Комментариев» связана по содержанию с первой главой. Ее текст состоит из двух самостоятельных смысловых фрагментов. Первый формально продолжает содержание предыдущей главы, начинаясь с указания на то, *чему и с помощью чего* должны *обучать* народ. Цель обучения обозначается двумя группами категорий: (1) доброжелательность (подобная чувству к близким родственникам 親) и любовь, а также (2) соблюдение правил поведения (ритуала 禮) и послушание. Первого добиваются с помощью почтительности к родителям *хэ*, второго – с помощью категории уважения к старшему брату *че*.

Однако заключительный фрагмент первой части гл. 2 «Комментариев» напрямую не связан с содержанием первой главы. Он указывает на то, что помимо обучения народа необходимо совершенствовать нравы и обычаи народа и очень важно обеспечить спокойствие верхам и добиться порядка в управлении народом. Изменение *нравов и обычаев* достигается с помощью *музыки*. Спокойствия верхов и успешного *управления народом* добиваются с помощью *ритуала* (правил поведения).

Действительно, некоторая обособленность этой части текста, которую трудно объяснить, иллюстрируется тем, что если в первом фрагменте ритуал (правила поведения) – это цель, которой надо добиваться, то во втором фрагменте – это средство, обладание которым как бы само собой разумеется.

Вторая часть гл. 2 «Комментариев» снова возвращает к социальным категориям, обозначенным в первой главе: отец, старший брат, государь. В ней говорится, что ритуал – это не что иное, как уважение (敬) к выше-

⁹⁰ Представляется, что категория чувства преданности государю *син* (臣; кит. *чэнь*) в своем роде уникальна, поскольку встречается достаточно редко, возможно, исключительно в тексте «Канона сыновней почтительности». Словари также не дают прямого перевода термина «син» как «чувства преданности государю» или «преданности государю». Однако как содержание словарных статей, относящихся к иероглифу «син» («чэнь»), так и прежде всего сам контекст Первой главы «Комментариев» канона позволяет говорить о том, что в данном случае мы имеем дело с ключевым понятием, стоящим в одном ряду с категориями «почтительности к родителям» и уважения к старшему брату.

стоящим, то есть к отцу, старшему брату и государю, но, в отличие от того что было сказано в первой главе, это не уважение со стороны *непосредственных* «подчиненных», то есть сына, младшего брата и сановников, а уважение со стороны других, *«посторонних»* людей.

Таким образом, вторая часть гл. 2 «Комментариев» дает объяснение понятия *ритуала* через социальные категории отца, старшего брата и правителя, показывая при этом определенную связь категорий почтительности к родителям, уважения к старшему брату и чувства преданности правителю с категорией *ритуала* (правил поведения).

Иными словами – уважение отца, старшего брата и правителя «непосредственно нижестоящими», то есть сыном, младшим братом и сановником – суть категории «почтительности к родителям» *хё*, суть уважения к старшему брату *че* и преданности правителю *син*. Такое же уважение отца, старшего брата и правителя *«сторонними»* людьми – это *ритуал*. Реализация такого уважения «сторонними», то есть реализация ритуала, и есть Главный Путь (要道).

В категории Главного Пути (уважения вышестоящих «сторонними») почтительность к родителям – *одно из* многочисленных условий его реализации, но в то же время *первое* (главное) в иерархии этих условий.

Обоснование «формулы хё» для разных социальных слоев. Словно отражая внутреннюю структуру основной «Канонической главы» памятника, где вслед за изложением общих принципов категории *хё* следует уточнение содержания этой категории для разных слоев населения, в гл. 3 «Комментариев» после уточнения «основных принципов» представлено разъяснение о категории *хё* для *народа* (民), то есть нижестоящих (по отношению к государю и правящему сословию) социальных слоев.

Разъяснение очень важно, поскольку указывает на то, что категория *хё*, то есть *искреннее служение* «прямым» и «сторонним» вышестоящим, не есть нечто насильно насаждаемое в народе, это неотъемлемая часть естественного миропорядка, «закон неизменного порядка Неба» и «основной принцип Земли». Поэтому народ следует примеру Вселенной (Неба и Земли). Управление народом в таком обществе просто, и нет суровости в обращении вышестоящих по отношению к нижестоящим.

Объяснение «обратной связи» в реализации категории хё для управления государством. Четвертая глава «Комментариев» представляется особо важной не только для понимания отдельно взятой категории служения родителям (старшим), но и для понимания конфуцианства в целом, которое западные исследователи нередко рассматривают как учение «иерархического общества» со строгим подчинением младших старшим (и на этом определение иерархии завершается). На самом деле в конфуцианстве, и это можно показать на примере «Трех заповедей» и «Пяти норм

морали» (подробнее см. с. 146–147), очень важно не только служение младших старшим, но и забота старших о младших.

В гл. 4 «Комментариев» эта связь рассматривается на всех уровнях – от верховного правителя Поднебесной до простолюдинов.

Начинается глава с утверждения о том, что, используя *хэ* в управлении Поднебесной, просвещенные монархи древности с глубоким вниманием относились к правителям малых (подчиненных Срединной империи) государств, а также ко всему высшему сословию этих государств. Поэтому не было недовольных правлением верховного государя, и тот мог спокойно и достойно «служить своим предкам».

То же самое трактат «Хэгён онхэ» говорит и в отношении правителей «малых» периферийных государств древности. Они также, опираясь на принцип *хэ*, умели не пренебрегать и служилым сословием, и простолюдинами, уже не говоря о тех, кому жилось особенно тяжело (вдовах и вдовцах). Поэтому подданные с радостью воспринимали правление монархов малых государств, и те, в свою очередь, живя в мире, имели возможность «служить своим прежним государям» (то есть заботиться о своих родителях, совершать ритуалы культа предков, быть достойными деяний предшествующих государей).

В отношении «простолюдинов» в гл. 4 «Комментариев» говорится о необходимости гармонии в семье, построенной на соблюдении категории *хэ* и одновременно имеющей целью исполнение этой категории. Так, в древности главы семей (старшие мужчины) заботились о женах и детях, справедливо относились к слугам и наложницам. И, находясь в мире и гармонии со своими домашними, старшие в семье могли служить своим родителям.

Таким образом, «обратная связь» вышестоящего с нижестоящим, основанная на категории *хэ* и одновременно направленная на реализацию этой категории, является одним из основных столпов обеспечения мира и гармонии (справедливого правления) в государстве.

Категория *хэ* как универсальная, всеобъемлющая категория.

Гл. 5–6 канона «Хэгён онхэ» условно можно отнести к описывающим категорию *сяо/хэ* как некое *универсальное*, всеобъемлющее явление, «пронизывающее» не только все слои общества, но и Вселенную в целом, рождающееся в каждом конкретном человеке и находящее свое высшее проявление в правлении государей.

Категория *хэ* как центр мира и основа управления. Гл. 5 «Комментариев» канона «Хэгён онхэ» по тексту идентична гл. 10 «старого» текста «Сяо цзина» («Правление мудростью», 聖治章). Глава начинается с вопроса ученика Конфуция – Цзэн-цзы – о том, есть ли что-нибудь особенное в добродетели (благой силе *дэ* 德) мудрецов древности, в той части, которая так или иначе связана со служением родителям (孝).

Ответ Конфуция начинается с утверждения, являющегося во многом определяющим для всей дальневосточной общественной мысли как древности, так и современности: *в природе Неба и Земли человек является ценнейшим*⁹¹. В свою очередь, в поведении (в поступках) человека, нет ничего, что было бы важнее категории хё. А в категории служения родителям (хё) самое важное – почитание высокого положения отца. В почитании же высокого положения отца важнейшим является так называемое уподобление Небесам, или приближение к Небесам (배천, 配天), которое, в свою очередь, достигается посредством совершения *ряда* актов кормления – верховных божеств, духов прежних государей, духов собственных предков.

Таким образом, в гл. 5 «Комментариев» устанавливается связь от вселенной (Неба и Земли) к человеку, далее – к отцу [родителям] как началу жизни каждого конкретного человека, и снова «обратно» к верховным божествам, к Небесам через *акт кормления Небес и разделения трапезы с Небесами*, который в европейской литературе не совсем удачно переводят термином «жертвоприношение» (подробнее о так называемых жертвоприношениях духам предков см. с. 41).

Далее в гл. 5 определяется тот, *кто является ответственным за реализацию в семье и обществе категории хё*.

На уровне *семьи* отец (родители) отвечает за то, чтобы категория хё выполнялась и не исчезала со временем. Во-первых, родители создают будущего носителя категории служения родителям (старшим), то есть рожают ребенка. Затем они обеспечивают ему физическое существование, то есть растят его. И далее родители *воспитывают* (обучают) своего ребенка, обучают его в строгости, чтобы в дальнейшем он *кормил* своих родителей (то есть обеспечивал их жизнь в старости и посмертное существование в состоянии духа посредством совершения церемонии кормления духов предков).

В реализации категории хё на государственном уровне, то есть в обеспечении правильного управления страной «ответственными» являются верховные правители государства. (Подобно родителям, воспитывающим своих детей), государи также обязаны наставлять (敎) свой народ: следуя принципам строгости (嚴), обучать народ умению уважать (старших) (敬); следуя принципам родственных отношений (親), обучать народ

⁹¹ Ср., например, с основополагающим утверждением философской составляющей северо-корейских идей чучхе: «Чучхе – новые философские идеи, в центре которых стоит человек... Человек занимает особое место и играет особую роль как властелин мира...» (Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. Пхеньян, 1982. С. 9–10).

любить (окружающих) (愛). И тогда, не прибегая к суровым методам правления, государи могут достичь успеха в управлении своей страной.

Таким образом, универсальная и всеобъемлющая категория *хё* является самым главным в поведении человека – центра Вселенной и обеспечивает порядок и гармонию как в семье, так и в государстве.

Основная задача людей в рамках категории *хё*. Гл. 6 «Комментариев» канона «Хёгён онхэ» вобрала в себя две главы «старого» текста «Сяо цзина» – гл. 11 и 12, причем последнюю – в значительно урезанном виде. По содержанию она как бы продолжает предшествующую главу «Комментариев», разъясняя основные задачи участников отношений в рамках категории *хё* на уровне государства и семьи. В обоих случаях и вышестоящие и нижестоящие имеют свои особые обязанности.

Гл. 6 начинается с высказывания Конфуция о том, что «Путь» (道) отношений между отцом и сыном – это естественная природа вселенной («природа Неба» 天性). Отношения между отцом и сыном (родителями и детьми) подобны отношениям между правителем и подданными, которые должны быть связаны между собою (взаимным) чувством долга (義).

Родители рожают детей и с добротой заботятся о них; в свою очередь, правители также должны по-доброму заботиться о своих подданных. С другой стороны, и у детей и у подданных есть свои обязанности по отношению к этим непосредственно вышестоящим. В первую очередь дети должны любить и уважать своих родителей, а не «чужих людей». В противном случае можно говорить о попрании благой силы *дэ* («добродетели» 德) и ритуала (правил поведения) *ли* (禮).

Любопытно резюме, завершающее гл. 6 «Комментариев». Несмотря на то что в основном корпусе главы напрямую ничего не было сказано о наставлении (教) народа, в резюме говорится о том, что (правильная, истинная) жизнь народа как раз рождается из наставления народа.

Это утверждение из резюме также доказывает наше предположение о содержательной связи гл. 5 и 6 «Комментариев». Ведь в гл. 5 как раз и говорится о необходимости наставления народа для того, чтобы категория *сяо/хё* реализовывалась.

Таким образом, все указанные в гл. 6 «Комментариев» добродетели (то есть выполнение обязанностей нижестоящих по отношению к вышестоящим) становятся возможными только тогда, когда вышестоящие обучают этому народ.

Уточнения к «формуле *хё*», изложенной в «Канонической главе». Пять глав «Комментариев» – гл. 7–11, посвящены уточнению основных положений «Канонической главы», а именно тому, что выше было определено как «формула *хё*».

К положению о «не причинении вреда своему телу». Гл. 7 «Комментариев» (первая глава из блока «уточняющих глав») посвящена двум основным моментам. Первый – это разъяснение к одному из основополагающих положений «Канона сыновней почтительности» – положению о ненанесении вреда своему собственному телу.

Вторая самостоятельная по содержанию часть гл. 7 *открывает* главу, то есть расположена в ее начале, и на самом деле является *продолжением* предыдущей гл. 6, в которой говорится, *в частности*, и о том, что почтительность к родителям (или вообще ко всем старшим) не должна быть формальной, но должна основываться на искренней любви и уважении к старшим (родителям или государю).

В начале гл. 7 «Комментариев» сказано, что в служении родителям почтительный сын (или дочь) должны проявлять *искреннее* уважение к ним, кормить родителей с радостью, искренне беспокоиться о здоровье живущих родителей и с чувством глубокой горечи совершать необходимый церемониал в отношении умерших родителей.

Вторая часть гл. 7, как уже отмечалось, посвящена вопросу «заботы о собственном теле» как одной из основ категории хё. Однако она повествует совсем не о методах заботы о собственном здоровье, а о том, что в современном обществе назвали бы проблемой обеспечения собственной безопасности, или безопасного существования в обществе. Безопасное существование в обществе, согласно канону «Хёгён онхэ», достигается следованием образцу поведения, соответствующему *положению в обществе* того или иного его члена.

Так, «находящийся наверху» общества, то есть правитель и высокопоставленные сановники, не должны быть высокомерными по отношению к нижестоящим. «Находящиеся внизу» общества, то есть низшие социальные слои, не должны бунтовать. Находящиеся среди равных себе не должны «вступать в споры», то есть в борьбу за собственное преобладание.

Далее в гл. 7 «Комментариев» даются разъяснения относительно того, *почему* необходимо следовать указанным нормам поведения. Несоблюдающий эти нормы вышестоящий рано или поздно погибнет, нижестоящий получит наказание, равный от равного – «удар мечом». То есть тем самым умертвит или покалечит свое тело. А это есть верх сыновней непочтительности, которую не загладит таким формальными моментами в служении родителям, как кормление «отборным мясом».

К положению об обязательности соблюдения хё. Гл. 8 «Комментариев» невелика по объему и уточняет заключительную часть «Канонической главы» (經章) «Канона сыновней почтительности», в которой го-

ворится о том, что хэ должны исполнять все слои населения (все люди), в противном случае никому не избежать несчастья.

Восьмая глава начинается с утверждения о том, что среди всевозможных преступлений, коих множество, нет большего, чем непочтительность к родителям. Отвержение категории «почтительности к родителям» хэ, означающее пренебрежение к своим собственным родителям, рано или поздно приводит к «большой смуте», то есть к хаосу в государстве, могущему привести государство к гибели.

К положению о том, что середина Пути хэ – это служение правителю. В основном тексте гл. 9 «Комментариев» нет прямых указаний на то, что она иллюстрирует положение о том, что середина «пути» служения родителям – это служение своему правителю. Об этом сказано лишь в «резюме», завершающем текст главы. С формальной точки зрения в ней говорится только о том, *каким образом* подданный должен служить своему повелителю.

Когда наступает непосредственный момент служения, подданный должен думать только о верности своему повелителю. Когда наступает время «перерыва», то подданный должен задуматься о своих промахах и постараться исправить их. Подданный должен всегда следовать тому, что прекрасно в правителе. Однако подданный также имеет право (должен) исправлять неправильные деяния повелителя, то есть имеет право на критику. Только в таких *искренних* отношениях между подчиненным и начальником рождается чувство «родственной близости» (親) (необходимое для достижения гармонии в обществе, являющееся составной частью категории хэ).

О почтительности к родителям верховного правителя (Сына Неба). Гл. 10 «Комментариев» дает очень важное пояснение о том, *почему* категория служения родителям хэ оказывается столь важной в деле управления государством. В любом государстве не может быть *абсолютного* всевластного правителя. Над правителями «княжеств» стоит государь Поднебесной – Сын Неба (天子). Над Сыном Неба стоят его родители или старшие братья. Таким образом, всякая монархия, при условии соблюдения в обществе категории хэ, оказывается *ограниченной*, а на всякого государя, таким образом, имеется сила воздействия «свыше» – со стороны его родителей или старших родственников. Воздействие это не обязательно должно быть «прямым». Например, отец и мать государя могут умереть. И тогда его «служение» родителям проявляется в том числе и в необходимости «не опозорить имя предков», что должно привести к работе над собою (самосовершенствованию) и осторожности в поступках.

Помимо указанного, в гл. 10 «Комментариев» имеется фрагмент, трудно поддающийся каким-либо пояснениям, ибо предмет его до сих пор особо не рассматривался в специальной литературе. Речь идет о так называемом Свете Духа (신명, 神明), а также об «обычных» духах (귀신, 鬼神).

Дело в том, что в европейской литературе о конфуцианстве нередко можно встретить мнение о том, что «в конфуцианстве нет духов». Иными словами, утверждается, что конфуцианство не рассматривает проблему духов (божеств), поскольку для конфуцианства этот вопрос «неактуален».

Однако в нескольких конфуцианских канонах удалось найти высказывания о мире духов. Кроме того, вера в духов предков, ставшая составной частью «классического» конфуцианства, также подтверждает факт того, что конфуцианству не чуждо представление о том, что в современном обществе назвали бы потусторонним миром.

Свет Духа (신명, 神明) упоминается в гл. 10 «Комментариев» дважды. В первых строках главы сказано о том, что, если Небо и Земля (соотносящиеся с отцом и матерью) светлы и ясны (потому что есть хё, и верхи и низы легко управляются государем), то тогда появляется «Свет Духа».

В завершающих строках главы говорится о том, что высшая степень служения родителям хё и братского уважения че (제, 悌, кит. *ти*) достигает «Света Духа» и сияет в Четырех Морях (то есть по всей земле).

Об «обычных» духах (귀신, 鬼神) сказано то, что «духи» (положительно) проявляют себя тогда, когда в Храме предков государя (宗廟) достигается уважение (敬).

Приведенные высказывания не просто весьма любопытны, но крайне важны для понимания конфуцианства, традиционной Дальневосточной общественной мысли. На нынешнем этапе работы над памятником «Хёгён онхэ» не представляется возможным дать четкий комментарий относительно «системы духов» в рамках категории «служения родителям». Однако упомянуть об этом феномене крайне важно, чтобы указать на необходимость дальнейшего исследования *и этой* проблемы «духов и божеств» в конфуцианстве.

К завершающей части «формулы хё» об установлении места в жизни и хё служилого сословия. Гл. 11 «Комментариев» повествует о категории хё для служилого сословия «нижнего звена» (士), для «совершенных мужей» цзюнь-цзы (君子). В этой главе государство ассоциируется с семьей, а отношения между его членами – с отношениями между членами семьи.

Служение родителям совершенного мужа цзюнь-цзы – это и есть категория хё. И если эта категория реализуется, то тогда цзюнь-цзы может проявить *верность* (忠) по отношению к правителю. Иными словами,

лишь умеющий служить своим родителям может быть по-настоящему верным своему правителю.

Если *цзюнь-цзы* способен проявлять уважение по отношению к старшим братьям (悌), то он обладает умением проявлять послушание (順) по отношению ко всем тем, кто старше его.

Таким образом, соблюдение норм поведения в отношениях со старшими в семье – гарантия того, что и в обществе представитель служилого сословия сможет правильно вести себя по отношению к вышестоящим.

Общественные нормы поведения служилого сословия в отношении нижестоящих также основываются на нормах отношений в семье.

В своей семье *цзюнь-цзы* является образцом управления ее членами. Благодаря умению упорядочивать отношения в своей семье и в обществе (образцовое) служилое сословие умеет управлять нижестоящими.

Только имея все указанные навыки служения старшим и управления нижестоящими, возможно «установить свое место в жизни», то есть сделать успешную карьеру.

Дополнения к «Канонической главе». Далее в тексте глав «Комментариев» представлены «дополнения» к «Канонической главе». Другими словами, завершающие канон «Хёгён онхэ» главы сообщают *новую* информацию о категории *сяо/хё*, о которой не шла речь в основном корпусе, то есть в «Канонической главе» (經章).

Однако первая из серии «дополняющих» глав в известной степени продолжает содержание последней части гл. 11 «Комментариев», где говорилось о поведении образцового мужа в семье.

О нормах поведения (служилого сословия) в семье. Поведение членов семьи, хотя и зиждется на категории «почтительности к родителям», с точки зрения трактата «Хёгён онхэ», имеет несколько отличные от категории *хё* нормы.

Согласно гл. 12 «Комментариев», *внутренние* отношения между членами семьи регулируются *ритуалом* (правилами поведения 禮). Непререкаемо высоко должно быть положение и роль в семье старшего мужчины – отца, старшего сына (старшего брата). Жены и дети, а также домашние слуги и наложницы должны исполнять свои домашние обязанности так, словно они простолюдины, отбывающие трудовую повинность.

В гл. 12 описываются внутрисемейные нормы поведения, которые должны были соблюдаться в семье служилого сословия («благородного мужа»), поскольку простолюдины не имели ни слуг, ни наложниц.

Об ограничении действий старшего увещеваниями младшего.

Гл. 13 «Комментариев» в известной степени стоит «особняком» от основного текста канона, так как ее содержание, на первый взгляд, будто бы

нарушает стройную и строгую систему отношений между старшим и младшим в обществе и семье, построенную на безукоснительном соблюдении иерархии.

В гл. 13 говорится о возможности увещевания (критики) в адрес старшего со стороны младшего.

В принципе конфуцианство признает критику вышестоящего нижестоящим. Так, считается, что у правителя сановники хорошие в том случае, если имеют мужество увещевать государя, когда он не прав⁹².

Здесь рассматривается вопрос ограничения старшего со стороны младшего с различных сторон. Как и во всем тексте памятника, слова поучения исходят непосредственно от самого Конфуция, но в гл. 13 они подчеркиваются вопросом его ученика Цзэн-цзы: можно ли назвать абсолютное следование сына указаниям отца «почтительностью к родителям» *сяо* (хё)?

Конфуций не просто отвечает на поставленный вопрос. Ответ Учителя эмоционален, что подчеркивается особыми грамматическими показателями. Ответ его отрицательный. Ни в коем случае нельзя слепо следовать указаниям отца! И не только отца, но и любого вышестоящего. Конфуций говорит, что в «древности» Сына Неба всегда оспаривали семь его сановников. Поэтому, даже когда Сын Неба отходил от истинного Пути, в Поднебесной не происходило катастроф и он не лишался своей власти. Все правители рангом ниже также имели сановников, споривших с ними. «Князья» – правители подчиненных Сыну Неба княжеств (государств) имели по пять человек «оспаривавших сановников», высшие сановники – по три могущих не согласиться с ними подданных, служилое сословие имело споривших с ними друзей, а у отцов были оспаривавшие их сыновья. Именно благодаря наличию таких «оспаривавших» нижестоящих все «руководители» – от Сына Неба (государя) до главы отдельной семьи – не теряли своей власти и положения, сохраняли управлявшиеся ими государства, семьи.

Конфуций говорил о том, что всякий нижестоящий *обязан* оспаривать вышестоящего, если вышестоящий ошибается.

Таким образом, «Канон сыновней почтительности» при помощи категории *сяо/хё* устанавливает *двустороннее* ограничение всякому правителю, всякому лицу, управляющему той или иной частью общества. *Над* каждым человеком стоят его старшие родственники – родители, братья. И

⁹² Например, в «Истории [государства] Корё» («Корёса») в разделе «Биографии» описывается *образцовый* поступок конфуцианского сановника У Тхака (1263–1343); перевод см.: Курбанов С.О. Биография конфуцианцев в неофициальной истории династии Корё «Мокчэ касук хвичхан Ёса» // Российское корееведение. Альманах: Вып. 3. М., 2003.

каждый должен уметь служить вышестоящим, слушаться их (гл. 10 «Комментариев»). *Под* каждым есть нижестоящие, которые имеют право и обязаны критиковать, бороться с неправильным поведением вышестоящих.

Таким образом, благодаря *реализующейся* категории хё всякая власть, с точки зрения канона «Хёгён онхэ», оказывается ограниченной.

О трауре по родителям. Гл. 14 «Комментариев» завершает текст «Канона сыновней почтительности». Здесь описана «новая» составляющая часть категории хё, не отраженная в основном тексте «Канонической главы». Это траур по умершим родителям и совершение ежегодной церемонии кормления духов предков.

Глава начинается с указания о том, что в совершении траура по умершим родителям содержание траура, то есть *истинное* чувство скорби, важнее соблюдения внешней формы. При этом настоящий почтительный сын и форму траурного ритуала делает скромной.

Далее следует очень важный фрагмент о том, что траур по родителям должен быть *ограниченным* и не наносить ущерба живому человеку. Иными словами, как бы ни был важен траур, поддержание нормальной жизни живого человека оказывается важнее. Уже через три дня после смерти родителей почтительный сын может нормально принимать пищу. Период траура *не должен превышать трех лет*.

По невыясненным пока причинам это высказывание из гл. 14 «Комментариев» оказалось вне поля зрения тех, кто оценивал поступки почтительных к родителям детей в Корее средних веков. В категорию особо почтительных к родителям детей были занесены те, кто соблюдал траур по родителям намного больше трех лет (подробнее см. с. 204), кто в период траура чрезмерными ограничениями наносил ущерб своему здоровью.

Однако гл. 14 «Комментариев», а вместе с нею и весь памятник «Хёгён онхэ» завершается очень важным высказыванием о том, что служить надо не только живым, но и умершим родителям.

Важность высказывания заключается в следующих основных моментах.

1) Сведёние всего многообразия взаимоотношений в обществе и семье в рамках к категории хё только к служению родителям. (Следует отметить, что подобного сужения категории хё в изначальном, «старом» тексте памятника не было. Слово «родители» появилось лишь в более поздних редакциях канона – «Сяо цзин да и» (孝經 大義), «Хёгён онхэ» (孝經 諺解). Таким образом, в «изначальном» тексте памятника говорилось о служении «вообще», что естественным образом вписывается в контекст основного содержания всего канона.)

2) Указание на равную важность прижизненного и посмертного служения старшим (родственникам), родителям.

Суть последнего из двух указаний становится ясной, если вспомнить о традиционных корейских представлениях о «жизни» человека после смерти, или о духах предков, описанных во вводной части книги.

Представленный общий анализ содержания *корейской* версии конфуцианского канона помогает приблизиться к раскрытию сути категории *хё/сяо* (孝) в «Переводе на корейский язык и комментариях к “Канону сыновней почтительности”» (효경언해, 孝經諺解).

Однако и в других конфуцианских канонических сочинениях, составленных ранее «Сяо цзина» («Канона сыновней почтительности»), так или иначе затрагивается вопрос «почтительности к родителям» *хё* (孝).

В корейском конфуцианстве сочинения, входящие в состав «Четверокнижия» (四書) и «Пяти канонов» (五經), также занимали центральное место и в XVI столетии были переведены на корейский язык.

Таким образом, описание категории *хё* в этих сочинениях могло оказывать и оказывало (как показывают корейские классические первоисточники) воздействие на *корейское* восприятие этой категории традиционной культуры.

Разворот титульного листа 1-го тома «Четверокнижия».
 Корейское карманное издание конца эпохи Чосон.
 (Из собрания автора. Дар. госп. Хан Мёнвона, Республика Корея).

Часть третья
ТЕОРИЯ СЯО/ХЁ
В КИТАЙСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ
КОНФУЦИАНСКОЙ КЛАССИКЕ

Конфуцианская классика на протяжении многих столетий была основной общественной мысли Кореи, существовала в Корее как бы *вне времени*, несмотря на то что собственно корейское конфуцианство имело самостоятельный путь развития, ставший особенно заметным начиная с XVI столетия, с появления группы «новых конфуцианцев» *сарим* (사림, 士林) и таких выдающихся конфуцианских мыслителей, как Ли Хван (이 환, 李滉; 1501–1570) и Ли И (이 이, 李珥; 1536–1584).

Начиная с конца XVI в., когда «Палата сопоставлений и исправлений» (교정청, 校正廳) начала активную работу по переводу на корейский язык и *комментариям* китайской конфуцианской классики (с записью текста корейским фонетическим алфавитом), конфуцианские канонические сочинения в известной степени стали *неотъемлемой частью* традиционной корейской культуры, то есть как бы «корейскими» (хотя, конечно же, история проникновения конфуцианства на Корейский полуостров уходит своими корнями к началу первого тысячелетия нашей эры).

Фрагменты конфуцианских классических сочинений входили составной частью в корейские трактаты. В качестве примера можно привести памятник «Мёнсим богам» (명심보감, 明心寶鑑. «Драгоценное зеркало просветленного сердца»), первый вариант текста которого был создан еще в конце XIII в., в эпоху Корё и изменялся и дополнялся вплоть до конца XIX в. Поэтому рассмотрение вопроса о том, каким образом различные конфуцианские классические сочинения отражают восприятие категории

«почтительности к родителям» *сяо/хё*¹, в известной степени отвечает и на вопрос о *корейских классических* особенностях понимания этой категории культуры. Тем более что для написания настоящей книги были использованы тексты китайских конфуцианских канонических книг, снабженных *корейскими переводами*, основанными на классических переводах конфуцианских канонов XVI в.

Из всех конфуцианских канонов для рассмотрения вопроса об особенностях описания категории «сыновней почтительности» (孝) были избраны три: «Лунь юй» (論語. «Беседы и суждения»); «Мэн-цзы» (孟子); «Чжун юн» (中庸. «Учение о середине»), входившие в «Четверокнижие» (四書), ставшее основой конфуцианского набора канонической литературы начиная от времени Чжу Си и вплоть до XX столетия².

В Корее средних веков и нового времени именно «Четверокнижие» было наиболее распространенным среди образованного сословия набором классической конфуцианской литературы³. Именно и прежде всего «Четверокнижие» наряду с «Пятью канонами» (五經) было основной дисциплиной при подготовке и сдаче государственных экзаменов на получение чиновничьей должности (과거, 科擧)⁴.

1. КАТЕГОРИЯ *СЯО/ХЁ* (孝) В КОНФУЦИАНСКИХ КАНОНАХ «ЛУНЬ ЮЙ» (論語), «МЭН-ЦЗЫ» (孟子), «ЧЖУН ЮН» (中庸)

«Лунь юй» («Беседы и суждения», 論語) – один из основополагающих канонов конфуцианства. Цель краткого обращения к основным положениям канона, связанным с категорией *сяо/хё* (孝), состоит в том, чтобы не просто познакомиться с отдельными местами памятника, отражающими категорию *сяо/хё* (孝), и сравнить их с содержанием «Канона сыновней почтительности» (孝經), но и на основе дальнейшего сравнения с

¹ Напоминаем, что здесь, как и везде в книге выражение «*сяо/хё*» употребляется в следующем значении: «...в данном фрагменте текста речь идет о китайской категории *сяо* (孝), но может также иметься в виду и корейская категория *хё* (孝), которая, хотя в целом аналогична китайской категории “сыновней почтительности”, может иметь свои отличия. Понятие *хё* (孝), несмотря на идентичность иероглифической записи слова, в корейском тексте в разные периоды времени могло восприниматься корейским читателем в рамках корейских особенностей категории “сыновней почтительности” или “почтительности к родителям”.

² Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 294.

³ Любопытно отметить, что одним из немногих видов «карманных ксилографических изданий», появившихся в Корее в новое время, было «популярное карманное издание» «Четверокнижия».

⁴ Хангук кёюкса [韓國教育史. «История образования в Корее»]. Сеул, 1995. С. 121.

корейскими текстами о служении родителям средних веков и нового времени попытаться лучше разобраться в *корейских* особенностях восприятия сущности этой категории культуры.

Несмотря на то что текст «Лунь юя» был составлен ранее текста «Канона сыновней почтительности» и является «более каноническим», можно говорить о меньшем влиянии «Лунь юя» на корейские средневековые тексты о морали и нравственности, чем, к примеру, «Сяо цзин».

Действительно, забегая вперед, можно сказать, что в корейских памятниках письменности средних веков и нового времени, посвященных «почтительности к родителям», практически не встречается параллельных мест с текстами из более ранних чем «Сяо цзин» (孝經) конфуцианских текстов, включая «Лунь юй». Кроме того, в *корейских* описаниях актов почтительности к родителям, даже в текстах стел, воздвигнутых в честь почтительных к родителям детей в начале XX столетия, можно обнаружить прямые указания на преемственность восприятия категории хё именно из трактата «Сяо цзин» – «Хёгён».

Например, текст стелы 1948 г. (в котором предположительно описываются события 1907 г.) о почтительной дочери и верной жене по фамилии Ким (金氏), проживавшей в области Ёкчи уезда Тхоньён (육지면, 통영군; 欲知面, 統營君) провинции Южная Кёнсан, начинается с фразы о том, что «мудрые государи древности управляли государством с помощью почтительности к родителям хё» (光王孝理國家)⁵.

«Канон сыновней почтительности» также начинается с фразы: «У прежних государей была Наивысшая Добродетель и Главный путь, которыми [они приводили к] послушанию Поднебесную» (先王有至德要道以順天下)⁶. И пример этот не исключение. Так, в стелах того же уезда Тхоньён можно обнаружить ряд других параллелей с текстом «Канона сыновней почтительности».

Кроме того, можно говорить о том, что на формирование корейских стереотипов поведения в рамках категории хё (孝) большое влияние оказали корейские «классические» трактаты о почтительности к родителям, как, например, трактат «Самган хэнсильдо» (三綱行實圖. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей»). Например, в начале текста стелы 1952 г. (в которой предположительно описываются события конца XIX в.) о почтительности к родителям некоего Кима из Кимхэ, есть прямые указания на такие примеры для подражания, описанные в «Самган хэнсиль-

⁵ Хёёльхэн чокпи нокчип [효열행적비록집, 孝烈行蹟碑錄集. «Собрание текстов стел в честь почтительных детей и верных жен»]. Уезд Ёнтхон, 1990. С. 191.

⁶ Синьёк «Хё гён». Сон Донхо ёкхэ [신역 孝經. 선동호 역해. «Трактат о почтительности к родителям» в новом переводе». Перев. и коммент. Сон Донхо]. Сеул, 1986. С. 12.

до», как доставание зимой рыбы Ван Сяном и молодых побегов бамбука Мэн Цзуном⁷.

В китайском классическом конфуцианском каноне «Лунь юй» категория «служения родителям» *сяо/хё* (孝) представлена в несколько ином ключе.

Основные положения о категории *сяо/хё* (孝) в каноне «Лунь юй» (論語). Современная отечественная востоковедная литература богата различными исследованиями, посвященными как конфуцианству в целом, так и непосредственно канону «Лунь юй». Наиболее известны и признаны переводы памятника на русский язык, выполненные Л. С. Переломовым и А. С. Мартыновым⁸. Поэтому в настоящей работе не будет уделяться особого внимания ни биографии самого Конфуция (551–479 г. до н.э.), ни научному анализу текста «Лунь юя», с которым можно познакомиться как в работах указанных авторов, так и в ряде других.

В отечественной востоковедной литературе вопрос отражения категории «почтительности к родителям» в конфуцианской классике специально, то есть в качестве *отдельной темы исследования*, не рассматривался. Однако в работах крупнейших отечественных китаеведов в рамках описания учения Конфуция в целом категория «почтительности к родителям», которую в китаеведении традиционно принято именовать сыновней почтительностью, естественно, так или иначе затрагивается.

Так, Л. С. Переломов считает, что концепция *сяо* (孝) была заимствована Конфуцием из тех норм поведения в общине, которые еще сохранялись в Китае во времена Конфуция. Основным смысл *сяо* (孝) Л. С. Переломов, основываясь на тексте «Лунь юя», определяет как «заботу о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях», следование Дао-Пути отца, проявление глубокого уважения и терпеливой любви к родителям. С другой стороны, Л. С. Переломов справедливо указывает на то, что «эта забота о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях, проходит красной нитью через все суждения Конфуция об идеальном обществе»⁹.

Здесь, прежде чем обратиться к другим отечественным определениям категории *сяо* (孝), следует отметить одну важную деталь: согласно трактату «Лунь юй», почтительность следует проявлять прежде всего *сыном* по отношению к *отцу*, в то время как более поздняя корейская тради-

⁷ Хеёльхэн чжокпи нокчип [효열행적비록집, 孝烈行蹟碑錄集. «Собрание текстов стел в честь почтительных детей и верных жен»]. Уезд Ёнтхон, 1990. С. 8.

⁸ См. подробнее: Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». М., 1998; Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй»: В 2 т. СПб., 2001.

⁹ Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». С. 164. О понятии «сяо» в учении Конфуция см. также: Переломов Л.С. 1) Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 215–217; 2) Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 83–84.

ция не менее важным объектом служения выделяет *мать*; кроме того, о родителях должен заботиться не только сын, но и *дочь, невестка*. Таким образом, в *корейском* восприятии категории «почтительности к родителям» *хё* (孝) важное положение в качестве объекта и субъекта служения отводится *женщине*.

А. С. Мартынов в двухтомном издании, посвященном проблеме конфуцианства, и прежде всего жизни и идейному наследию Конфуция, особо вопрос категории *сяо* (孝) в трактате «Лунь юй» не затрагивает.

В энциклопедическом словаре «Китайская философия» (автор статьи о *сяо* – китайский ученый Хуан Дэши) «категория конфуцианской *этики*» *сяо* (孝) рассматривается исключительно в паре с категорией «почтительности к старшему брату» *ти* (悌), при этом описание категории *сяо* применительно к древнему Китаю ограничивается определением этой категории как «сыновняя почтительность» и указанием на то, что она является «корнем гуманности *жэнь*»¹⁰ (仁). В этом указании можно заметить китайский подход к пониманию категории *сяо* (孝) как *части* более широкой категории «гуманности» *жэнь* (仁).

Рассмотрим для примера, каким образом понимает сущность категории *сяо* (孝), отраженную в трактате «Лунь юй», современный китайский ученый Линь Аньхун¹¹.

Всего в трактате «Лунь юй» насчитывают 28 фрагментов, так или иначе связанных с категорией «почтительности к родителям».

Линь Аньхун считает, что одна из основных проблем, обсуждаемых в трактате, – категория «гуманности–человеколюбия» *жэнь* (仁)¹². А категория «почтительности к родителям» *сяо* (孝) – это то, что *вытекает* из гуманности, то, что является лишь *одним из проявлений* гуманности. При этом в реализации гуманности *жэнь* важнейшими являются как раз почтительность к родителям и уважение – *цзин* (敬).

С другой стороны, и само понятие почтительности к родителям (孝) включает в себя такие «компоненты», как гуманность и любовь *ай* (愛), а также уважение и ритуал (правила поведения) *ли* (禮). В подтверждение последнего тезиса китайский ученый Линь Аньхун приводит следующее знаменитое высказывание Конфуция из второй главы (стих 7) «Лунь юя»:

¹⁰ Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 312.

¹¹ Здесь и далее информация о взглядах указанного автора почерпнута из текста корейского перевода его монографии: Лим Анхон. Юга-ый хёдо сасан [林安弘. 儒家의 孝道思想. «Линь Аньхун. Конфуцианские воззрения на почтительность к родителям»]. Сеул, 2002. С. 197–237.

¹² Перевод понятия «*жэнь*» как «гуманность», «человеколюбие» и т. п. также достаточно условный, а подход к пониманию этого термина не является единым в китаеведной среде (см., например: Караетьянц А.М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 14).

«Ныне, что касается почтительных к родителям, то так называют тех, кто в состоянии прокормить [родителей]. Но и для собак и лошадей все могут [найти] корм. Если не уважать [родителей], то разве есть различие [между почтительностью к родителям и кормлением животных]?» (今之孝者 是謂能養 至於犬馬 皆能有養 不敬 何以別呼)¹³.

Таким образом, в «почтительности к родителям», с точки зрения «Лунь юя», важнейшими оказываются морально-этический и нравственно-психологический аспекты поведения человека. Более того, по мнению Линь Анхуна, в «Лунь юе» именно гуманность *жэнь* является *основой* почтительности к родителям¹⁴. Любовь (愛), то есть искренне теплое отношение к родителям, является «движущей силой» «почтительности к родителям», уважение (敬) – «духом» почтительности к родителям, а ритуал (правила поведения – 禮) – практическим проявлением категории *сяо* (孝).

Далее, согласно содержанию канона «Беседы и суждения», Линь Анхун выделяет следующие основные моменты, *составляющие* «почти-тельность к родителям». Это – «забота о своем собственном теле и осторожность в поступках» (愛身謹行), «не выступление против вышестоящих и не создание смуты» (不犯上作亂), «любовь к родителям, уважение к родителям, кормление родителей» (愛親敬親養親), «служение родителям с помощью ритуалов» (以禮事親), «перенимание замыслов и сохранение Пути [родителей] (承意守道), «дружеские чувства старших братьев и уважение младших братьев [друг к другу в семье]» (兄友弟恭), «увещивание и совет [родителям при сохранении] покорности и деликатности» (微婉諫權), «сокрытие сыном [недостатков и ошибок] отца» (子爲不股), «совершение траурных церемоний с искренней скорбью, а церемоний кормления духов предков с подлинным уважением» (喪致哀 祭思敬).

При этом, согласно анализу Линь Анхуна, гуманность–человеколюбие *жэнь*, которым в идеале должен обладать каждый человек, как раз начинается с реализации «почтительности к родителям» (孝)¹⁵.

Кроме того, в тексте также прослеживается связь между категорией *сяо/хё* (孝) и вопросами управления государством. Связь эта не прямая, но опосредованная, устанавливается через соотнесение «почтительности к родителям» с категорией верности государю *чжун* (忠). Например, в главе второй «Лунь юя» – «Осуществлять правление» (爲政篇), есть высказывание следующего содержания: «Если быть почтительным к родителям и заботливым по отношению к нижестоящим, то тогда [естественным обра-

¹³ Чонбон «Нон о» чипчу [正本 論語 集註. «Ортодоксальный текст “Лунь юя” и собрание комментариев». Сеул, 1985. С. 19.

¹⁴ Лим Анхон. Юга-ый хёдо сасан. С. 201.

¹⁵ Там же. С. 225.

зом народ] станет верным [своим правителям]» (孝慈則忠) («Лунь юй», гл. 2 «Осуществлять управление», стих 20)¹⁶.

Однако *указанный тип связи* категорий «почтительности к родителям» и «верности государю» отличается от «классического» представления, зафиксированного в каноне «Сяо цзин». Несмотря на более позднее появление «Канона сыновней почтительности» в сравнении с «Беседами и суждениями» Конфуция, именно «модели» поведения, зафиксированные в «Сяо цзине», определяются как «классические». Это происходит по той причине, что в отношении категории «служения родителям» (孝) именно «формулы» «Сяо цзина» оказались воспринятыми в качестве образцовых и перешли во многие корейские тексты, посвященные категории *сяо/хё* (孝).

Говоря об основных «формулах» категории *сяо/хё* (孝), мы прежде всего имеем в виду высказывание из «Канона сыновней почтительности» из Первой («Канонической») главы, гласящее о том, что *сяо* начинается со служения родителям, переходит в служение государю и завершается установлением своего места в жизни. То есть, согласно «Сяо цзину», преданность государю *чжун* (忠) появляется не в *другом*, служащем мне человеке, потому что я сам почтителен к родителям, а появляется *во мне самом*, потому что через служение родителям я учусь служению государю.

Основные положения о категории *сяо/хё* в каноне «Мэн-цзы». Таким образом, классические представления трактата «Лунь юй», увязывающие категорию *сяо/хё* (孝) с понятием гуманности–человеко-любия *жэнь* (仁), оказываются далекими от *корейских* представлений о категории «служения родителям», отраженных в корейских классических исторических и нравоучительных трактатах XII–XIX вв., а также других официальных текстах (стелы) XIX–XX вв.

Традиционно автором трактата «Мэн-цзы» (孟子) считается древне-китайский конфуцианский мыслитель Мэн Кэ (372–289 гг. до н.э.), которого также звали Учитель Мэн, то есть Мэн-цзы.

В отечественном китаеведении конфуцианский трактат «Мэн-цзы» привлекал самое пристальное внимание исследователей еще в XIX столетии. Однако полный перевод трактата на русский язык, подготовленный знаменитым китаеведом В.С. Колоколовым в первой половине XX столетия, увидел свет только в 1999 г.¹⁷ При этом следует отметить, что специально вопрос отражения категории «почтительности к родителям» в ука-

¹⁶ Цит. по: Нон о. Тэ хак. Чун юн. [論語. 大學. 中庸. «Беседы и суждения. Учение о великом. Следование середине»]. Сеул, 1993. С. 21.

¹⁷ Мэн-цзы / Предисл. Л.Н. Меньшикова; перев. с кит., указатели В.С. Колоколова. СПб., 1999.

занном древнекитайском сочинении российскими востоковедами не изучался.

Китайские исследователи отмечают тот факт, что Мэн-цзы во многом перенял идеи Конфуция о «почтительности к родителям»¹⁸, также как и идеи служения родителям, отраженные в более ранних конфуцианских памятниках.

Всего в трактате «Мэн-цзы» насчитывают 28 высказываний, так или иначе связанных с категорией служения родителям *сяо/хэ* (孝)¹⁹.

В целом, если сравнивать трактат «Мэн-цзы» с более поздним и единственным *специальным* конфуцианским текстом о «почтительности к родителям» – «Канон сыновней почтительности» – «Сяо цзин» (孝經), можно сказать, что в «Сяо цзине» немало положений перекликается с содержанием трактата «Мэн-цзы».

Уже в первой главе памятника – «Лянский Ван Хуэй» (梁惠王章) – говорится о том, что категория «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝) напрямую связана с понятием обучения (教)²⁰. Первая глава «Комментариев» (傳) «Канона сыновней почтительности» также указывает на важность обучения народа (教民).

Однако Мэн-цзы не сразу обращается к подробному рассмотрению вопроса «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝). Лишь гл. 5 памятника – «Тэнский Вэнь-гун» (滕文公章) – открывает серию высказываний мыслителя об этой категории культуры. Подход к восприятию *сяо/хэ* (孝) в «Мэн-цзы» отличается от того, что мы можем обнаружить в трактате «Лунь юй», и более близок по духу к трактату «Чжун юн» (中庸) – «Следование середине», о котором речь впереди.

Трактат «Мэн-цзы» *начинает* серию высказываний о «почтительности к родителям» с сопоставления служения родителям при жизни и после смерти. Самому Мэн-цзы принадлежат слова о том, что каждый человек должен сам оплакивать своих родителей. В продолжение этих слов Мэн-цзы приводит слова ученика Конфуция Цзэн-цзы, на суждениях которого и построен «Канон сыновней почтительности» (孝經): «Почтительным к родителям можно назвать того, кто при жизни служит им в соответствии с ритуалом, после смерти совершает похороны в соответствии с ритуалом и совершает церемонию кормления духов предков также в соответствии с ритуалом». Далее Цзэн-цзы говорит о возможном различии требований к исполнению «почтительности к родителям» в зависимости от социальной

¹⁸ Лим Анхон. Юга-ый хёдо сасан. С. 347.

¹⁹ Там же. С. 306.

²⁰ Вонбон хэсоль Мэн-чжа [原本 解説 孟子. «Оригинальный текст и комментарий к [трактату] “Мэн-цзы”»]. Сеул, 1992. С. 28.

принадлежности – то есть для правителей и для простолюдинов *сяо/хэ* (孝) может быть различным (曾子曰 生事之以禮 死葬之以禮 祭之以禮 可謂孝矣. 諸侯之禮 吾未之學也)²¹.

Следует заметить, что к настоящему времени доступная отечественная китаеведная литература, посвященная трактату «Мэн-цзы», не в достаточной мере достоверна. Так, в указанном выше переводе из «Мэн-цзы» на русский язык, принадлежащем перу В. С. Колоколова, текст о *сяо* представляется следующим образом: «Называть почтительным сыном можно лишь того, кто при жизни родителей служит им по правилам учтивости, а когда они умрут, хоронит и поминает их жертвоприношениями по тем же правилам»²².

В принципе перевод В. С. Колоколова не особо отличается от предложенного автором настоящей работы за исключением одного важного момента. В переводе В. С. Колоколова рассматриваемая фраза приписывается Мэн-цзы, в то время как в тексте оригинала она исходит из уст Цзэн-цзы, что представляется более правильным и логичным, поскольку именно Цзэн-цзы занимался вопросом *различия* в исполнении категории *сяо/хэ* (孝) для разных социальных слоев и вопросом «посмертного служения» родителям.

В трактате «Мэн-цзы», так же как и в «Сяо цзине», намечается линия соотношения категории «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝) с категорией преданности государю *чжун/чхун* (忠), правители именуются «родителями» для народа (爲民父母 使民...)²³. Таким образом, семейные отношения и служение родителям соотносятся с государством и служением правителю.

Подобная связь между почитанием родителей и правильным поведением на уровне государства подчеркивается в трактате «Мэн-цзы» неоднократно. Так, например, в главе «Тэнский Вэнь-гун. Часть 2» (騰文公章句下) говорится о том, что добродетельный человек, заботящийся о справедливости, в семье проявляет почтительность к родителям (孝), а в обществе – чувство братской любви (悌).

Особая роль «посмертного служения» родителям, «жертвоприношений» (祭), то есть церемоний кормления духов предков, также особо выделяется Мэн-цзы как один из важнейших актов проявления почтительности к родителям. Например, в главе «Ли Лоу, часть 2» (離婁章句下) сказано, что служение живущим [родителям] не такое большое дело, как

²¹ Там же. С. 105.

²² Мэн-цзы. С. 74.

²³ Вонбон хэсоль Мэн-чжа. С. 110.

служение (проводы) умершим (孟子曰 養生者 不足以當大事 惟送死 可以當大事)²⁴.

С другой стороны, есть в тексте трактата «Мэн-цзы» и фрагменты, перекликающиеся по содержанию с текстом «Бесед и суждений» (論語) Конфуция, в частности положение о том, что «почтительность к родителям» сяо/хё (孝) – составная часть такой важной категории культуры, как «гуманность–человеколюбие»: «Мэн-цзы говорил: сущность гуманности в служении родителям» (孟子曰 仁之實 事親 是也)²⁵.

Трактат «Мэн-цзы» отличается от других конфуцианских трактатов, так или иначе касающихся проблем «почтительности к родителям» сяо/хё (孝), еще и тем, что в нем особо описываются проявления *непочтительности к родителям* (不孝).

Так, в главе «Ли Лоу. Часть 1» (離婁章句上) сказано, что худшее проявление непочтительности к родителям – неимение потомства (不孝有三 無後爲大)²⁶.

В той же главе, в ее второй части, перечисляются «пять случаев непочтительности к родителям», из которых три – по тем или иным причинам – некормление своих родителей, другие два случая – недостойное поведение детей, оказывающее негативное воздействие на репутацию родителей, и небрежное отношение к своему телу, проявляющееся в чрезмерном увлечении детей «драками и озорством», которое может навредить телу детей и тем самым поставить родителей в весьма «опасное» положение (好勇鬪狠²⁷ 以危父母)²⁸.

Приведенные высказывания раскрывают глубинное содержание категории «служения родителям» сяо/хё (孝), отраженное в трактате «Мэн-цзы»: *истинная почтительность к родителям состоит в приложении усилий к продлению жизни родителей. Это достигается несколькими способами: 1) кормление родителей в старости, забота об их здоровье (для чего требуется здоровье и процветание детей); 2) забота о физическом «продлении» жизни родителей через здоровье детей и рождение внуков; 3) забота о посмертной жизни родителей через кормление духов ушедших из жизни родителей (достойные похороны и оплакивание родителей могут быть связаны с «процессом» перехода в «потустороннее существование» родителей).*

²⁴ Там же. С. 179.

²⁵ Там же. С. 171.

²⁶ Там же.

²⁷ Здесь вместо «ключа» «сердце» 心 должен писаться «ключ» «хромать»; иероглиф с указанным «ключом» отсутствует в программе иероглифической поддержки корейского языка компании «Майкрософт».

²⁸ Вонбон хэсоль Мэн-чжа. Сеул, 1992. С. 192.

В целом можно говорить о том, что, с одной стороны, положения «Мэн-цзы» развивают представление о «почтительности к родителям», отраженное в каноне «Лунь юй». С другой стороны, положения трактата, связанные с категорией «почтительности к родителям», перекликаются с содержанием другого конфуцианского классического сочинения – «Следования середине» (中庸).

Основные положения о категории сяо/хэ в каноне «Чжун юн». Когда в научной литературе описывают особенности отражения категории «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝) в конфуцианской канонической литературе, то к каноническому трактату «Чжун юн» (中庸) обращаются не так часто.

С другой стороны, как показывают корейские материалы, демонстрирующие связь представления о служении родителям с культом предков, а точнее – с верованиями в загробную жизнь предков, имеющих возможность оказывать воздействие на жизнь потомков в течение нескольких поколений, а также с традицией кормления духов предков («жертвоприношений» 祭祀), именно трактат «Чжун юн» оказывается наиболее близким по духу и содержанию к корейскому представлению о категории хэ (孝).

Также в «Следовании середине» есть фрагменты текста, указывающие на связь «почтительности к родителям» с управлением государством, а точнее, на то, что *сяо/хэ* (孝) – это и есть *способ управления* страной. В этом трактат «Чжун юн» также перекликается по содержанию с «Канонном сыновней почтительности».

Об истории создания трактата «Чжун юн». В отечественном Китае трактат «Следование середине» издавна привлекал к себе внимание ученых. Начиная с XVIII столетия русские ученые Я. Волков, Н. Я. Бичурин, Д. П. Сивиллов, А. Л. Леонтьев, Д. П. Конисси занимались переводом и публикацией памятника на русский язык²⁹. В России XX столетия переводом и исследованием памятника занимались В. Г. Буров, В. Б. Югай, А. Е. Лукьянов. Поэтому нет особой необходимости в подробном рассмотрении истории создания памятника, с которой читатель всегда сможет познакомиться в работах указанных авторов³⁰. Обратим внимание только на самые основные моменты в истории создания «Чжун

²⁹ Лукьянов А.Е. «Чжун юн»: конфуцианское Следование середине // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. М., 2003. С. 97.

³⁰ Поскольку наиболее доступны для читателя работы, изданные недавно, рекомендуем обратиться к последнему изданию, посвященному трактату «Чжун юн»: «Конфуцианский трактат “Чжун юн”». Переводы и исследования. М., 2003. Здесь читатель сможет найти не только *четыре* варианта перевода текста памятника на русский язык, но и ряд статей В.Б. Югая и А.Е. Лукьянова, посвященных «Чжун юну».

юна», важные для понимания особенностей классического конфуцианского подхода к категории сяо/хё (孝).

Конфуцианская традиция приписывает авторство текста «Чжун юна» внуку Конфуция Цзы Сы (子思, 483–402 г. до н.э.), учителем которого был один из ближайших учеников Конфуция – Цзэн-цзы (曾子, 505–436 гг. до н.э.)³¹.

Поскольку текст канона «Сяо цзин» (孝經) построен именно на диалогах с Цзэн-цзы, то можно предположить, что «Чжун юн» *по содержанию* является *более поздним*, чем «Канон сыновней почтительности» (ниже это утверждение будет проиллюстрировано сравнением содержания соответствующих фрагментов).

Однако в российской китаеведческой литературе «Следование середине» определяют как трактат, дополняющий и развивающий положения «Лунь юя»³². Содержание «Чжун юн» оценивают как отражающее картину конфуцианской космогонии, определяющей природу человека. Кроме того, особо выделяется аспект самосовершенствования и управления людьми (то есть правления государством).

К настоящему времени насчитывается несколько версий текста «Чжун юна». Кроме того, существует точка зрения, утверждающая, что текст трактата формировался длительное время и окончательно сложился лишь к эпохе Ранняя Хань (206 г. до н.э. – 7 г. н.э.)³³.

В истории создания и распространения памятника особенно важно отметить, что его текст вошел в состав другого канонического китайского конфуцианского произведения – «Ли цзи» (禮記. «Записей о ритуалах»), текст которого формировался приблизительно в начале эпохи Ранняя Хань³⁴.

Считается, что подобное двойное определение текста «Чжун юн» как канонического указывало на особую значимость этого памятника для конфуцианцев³⁵.

Некоторые особенности представления категории сяо/хё (孝) и возможная корейская трактовка текста. В тексте «Следования середине» (中庸) встречается немало фрагментов, посвященных «почтительности к родителям» (孝).

³¹ Лукьянов А.Е. «Чжун юн»: конфуцианское Следование середине. С. 96.

³² Там же. С. 97.

³³ Югай В.В. «Чжун юн»: текст в традиции // Конфуцианский трактат «Чжун юн»... С. 180–181.

³⁴ Синьёк «Е ги» [新譯 禮記. «Заново переведенные “Записи о ритуалах”»]. Сеул, Хынсин мунхваса, 1992. С. 3.

³⁵ Югай В.В. «Чжун юн»: текст в традиции. С. 184.

Как правило, современные российские исследователи, рассматривая содержание текста трактата «Чжун юн», специально не выделяют категорию «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝), воспринимая ее как бы «подчиненной» другим, более «значимым» конфуцианским категориям, таким как, например, гуманность—человеколюбие *жэнь* (仁).

Прежде чем предложить *собственную авторскую* интерпретацию того, *каким образом* трактат «Чжун юн» представляет категорию «почтительности к родителям» *сяо/хэ* (孝), познакомимся с одной из современных российских точек зрения на вопрос об отражении категории «почтительности» к родителям в трактате «Следование середине», представленной в статье А. Е. Лукьянова, на которую выше уже приводились ссылки.

Согласно А. Е. Лукьянову, в «Чжун юне» рассматривается проблема человека и «человеколюбия» (с. 140)³⁶. При этом А. Е. Лукьянов выделяет пять «типологических черт конфуцианского субъекта», «третью» из которых называет «человеколюбием (*жэнь*)», которое коренится в отношениях родителей и старших братьев. В доказательство этого высказывания А. Е. Лукьянов ссылается на... текст «Бесед и суждений», отождествляя содержание этого памятника со «Следованием середине» (с. 154). При этом понятие *сяо-ти* (孝悌) нередко переводится как почитание³⁷ родителей и старших братьев.

Однако основная часть текста, описывающего категорию «почтительности к родителям», раскрывается А. В. Лукьяновым в его статье в разделе «Самосовершенствование и управление людьми» (с. 154–166), что представляется весьма важным и показательным. *Прежде всего* А. Е. Лукьянов указывает на гл. 19 «Чжун юна», в которой говорится об образцовой «почтительности к родителям» знаменитого китайского государя древности У-вана и его младшего брата Чжоу-гуна, которые искусно следовали воле людей, живших прежде, продолжали дела людей, живших прежде, и всем этим, а также правильным исполнением различных ритуалов жертвоприношений могли успешно управлять государством (с. 156).

Большинство остальных рассуждений А. Е. Лукьянова о категории *сяо* (孝) построены на общих представлениях о конфуцианстве *в целом*. В частности, в описании почтительности к родителям и почитания старших братьев (孝悌) основным источником цитирования служит канон «Лунь юй» (с. 97, 159).

³⁶ Здесь и далее в скобках указаны номера страниц из статьи: Лукьянов А.В. «Чжун юн»: конфуцианское Следование середине.

³⁷ Обратим внимание, что, говоря о *сяо* (孝), А.В. Лукьянов определяет отношение к родителям не как *служение* (корейский подход), а только лишь как *почитание*.

Думается, изложение особенностей представления о категории почтительности к родителям в трактате «Чжун юн» следовало бы начинать с обращения к гл. 16 «Учения о середине». Приведем ее содержание полностью.

Учитель сказал:

Духи небесные и земные (鬼神) добродетельны, они великолепны! Наблюдаешь их и не в состоянии увидеть. [Они] наполняют [все] материальные тела и невозможно покинуть [их]. [Они] заставляют людей Поднебесной [быть] в равновесии и просветленными, [одевать] роскошные одежды, чтобы удостоиться [чести] совершать [для них] церемонии кормления духов (祭祀). Безбрежно [их присутствие]! Словно [они] существуют над тобой, словно они существуют слева и справа от тебя.

Рассуждения о почтительности к родителям предваряются высказыванием о мире духов, о его безграничности, о том, что духи изначально положительны, воздействуют на жизнь живущих на этой земле и нуждаются в кормлении, осуществляемом через соответствующие церемонии.

О каких духах идет речь в гл. 16 текста «Чжун юн»? В русском переводе «Чжун юна», выполненном Д. П. Конисси (1895), термин *гуйшэнь* (鬼神) трактуется в значении «духовное существо», которое «есть обнаружение вселенной и знак промысления»³⁸. В опубликованных русских переводах В. Г. Букова³⁹, А. Е. Лукьянова⁴⁰ никаких особых комментариев к указанному термину нет.

Однако же в переводе А. Е. Лукьянова понятие *гуйшэнь* (鬼神) понимается, пожалуй, наиболее широко и, на наш взгляд, ближе к истине: «духи и души». Для выяснения, какой смысл мог быть заложен в термин *гуйшэнь* (鬼神), было бы логичным обратиться к китайским текстам периода создания трактата.

Однако целью настоящей работы является не изучение *древнекитайской* культуры, но рассмотрение *корейского* восприятия категории «служения родителям» (孝). В этой связи логично предположить, что при чтении «Чжун юна» в Корее некоторые специфические термины, употребляющиеся в трактате, могли восприниматься с точки зрения *современных корейскому читателю* категорий культуры.

Действительно, в современном корейском языке есть слово *квисин*, которое изначально передавалось на письме теми же иероглифами, что и

³⁸ Середина и постоянство / Перев. Д.П. Конисси // Конфуцианский трактат «Чжун юн». С. 6–28.

³⁹ Следование середине / Перев. В.Г. Букова // Там же. С. 29–47.

⁴⁰ Следование середине / Перев. А.Е. Лукьянова // Там же. С. 48–69.

понятие *гуйшэнь* (鬼神). *Квисин* по-корейски означает... «душа умершего» (это – первое значение слова!); «нечистая сила»; «дух, вселившийся в вещь»; «святой дух»; «талант», «дарование»⁴¹.

В южнокорейских переводах слово *квисин* (鬼神) обычно оставляется без особых комментариев, поскольку, как уже говорилось выше, это слово существует в современном корейском языке. Однако иногда слово *квисин* (鬼神) в комментариях к «Чжун юну» может трактоваться в значении *чхончжи синмён* (천지신명, 天地神明), что значит «свет духов Неба и Земли»⁴².

Таким образом, согласно *корейским* представлениям о том, что такое *гуйшэнь* (鬼神) / *квисин* (鬼神), получается, что «духи» – это прежде всего души/духи умерших предков, а также всевозможные бесчисленные духи, населяющие вселенную – Небо и Землю, и изначально эти духи несут в себе доброе начало, хотя могут быть и злыми.

В этой связи любопытно отметить, что в современной южнокорейской религии *чынсандо*⁴³ особое значение придается именно теории посмертного существования «человека» в форме бестелесного духа, где эти души/духи людей как раз именуются термином *квисин* (鬼神). С точки зрения *чынсандо*, *кви* (귀, 鬼) – это та часть «посмертной души», которая после смерти человека отправляется в землю, а *син* (신, 神) – часть, отправляющаяся на Небеса⁴⁴. При этом духи *син* (신, 神) имеют непосредственную связь с живущими родственниками в течение как минимум четырех поколений. Для того чтобы дух предка *син* (신, 神) был добрым, требуется, чтобы потомки постоянно «подкармливали его», совершая церемонии кормления духов предков *чеса* (제사, 祭祀) (см. с. 33–39).

Таким образом, по крайней мере для корейца эпохи Чосон (1392–1897 гг.), с понятием духов *квисин* (鬼神) ассоциировались именно духи предков; в гл. 16 «Чжун юна» понятие «жертвоприношений» или «кормления духов» как раз передается термином *цзисы* (祭祀), который в корейской культуре последних столетий ассоциируется главным образом с церемонией кормления духов *предков*.

⁴¹ Большой корейско-русский словарь. М., 1976. Т. 1. С. 210.

⁴² Нон о. Тэ хак. Чун юн. С. 274.

⁴³ Подробнее о религии *чынсандо* см.: Курбанов С.О. Корейская религия чынсандо: Краткое изложение основных идейных положений. Личные впечатления: (Опыт многостороннего описания объекта) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб., 2005. С. 216–239.

⁴⁴ Ан Чжонгён. Ханминчжок-ква чынсандо [(안 전경. 한민족과 증산도. «Корейская нация и чынсандо»]. Сеул, 1989. С. 89.

Такой подход к пониманию того, что есть *духи* (*гуйшэнь* (鬼神)), складывается в следующее представление о категории «служения родителям» *сяо/хэ* (孝).

Весь мир наполнен всевозможными духами, важнейшими из которых являются духи предков. По своей природе духи (духи предков) добродетельны. Духи всемогущи, и люди, соблюдая торжественный ритуал, совершают церемонии подношения духам даров (祭祀) (гл. 16).

Великий китайский император древности Шунь проявлял «великую почтительность к родителям» (大孝). Его потомки в Храме предков государей (宗廟) устраивали пышные церемонии [потому что велик по силе был дух императора Шуня (которому, по указанной причине, нельзя было не поклоняться)] (гл. 17).

Китайские государи Вэнь-ван и У-ван также были почтительными сыновьями [поскольку смогли унаследовать и взрастить дело отцов и дедов], и их потомки также совершали церемонии в Храме предков государей [так как велика была сила духов Вэнь-вана и У-вана].

Для того чтобы отношения между миром людей и миром духов предков были гармоничными, младший брат У-вана, «сановный муж» Чжоу-гун ввел в Китае всеобщие «жертвоприношения», то есть церемонию кормления духов предков не только государей, но и «владельцев князей» – гунов, местных князей чжухоу, сановников и даже простолюдинов. Тогда же был введен траур по Сыну Неба (правителю Поднебесной), князьям и по родителям.

[Так были установлены основы отношений служения родителям – *сяо*, построенные на представлениях о духах предков и необходимости их кормления] (гл. 18).

У-ван, обладавший умением наследовать и продолжать дела предков, и Чжоу-гун, который ввел универсальную традицию кормления духов предков (祭), обладали истинной почтительностью к родителям (孝).

Истинная почтительность к родителям состоит в том, чтобы унаследовать «престол предков», исполнять их ритуалы, почитать и уважать все то, что уважали предки, служить мертвым предкам так, как служат живым [поскольку духи умерших предков реальны и «находятся повсюду»].

Служение преждевременным (то есть умершим) состоит в исполнении ритуала кормления духов предков (祀).

И все это позволяет управлять страной (гл. 19).

Таким образом, согласно трактату «Следование середине», «почтительность к родителям» *сяо* (孝) непосредственно связана с представлением о посмертной жизни духов предков, вытекает из этого представления и основывается на нем.

Важнейшей составной частью служения родителям в рамках категории *сяо* является исполнение комплекса посмертных церемоний и ритуалов в отношении предков.

Построенная на культе предков категория *сяо* позволяет управлять страной.

Какой-либо явной, прямой связи с *личными качествами* совершенного мужа *цзюнь-цзы*, с точки зрения трактата «Чжун юн», категория «служения родителям» *сяо* 孝 не имеет.

Представленный подход к пониманию *первооснов* категории «почтительности к родителям» трактата «Следование середине» близок по духу к современной корейской культуре почитания предков и во многом соотносится с корейскими представлениями о категории «почтительности к родителям» *сяо/хё* (孝) периода нового времени.

Однако главное в понимании категории «служения родителям» *сяо/хё* (孝), с точки зрения трактата «Следование середине», – представление о том, что эта категория *основывается* на представлении о посмертной жизни духов предков и выстроенном на нем ритуале служения предкам⁴⁵.

То, что рассмотренная китайская конфуцианская классика в известной степени может считаться частью *традиционной корейской культуры*, доказывается тем, что в средние века сами корейцы составляли компиляции из фрагментов конфуцианских канонических сочинений, давая этим *авторским* компиляциям самостоятельные названия.

Пример таких сочинений – трактат «Нэхун» (내훈, 內訓. «Внутренние наставления»), составленный королевой Сохе (소혜, 昭惠; 1437–1504) в 1475 г. Он предназначался для женщин высших сословий Кореи. Однако еще более наглядным и важным с точки зрения изучения корейских «теоретических основ» категории «сыновней почтительности» является трактат XIII в. (исправленный и дополненный в XIX столетии) – «Мёнсим богам» (명심보감, 明心寶鑑. «Драгоценное зеркало просветленного сердца»).

⁴⁵ Известный отечественный китаевед Л.С. Васильев также увязывает категорию «сыновней почтительности» с культом предков и справедливо считает, что в «сяо Конфуций видел важный элемент управления людьми» (Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989. С. 65). В известной книге В.Я. Сидихменова «Китай. Страницы прошлого» категория «почтительности к родителям» *сяо* также истолковывается не просто как одна из норм семейных отношений, но как универсальный принцип управления государством. «Одно из конфуцианских поучений гласит: “Государство управляется через сыновнюю почтительность”». Также в книге В.Я. Сидихменова приводится очень важное замечание о *различии содержания* категории *сяо* (孝) для разных социальных слоев и дается важное указание на китайское представление о государе (и даже чиновниках) как об «отце и матери народа»; (Сидихменов В.Я. Китай. Страницы прошлого. М., 1987. С. 142).

2. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКОМ КОНФУЦИАНСКОМ ПАМЯТНИКЕ «МЁНСИМ БОГАМ» (明心寶鑑)

Конфуцианский⁴⁶ трактат «Мёнсим богам» (명심보감, 明心寶鑑. «Драгоценное зеркало просветленного сердца»), созданный в конце XIII в., в эпоху Корё (918–1392), также был одним из наиболее читаемых *теоретико-дидактических* текстов Кореи последующего периода Чосон (1392–1897), поскольку входил в перечень книг, обязательных в то время для изучения в начальной школе. Поэтому рассмотрение того, *каким образом* категория «почтительности к родителям» хё отражена именно в этом памятнике, также важно для понимания особенностей представлений об этой категории культуры в Корее средних веков и нового времени.

О различных версиях текста памятника. В настоящее время насчитывается по меньшей мере *две редакции* текста памятника, четко *не различаемые* в современной южнокорейской историографии⁴⁷.

Большинство современных южнокорейских справочных изданий, а также большинство современных переизданий текста памятника указывают на *основной* текст, составленный на рубеже XIII–XIV вв. корёским ученым и политическим деятелем по имени Чху Чжок (추 적, 秋適)⁴⁸.

Кроме того, в современной Южной Корее можно встретить отличную от наиболее распространенного (основного) текста «Мёнсим богам» еще одну версию текста памятника. Формально эта *поздняя*⁴⁹ версия трактата имеет то же название, что и *основная*. Однако ее содержание несколько иное. В отличие от основного текста, в котором все цитаты, составляющие корпус сочинения, взяты из китайских классических конфуцианских работ, в позднем тексте к каждой из 19-ти глав «оригинального» сочинения добавлены цитаты из работ 18-ти (!) *корейских* мыслителей, живших в XV–XIX вв.: от Чо Гванчжо (조 광조, 趙 光祖; 1482–1519) до Ли Ханно (이 항로, 李 恒老; 1792–1868). Причем в числе авторов высказываний поздней редакции памятника присутствуют знаменитые корейские мыслители Ли Хван (이 환, 李 滉 1501–1570), Ли И (이 이, 李 珥 1536–1584), Чон Ягён (정 약용, 丁 若鏞, 1762–1836), такие выдающиеся исто-

⁴⁶ Трактат конфуцианский, прежде всего по той причине, что бóльшая часть его текста почерпнута из сочинений китайских и корейских *конфуцианских* мыслителей.

⁴⁷ К сожалению, не удалось познакомиться с описанием рассматриваемого памятника в северокорейской историографии.

⁴⁸ Чхончжамун. Мёнсим богам [千子文, 明心寶鑑]. Сеул, 1990; Мёнсим богам. Хёгён. Комун чинбо [明心寶鑑, 孝經, 古文 眞寶]. Сеул, 1996.

⁴⁹ Чху Чжок. Мёнсим богам [秋適. 명심보감]. Сеул, 1995.

рические личности как флотоводец Ли Сунсин (이순신, 李舜臣 1545–1598), государь Сончжо (선조, 宣祖 1552–1608).

Одно из *неофициальных* названий поздней (второй) редакции памятника – «Кугъёк чынбо Мёнсим богам» (국역 증보 명심보감, 國譯 增補 明心寶鑑), что значит «Переведенное на корейский язык и дополненное “Драгоценное зеркало просветленного сердца”»⁵⁰. Учитывая, что наиболее поздние по происхождению высказывания принадлежат корейскому мыслителю Ли Ханно, жившему в конце XVIII – второй трети XIX в., можно предположить, что окончательно текст «Дополненного “Драгоценного зеркала сердца”» оформился к середине – второй трети XIX столетия.

О биографии составителя «Мёнсим Богам» Чху Чжюка. По поводу биографии, годов жизни Чху Чжюка в корейской историографии также нет единства мнений. Так, в «Энциклопедии корейской национальной культуры» сказано, что годы жизни ученого неизвестны, в то время как на суперобложке одного из современных переизданий текста «Мёнсим богам» говорится о том, что Чху Чжюк жил с 1246 по 1317 г.⁵¹

В 1260 г. Чху Чжюк успешно сдал государственные экзамены на получение должности гражданского чиновника. На протяжении своей карьеры Чху Чжюк занимал ряд высоких государственных постов. Однако не все в его жизни было гладко, за несогласие с политикой изменения статуса его родной области одно время он находился в тюремном заключении. В конце своей служебной карьеры занимался вопросами конфуцианского воспитания, в частности составлением нравоучительных трактатов.

Относительно последнего периода жизни Чху Чжюка также существуют различные точки зрения. Так, в осуществленном университетом Сонгюнгван переиздании трактата «Мёнсим богам» сказано, что в конце своей карьеры Чху Чжюк дослужился до высокой придворной должности *мунха сичжун* (門下侍中)⁵², аналогичной должности премьер-министра⁵³.

Особенности описания в трактате категории «почтительности к родителям». В трактате «Мёнсим богам» категория «почтительности к родителям» хё описывается в гл. 4 «Хёхэн» (孝行) – «Акты почтительности к родителям». То, что вопрос «почтительности к родителям» стоит одним из первых (всего в трактате 19 глав), указывает на особое значение, которое составитель трактата уделял этой категории культуры.

⁵⁰ Там же (текст колонтитула).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Ури малъ кхын сачжон [우리말 큰 사전. «Большой словарь корейского языка»]. Сеул, 1992. Т. 1. С. 1506).

Текст главы состоит из семи высказываний, заимствованных из работ китайских конфуцианских классиков и одного корейского высказывания, завершающего, принадлежащего кисти знаменитого корейского мыслителя XVI в. Ли Хвана (이황-李滉; литературный псевдоним Тхвеге (퇴계-退溪); годы жизни 1501–1570).

Авторство семи китайских высказываний можно определить следующим образом. Первое заимствовано из китайского классического «Канона стихов»⁵⁴, к которому обращаются многие конфуцианские классические сочинения; два высказывания принадлежат Конфуцию. Предположительно автор двух других высказываний Цзян Тайгун – древнекитайский политик эпохи Чжоу. Текст рассматриваемой главы представляет также по одному изречению ученика Конфуция Цзэн-цзы («главного» ученика Конфуция в сфере категории *сяо*) и Ло Чжунсу (1072–1135) – китайского политика эпохи Южная Сун.

Несмотря на то что в названии четвертой главы трактата «Мёнсим богам» обозначены *акты* почтительности к родителям, на самом деле в ней речь идет более о «теории» почтительности к родителям, нежели о практике исполнения норм.

Гл. 4 начинается с высказывания из древнекитайского «Канона стихов» – «Ши цзин» (詩經).

В «Каноне стихов» сказано: «Отец родил меня! Мать вскормила меня!

Дорогие отец и мать, потратившие столько сил и труда, чтобы дать мне жизнь! Хочу воздать за вашу добродетель, и нет конца этому воздаянию, подобно бесконечности Неба!»⁵⁵

Высказывание задает основную тематическую направленность всей главе: категория *сяо/хэ не есть* некая универсальная «всепроникающая» категория, на основе которой строятся отношения как в обществе и государстве в целом, так и в семье в частности (концепция канона «Сяо цзин»), но *всего лишь* категория культуры, регулирующая отношения между детьми и родителями. Иными словами, *хэ* (孝) – это *однонаправленная* категория, имеющая целью воздаяние родителям за их труд по рождению и воспитанию ребенка.

⁵⁴ «Канон стихов» (другой вариант перевода названия памятника – «Книга песен») – «Ши цзин» – самое раннее поэтическое собрание китайской древности, состоит из 305 произведений.

⁵⁵ Чжу Чжюань. Мёнсим богам. С. 29.

Следующее высказывание Конфуция, очевидно, заимствованное из «Канона сыновней почтительности»⁵⁶, продолжает развитие основной мысли, заданной цитатой из «Канона стихов»: почтительные дети должны не просто *формально* воздавать родителям за данную ими жизнь, но делать это искренне, от всей души.

Конфуций сказал: «Служение родителям почтительного сына таково, что, если живет вместе с родителями, то безгранично его уважение к родителям. Если заботится о родителях, то безгранична его радость оттого, что заботится. Если болеют родители, то безгранично его беспокойство о родителях. Если находится в трауре по родителям, то безгранична его скорбь по ним. Если совершает церемонии кормления духов умерших родителей, то безгранична его строгость и величественность в совершении ритуалов».⁵⁷

В трактате «Мёнсим богам» специально не описываются *способы* служения родителям, за исключением одного раза, когда через второе высказывание Конфуция всем детям дается указание: реально возможно служить родителям только в том случае, если быть от них недалеко.

Конфуций сказал: «Пока отец и мать живы, не следует уходить далеко от дома. А если уж уходить, то нужно иметь четкое направление» («Лунь юй», гл. 4 «Ли жэнь» – «Принцип гуманности» (理仁), стих 19).

Изложение «принципов исполнения» категории служения родителям *сяо/хё* в трактате «Драгоценное зеркало просветленного сердца» выглядит очень логичным. Сначала констатируется необходимость исполнения актов служения родителям, указывается на то, *какими* должны быть эти акты. Далее вполне логично указывается на *причину* того, почему, собственно, необходимо служить родителям. Указание исходит из уст китайского политика эпохи Чжоу – Цзянь Тайгуна.

Чжоуский Цзянь Тайгун сказал: «Если сам почтителен по отношению к своим родителям, то и сын будет почтителен к тебе. Если сам не почтителен к своим родителям, то как же сын может быть почтительным к тебе?»

⁵⁶ В тексте «Мёнсим богам» нет прямого указания на заимствование из «Канона сыновней почтительности», однако фраза совпадает текстуально с соответствующим фрагментом из китайского памятника, (традиционно в дальневосточных текстах не приводятся ссылки на источник цитирования, поскольку считалось, что всякий образованный человек должен хорошо знать классические тексты и определять источник цитирования самостоятельно).

⁵⁷ Там же. С. 29–30. См. также: Хёгён. Сон Донхо ёкхэ [孝經. 성동호 譯解. «Канон сыновней почтительности». Комментарий и перевод Сон Донхо]. Сеул, 1986. С. 111 (гл. 13 «Предписания почтительного отношения к родителям (紀孝行章)»).

«Почтительный и послушный сын также рождает почтительного и послушного сына.

Совершающий пять видов непослушания родителям⁵⁸ также рождает сына, совершающего пять видов непослушания.

Если не веришь этому, то посмотри на воду, стекающую с кончика карниза: капля за каплей, капля за каплей – и нет различия в том, как они падают вниз».

Иными словами, трактат «Мёньсим богам» справедливо указывает на то, что всякий человек рано или поздно состарится, так что ему уже будет трудно самостоятельно позаботиться о себе. Однако же никто, кроме собственных детей, не станет по-настоящему заботиться о престарелом человеке. Но для того чтобы *дети* заботились о родителях, сами родители, в свою очередь, прежде должны показать своим детям пример заботы о собственных родителях.

Однако родители бывают всякими (ибо их не выбирают), не только любящими и добрыми, но строгими и даже злыми или несправедливыми. Что же делать в этом случае? Следует ли исполнять почтительность к родителям по отношению к «дурным» родителям?

На этот счет трактат «Мёньсим богам» устами одного из ближайших учеников Конфуция – Цзэн-цзы – говорит следующее.

Цзэн-цзы сказал: «Если отец и мать любят тебя, радуйся этому, но не забывай их любви.

Если отец и мать злятся на тебя, будь робок, но не держи на них зла.

Если отец и мать совершают ошибку, увещивай их, но не иди наперекор».

Устами китайского политика эпохи Южная Сун – Ло Чжунсу⁵⁹, памятник «Мёньсим богам» развивает мысль о необходимости служить «всяким» родителям. Родители только кажутся «дурными». На самом деле не бывает «дурных» родителей; просто для понимания этой истины требуется опыт и время.

Ло Чжунсу сказал: «В Поднебесной нет “неправильных” родителей.

Нужно вырастить собственного ребенка, и лишь тогда поймешь, что значит родительская любовь».

Глава «Акты почтительности к родителям» завершается высказыванием корейского мыслителя Ли Хвана:

⁵⁸ Пять видов непослушания: непослушание государю, отцу, матери, деду или бабке.

⁵⁹ Ло Чжунсу (1072–1135) – китайский конфуцианский ученый эпохи Южная Сун.

Учитель Тхвеге [Ли Хван] сказал: «Почтительность к родителям – основа всех поступков.

Поэтому если хотя бы в одном поступке будет недостаток, то и почтительность к родителям не будет истинной почтительностью к родителям».

Высказывание Ли Хвана, с одной стороны, как бы выбивается из контекста «узкого» понимания категории *сяо/хё* (孝) в значении «служение родителям», ибо говорит об универсальности этой категории культуры, то есть демонстрирует подход, свойственный древним китайским конфуцианским классическим сочинениям. С другой стороны, эта универсальность «нужна» Ли Хвану исключительно для того, чтобы довести исполнение категории *сяо/хё* до абсолютного совершенства: не *хё* определяет все стороны жизни общества, но идеальность *всех* совершаемых человеком *поступков* обеспечивает совершенство в исполнении *хё*.

Если давать общую оценку описания категории *хё* в корейском трактате средних веков и нового времени⁶⁰ «Драгоценное зеркало просветленного сердца», то можно выделить его *исключительную особенность* в сравнении с корейскими иллюстрированными трактатами, посвященными описанию поведения в рамках «Трех заповедей и Пяти норм морали» (三綱五倫). В отличие от указанных трактатов⁶¹, в «Мёнсим богам» полностью отсутствует какая-либо *жественность*. Служение родителям предстает исключительно в мягкой форме искренней заботы о родителях, объективно необходимой для жизни каждого человека, и тем более – для престарелого.

С другой стороны, в «Мёнсим богам» нет представления о категории «почтительности к родителям» (孝) как о некоей *универсальной* категории, определяющей все стороны жизни общества. Понятие *хё* ограничивается *только* заботой о родителях.

Таким образом, четвертая глава «Акты почтительности к родителям» трактата «Мёнсим богам» показывает *особый корейский* подход к категории *хё* (孝), сводя эту категорию культуры исключительно к всесторонней заботе о родителях.

Учитывая, что в отличие от трактата «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей» (三綱行實圖. «Самган хэнсильдо»), предназначенного для простолудинов, которым грамотные люди должны были

⁶⁰ Имеется в виду, что первый вариант текста трактата был подготовлен в XIII столетии, а окончательно оформился только к XIX в.

⁶¹ Подробнее см.: Курбанов С.О. Отражение категории почтительности к родителям *хё* в корейских конфуцианских сочинениях XII–XV вв. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7. СПб., 2004.

зачитывать рассказы о почтительных детях вслух, в главе «Акты почтительности к родителям» «Мёнсим богам» нет примеров жертвенности, можно сделать *предположение* о том, что категория «почтительности к родителям» в Корее имела *свои особенности в зависимости от различных социальных слоев и классов*.

Иными словами, исходя из текста памятника «Мёнсим богам», можно предположить, что самопожертвование вплоть до членовредительства во имя родителей допускалось в Корее *в основном* для низших социальных сословий, в то время как представители правящего класса могли ограничиться более «скромными» актами служения родителям.

Действительно, и в иллюстрированном трактате «Самган хэнсильдо», и в более ранних корейских текстах, описывающих акты почтительности к родителям, случаи самопожертвования или членовредительства, которые совершали бы представители правящих классов, практически не встречаются.

Часть четвертая

ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ ТЕКСТАХ XII – НАЧАЛА XX в.

1. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ЭПОХИ КОРЁ (X–XIV вв.)

Большинство классических конфуцианских сочинений, которые так или иначе затрагивают теоретическую основу представлений о категории «сыновней почтительности» *сяо/хё* (孝) – это в основном китайские сочинения, воспринятые в Корее, или «кореизированные китайские». И лишь отдельные фрагменты текста подобных памятников письменности, таких как, например, «Мёнсим богам» – «Драгоценное зеркало просветленного сердца», и то в редакции XIX столетия, имеют оригинальную *корейскую* часть. Однако какая бы идеология или учение не было заимствовано извне, практика проявления заимствованной идеологии всегда будет особенной, национальной.

В Корее средних веков и нового времени составлялись и публиковались книги, с одной стороны, отражавшие реалии практики «почтительности к родителям» (孝), а с другой – имевшие нравоучительную направленность, то есть имевшие целью распространить зафиксированные в их текстах представления о реализации «почтительности к родителям» по возможности на более широкие слои населения.

Прежде чем обратиться к поучительным текстам, рассмотрим корейское *историческое* классическое сочинение «Самгук саги» (三國史記. «Исторические записи Трех государств»), поскольку именно в нем обнаруживается первая из известных *письменная* фиксация корейских актов «служения родителям» *хёхэн* (효행, 孝行), отраженных впоследствии в корейских нравоучительных сочинениях XIV–XVII вв.

1.1. БИОГРАФИИ ПОЧТИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ В «САМГУК САГИ» (三國史記. «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ»)

В XII в. в Корею было издано первое из дошедших до наших дней историческое сочинение, написанное в рамках жанра официальных дальневосточных историописаний *чонса* (정사, 正史) – «Исторические записи Трех государств» (кор. «Самгук саги» (三國史記)). Автором этого сочинения, представляющего историю Кореи I в. до н.э. – X в. н.э., считается высокопоставленный сановник и историк эпохи Корё Ким Бусик (1075–1151). В сочинении, как это полагалось по тогдашним дальневосточным канонам, в его завершающей части были представлены биографии наиболее выдающихся людей описываемых эпох. В частности, есть в нем и несколько биографий «почтительных детей» *хёчжа* (효자, 孝子).

Эти биографии не выделены в тексте памятника в особый, имеющий собственное заглавие раздел, как, например, в «Истории [государства] Корё» (高麗史, «Корёса»), изданной в середине XV в. То, что биографии посвящены почтительным детям, мы узнаем только из содержания самих биографий. Всего в «Самгук саги» представлено четыре биографии, тексты которых в дальнейшем вошли и в более поздние корейские сочинения о почтительности к родителям.

Кн. 48 раздела «Биографии» «Самгук саги» начинается с описания поступка простолюдина по имени **Хяндок** (향덕; 向德). Когда в стране в 755 г. случился неурожай и ему было нечем кормить своих родителей, Хяндок отрезал плоть из своего бедра и накормил их. Кроме того, высосал нарыв у больной матери. Впоследствии в награду за свой поступок Хяндок получил большое количество зерна, надел земли и дом.

Следующая биография в сочинении Ким Бусика также посвящена описанию поступка почтительного сына, человека с буддийским именем **Сонгак** (성각; 聖覺). Действительно, в молодости герой, описываемый в биографии, жил в буддийском монастыре и поклонялся Будде. Когда мать состарилась, Сонгак вернулся домой, чтобы кормить ее. Однако поскольку мать не могла есть растительную пищу, а сам Сонгак был беден, то кормил свою мать плотью из собственного бедра. После смерти матери усердно молился Будде. Впоследствии получил в награду от государя большое количество зерна (300 сок)¹.

Описание подобных «экстраординарных» актов сыновней почтительности может вызвать чувство неприятия у всякого, знакомого с «классическим» подходом к категории «почтительности к родителям» *сяо/хё*,

¹ Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии / Изд. текста, перев., вступит. ст., коммент., прилож., ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М., 2002. С. 183; см. также переиздание текста оригинала памятника: Самгук саги. Кита Оцука, 1971. С. 479. – Сок – корейская традиционная мера объема, соответствует 180,39 л.

отраженного, в частности, в «Каноне сыновней почтительности» – «Сяо цзине» («Хёгён онхэ»). Ведь, согласно «Сяо цзину», всякая почтительность к родителям начинается с заботы о том, чтобы не повредить свое собственное тело. А ведь и Хяндок и Сонгак – оба наносили себе телесные повреждения и тем самым нарушили одно из главных установлений «классических» представлений о хё.

Неудивительно, что после подобных «экстраординарных» биографий «почтительных сыновей» Ким Бусик как истинный конфуцианец приводит свои собственные комментарии. Он отмечает, что китайское историческое сочинение «Тан шу» (唐書. «История [династии] Тан») критикует подобное нанесение вреда своему телу, пусть даже это делается и для родителей. Однако он не соглашается с суждением китайского историописания. Он пишет, что Хяндок и Сонгак были простолюдинами из глухой провинции. Они не знали этикета и ритуала и заботились о родителях как могли. Поэтому их поступки заслуживают самой высокой оценки и увековечивания в исторических сочинениях.

Далее в кн. 48 «Самгук саги» следует описание семи биографий людей, отличавшихся верностью старшим или прославившихся своими достижениями в музыке и живописи. Вслед за ними в сочинении Ким Бусика представлены биографии двух девушек – преданной дочери **Чиын** (지은, 知恩) и верной девушки по фамилии **Соль** (설, 薛).

Что касается биографии Чиын, то она непосредственно относится к категории рассказов о почтительных дочерях, что прямо сказано в названии ее биографии «Почтительная дочь Чиын» (효녀 지은, 孝女 知恩)². Действительно, Чиын продала себя в рабство, чтобы иметь возможность кормить престарелую мать.

Однако поступок девушки по фамилии Соль, которая прославилась тем, что была верна своему жениху, ушедшему на границу отбывать воинскую повинность вместо отца девушки³, трудно причислить к категории поступков, связанных с категорией хё.

То, что сам Ким Бусик не поместил эту биографию в едином «блоке» биографий почтительных детей, возможно, свидетельствует о том, что сам автор «Исторических записей Трех государств» не причислял этот поступок к категории тех, что совершают почтительные дети. Однако составители более поздних корейских сочинений, посвященных описанию поступков почтительных к родителям детей, все же включали в свои повест-

² Несмотря на то что как в факсимильных, так и типографских переизданиях текста «Исторических записей Трех государств» везде в первых строках биографии Чиын сказано, что она была почтительной дочерью хёнэ (孝女), авторы русского перевода текста памятника перевели хёнэ как «преданная дочь»; см. *Ким Бусик. Самгук саги...* С. 186–187.

³ Там же.

воваания не только биографию почтительной Чиын, но и девушки по фамилии Соль.

1.2. СОЧИНЕНИЕ XIII–XIV вв. «ХЁХЭННОК» (孝行錄. «ЗАПИСИ О ДЕЯНИЯХ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ»)

Появление в XII столетии нескольких биографий, описывающих категорию «почтительности к родителям» в рамках официальной (династической) истории, еще не означало, что корейское общество было озабочено проблемой «почтительности к родителям» хё.

Впервые специальное сочинение, посвященное категории хё, появилось в Корее лишь в середине XIV в. В то время правящая династия пыталась проводить реформы, направленные на усиление роли государства и упорядочение социально-экономических отношений в рамках конфуцианских норм.

В период правления (несовершеннолетнего) короля Чхунмог-вана (1344–1348) высокопоставленный сановник Квон Бо (권 보, 權溥; 1262–1346) и его сын Квон Чжун (권 준, 權準; 1281–1352) начали работу над составлением специального сборника «коротких биографий» почтительных сыновей, дочерей, невесток. В таких «коротких биографиях» обычно указывалось имя «героя», место его рождения, а также описывался поступок, который позволял причислить его к категории «почтительных детей» (효자, 孝子). В сочинение, получившее название «Хёхэннок» (효행록, 孝行錄. «Записи о деяниях почтительности к родителям»), было включено 62 «биографии»⁴ различных персонажей из китайской истории, главным образом древней. Предисловие к сочинению написал видный конфуцианский сановник того времени Ли Чжехён (이 제헌, 李齊賢; 1287–1367).

Впоследствии Ли Чжехён добавил «славословия» (찬, 贊) к части биографий трактата. Всего насчитывают 38 биографий с корейскими славословиями.

Поскольку в XIV столетии корейский национальный алфавит еще не использовался, памятник был написан на китайском языке.

Когда рукопись была завершена, ее автор, Квон Бо, обратился в придворное ведомство с просьбой изготовить 24 иллюстрации к «коротким биографиям» из «Хёхэннок». Трудно сказать, были ли созданы эти иллю-

⁴ Нигде в доступных корейских справочных изданиях не встречается точное указание количества биографий, представленных в сочинении. Однако в ксилографическом издании памятника (1600 г.), хранящемся в библиотеке Академии корееведения (Республика Корея), насчитывается 62 биографии. В первом типографском переиздании «Хёхэннок» с переводом на современный корейский язык (2004 г.) также представлено 62 биографии почтительных детей; см.: Хёхэннок. Юн Хочжин ёк [孝行錄 尹浩鎭 譯. «Записи о деяниях почтительности к родителям». Перев. Юн Хочжина]. Сеул, 2004.

страции и вошли ли они в основной текст сочинения, поскольку в ксилографически напечатанном экземпляре памятника 1600 г. издания, хранящегося в библиотеке «Чхансогак» южнокорейской Академии корееведения (Academy of Korean Studies), никаких иллюстраций нет.

Очевидно, сочинение не было издано сразу после завершения рукописи. Дело в том, что послесловие к официальному тексту «Хёхэннок» написано Квон Гыном (권근, 權近; 1352–1409) – правнуком автора сочинения. Поэтому можно предположить, что впервые сочинение было издано только в конце XIV столетия, на «волне» реформ, проводившихся в Корё с целью укрепления государственности, но реально приведших к падению правящего дома и приходу к власти новой династии Ли (1392–1910 гг.).

В 1428 г., в правление государя Сечжона (1418–1450) сочинение было исправлено придворным сановником Соль Суном (설순, 楔⁵循; ?–1435) и переиздано. Очевидно, поводом для переиздания сочинения послужило шокирующее событие, о котором было доложено государю Сечжону в 10-м месяце 1428 г.: некий Ким Хва (김화, 金禾) из города Чинчжу убил своего отца. Поэтому требовалось срочно найти какое-либо сочинение, с помощью которого можно было бы обучать народ и тем самым улучшить нравы в обществе.

Действительно, согласно информации южнокорейских энциклопедических изданий, в конце эпохи Корё и в начале эпохи Чосон текст «Хёхэннок» читали детям нараспев, как песню, заставляли детей заучивать тексты представленных там биографий наизусть и таким образом воздействовали на сознание молодого поколения, воспитывали его⁶.

Однако король Сечжон не удовлетворился переизданием старого корёского текста и поручил Соль Суну создать новое сочинение, подробнее речь о нем пойдет ниже. Чем же не удовлетворили Сечжона «Записи о деяниях почтительности к родителям»? Почему это сочинение в дальнейшем не переводилось на корейский язык?

Во-первых, в «Хёхэннок» были представлены примеры почтительного служения родителям, взятые *исключительно из китайской истории*. Поэтому они вряд ли могли вдохновить жителей Страны Утренней Свежести (Кореи) на совершение аналогичных высокоморальных поступков в своей стране.

Во-вторых, в структуре текста «Записей о деяниях почтительности к родителям» не прослеживалась какая-либо система, помогавшая в восприятии текста в целом.

⁵ С «ключом» «человек» вместо «ключа» «дерево».

⁶ Хангук минчжок мунхва тэбэква сачжон [한국민족문화대백과사전. «Энциклопедия корейской национальной культуры»]. Сеул, 1991.

Памятник начинался с описания почтительности к родителям легендарного китайского императора древности Шуня – тем самым демонстрировалось начало категории *сяо/хё*, то есть то, что почтительность к родителям была свойственна всему цивилизованному (с точки зрения корейцев) миру со времени его основания.

Однако дальнейшее расположение биографий почтительных детей не имеет никакой заметной систематизации: ни хронологической, ни тематической. Так, за биографией императора Шуня следует описание поступков жителя древнего китайского царства Чу (эпоха Чжоу), затем следуют две биографии эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). В трактате вновь представлены биографии жителей царств эпохи Чжоу (пять биографий), затем две биографии эпохи Хань, одна биография эпохи Тан (618–907), снова две биографии эпохи Хань и т.д.

Возможно, отсутствие видимой системы в структуре трактата «Записи о деяниях почтительности к родителям», так же как и отсутствие описаний *корейских* примеров служения родителям, побудили короля Сечжона повелеть Соль Суну не только переиздать старый трактат, но и создать новый, более логичный по структуре и восполняющий информационные пробелы «Хёэннок».

В настоящей работе мы не будем подробно рассматривать содержание трактата «Записи о деяниях почтительности к родителям», поскольку более 2/3 его текста (то есть по меньшей мере, 43 биографии из 62) Соль Сун позаимствовал и использовал при составлении нового сочинения, в котором важнейшую часть составило описание китайских примеров служения родителям. Трактат получил название «Самган хэнсильдо» (삼강행실도, 三綱行實圖. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей»).

2. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В ТРАКТАТЕ «САМГАН ХЭНСИЛЬДО» (三綱行實圖)

Корейский конфуцианский нравоучительный трактат «Самган хэнсильдо» (삼강행실도, 三綱行實圖. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей») занимает особое место в корейской историографии средних веков и нового времени. Не будет ошибкой утверждать, что именно этот трактат служил одной из основ, своего рода «учебником жизни» в моральном и нравственном воспитании населения Кореи XV–XIX вв. Российские дипломаты, путешественники, востоковеды, посещавшие Корею конца XIX столетия, считали своим долгом привезти в Россию экземпляры «Самган хэнсильдо», чтобы в дальнейшем с помощью этих книг лучше понять культуру Кореи. Поэтому, например, в библиоте-

ках Санкт-Петербурга – столицы Российской империи, нет такого собрания книг по Корее, где бы не было «Иллюстраций практики исполнения Трех заповедей»⁷.

Изучение этого памятника письменности представляет особую важность не только в контексте изучения категории «почтительности к родителям» хё, но и культуры Кореи средних веков и нового времени в целом.

2.1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПАМЯТНИКА

Трактат «Самган хэнсильдо» (三綱行實圖) был составлен и напечатан в 1433 г.⁸ по указу знаменитого короля-реформатора Сечжона.

В литературе сохранилась следующая запись о том, что послужило поводом для появления указа о составлении подобного сочинения. Как уже упоминалось, в 10-ю луну 1428 г. государю Сечжону был подан письменный доклад, в котором сообщалось о том, что некий Ким Хва из города Чинчжу убил своего отца. Весть об этом злодеянии настолько поразила Сечжона, что он тут же велел своим сановникам подумать над теми методами, с помощью которых можно было бы исправить нравы народа. Тогда влиятельный сановник по имени Пён Керян (변계량, 卞季良; 1369–1430), занимавшийся при дворе вопросами составления и публикации исторических сочинений, предложил подготовить и издать книгу, подобную «Записям о деяниях почтительности к родителям» (효행록, 孝行錄), которые в конце эпохи Корё составил сановник по имени Квон Бо (권보, 權溥). Сечжон одобрил предложение, поручил составление нового трактата гражданскому сановнику и ученому Соль Суну (설순, 榘⁹ 순)¹⁰.

Поскольку событием, подвигнувшим Сечжона издать указ о создании нравственного наставления для народа, было убийство отца, то Сечжон особое внимание уделил вопросу почтительности к родителям. Он лично повелел отобрать для помещения в будущий трактат биографии образцовых сыновей и дочерей как из истории Китая, так и из истории Кореи; в Корею – начиная от периода Трех государств и кончая «современностью». Кроме этого, в книге должны были быть помещены биографии «верных сановников» (충신, 忠臣) и «самоотверженных женщин»

⁷ Подробнее см.: Троцевич А.Ф. Описание корейских письменных памятников, хранящихся в библиотеке восточного факультета С.-Петербургского университета // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997. С. 124–127; Петрова О.П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.; Л., 1956; Вып. 2. М.; Л., 1963.

⁸ В корейской справочной литературе также встречается указание на то, что трактат «Самган хэнсильдо» был напечатан в 1434 г.

⁹ С «ключом» «человек» вместо «ключа» «дерево».

¹⁰ Ким Вонъён. О «Самган хэнсильдо» // Самган хэнсильдо: В 3 т. Т. 1. Сеул, 1982.

(열녀 열女). Всего планировалось отобрать по 110¹¹ биографий каждой из трех категорий, большую часть из которых составляли бы китайские.

Рукопись трактата «Самган хэнсильдо» была закончена к 6-му месяцу 1432 г. и напечатана ко 2-му месяцу 1433 г. То, что в название иллюстрированного трактата вошло понятие «Трех заповедей»¹², можно объяснить тем, что в период Чосон (1392–1897) в Корее главные конфуцианские нормы морали и нравственности выражались в так называемых Трех заповедях (삼강, 三綱) и Пяти нормах морали (오륜, 五倫), суть которых выражалась в следующих восьми высказываниях.

Три заповеди.

1. Подданный служит государю¹³ (и государь заботится о подданном); 君爲臣綱.

2. Сын служит отцу (и отец заботится о сыне); 父爲子綱.

3. Жена служит мужу (и муж заботится о жене); 夫爲婦綱.

Пять норм морали.

1. Государь и подданный имеют чувство долга [в отношениях]; 君臣有義.

2. Отец и сын имеют родственную близость [в отношениях]; 父子有親.

3. Муж и жена имеют различия [в отношениях, по своей роли в семье и обществе]; 夫婦有別.

4. Старший и младший имеют порядок [в последовательности приоритетов]; 長幼有序.

5. Друзья имеют веру [в отношениях]; 朋友有信.

¹¹ В «Энциклопедии корейской национальной культуры» ([한국민족문화대백과사전. «Хангук минчжок мунхва тэбэкквэ сачжон»]. Сеул, 1991. Т. 11. С. 277) почему-то говорится о том, что в трактате было всего 110 биографий, по 35 каждой категории, что не соответствует тексту источника. В использовавшемся в настоящей работе тексте переиздания памятника представлено 111 биографий (Самган хэнсильдо: В 3 т. Т. 1. Сеул, 1982).

¹² В отечественном китаеведении данный термин «Сань ган» (三綱) переводят как «Три устоя».

¹³ В данном случае нельзя переводить высказывания из «Трех заповедей» только в значении «служения» «нижестоящего» «вышестоящему». Китайский глагол *ви* (爲; конфуцианские заповеди в Корее было принято записывать по-китайски, но произносились иероглифы в корейском прочтении), связывающий между собою две части коротких высказываний, включает в себе элемент так называемой обратной связи, то есть заботы вышестоящего о нижестоящем. Ведь дословный перевод каждого из высказываний состоит в том, что «вышестоящий для нижестоящего», в то время как на Дальнем Востоке принято толковать эти высказывания в том смысле, что нижестоящий служит вышестоящему. К сказанному можно добавить, что, по крайней мере, в корейской конфуцианской литературе, в том числе и в современной, отношения между старшими и младшими всегда описываются не только в ключе «господства» старшего над младшим и служения младшего старшему, но и *заботы* старшего (вышестоящего) о младшем (нижестоящем) (см. например: Ю Сингук. Хангуг-ый югё [류승국. 한국의 유교. «Корейское конфуцианство»]. Сеул, 1988). «Канон сыновней почтительности» также проникнут содержанием заботы вышестоящих о нижестоящих.

Авторство «Трех заповедей» приписывается китайскому ученому Дун Чжуншу (董仲舒; 190 (179?) – 120 (104?) гг. до н.э.), жившему в эпоху Ранняя Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.), который воспринял и продолжил идеи Конфуция и Мэн-цзы.

«Пять норм морали» представляют собою небольшой фрагмент из пятой главы конфуцианского классического трактата «Мэн-цзы».

После того как трактат «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей» был напечатан, уже в следующем 1434 г. его стали активно распространять по всей Корее¹⁴. Отдельные экземпляры были посланы в Китай.

Затем на протяжении многих столетий, вплоть до начала XVIII в., текст «Самган хэнсильдо» неоднократно переиздавался. При этом особо следует выделить издание 1481 г. Тогда китайский текст этого корейского памятника был переведен на корейский язык¹⁵, и новая версия трактата получила название «Онхэ самган хэнсильдо» (언해삼강행실도, 諺解三綱行實圖. «Перевод на корейский язык и комментарии к “Иллюстрациям практики исполнения Трех заповедей”»).

2.2. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАТЕГОРИИ ХЭ, ОТРАЖЕННЫЕ В ТРАКТАТЕ

Иллюстрированный трактат «Самган хэнсильдо» начинается с описания образцовой почтительности к родителям легендарного китайского императора Шуня (舜; один из «пяти совершенномудрых [государей древности]»).

Вообще преобладание в *корейском* трактате о трех основных категориях морали китайских биографий в самой Корее оценивается по-разному. Еще «мятежный» король Сечжо (1455–1468), пришедший к власти в результате кровавых событий, выражал недовольство слишком большой «заформализованностью» «Самган хэнсильдо» и даже предпринял в 1456 г. попытку издания нового, «улучшенного» трактата, должного обучать народ правильному поведению.

Современные исследователи также считают, что структура и содержание трактата не избежали влияния «идей преклонения перед Китаем» *садэчжуи* (사대주의, 事大主義). С другой стороны, те же исследователи отмечают, что, возможно, для Кореи середины XV в. подобный подход

¹⁴ Ким Вонъён. О «Самган хэнсильдо». С. 7.

¹⁵ В 1443 г. через публикацию трактата «Хунмин чоньом» («Наставление народу о правильном произношении») в употребление был введен корейский алфавит, позволявший записывать тексты на корейском языке.

был нормой, поскольку оба государства – и Китай и Корея – были странами, представляющими конфуцианскую культуру с едиными ценностями. Поэтому обращение к Китаю было в известной степени естественным¹⁶.

Кроме того, если говорить о *первом* опыте издания конфуцианского назидательного сочинения, то обращение к китайским персонажам, проявлявшим образцовое поведение, не только объяснимо, но скорее всего было даже необходимо. Основополагающими трактатами, ставшими основой конфуцианского образования в Корее, были *китайские*. Поэтому для иллюстрации *действенности и актуальности* основных правил, изложенных в *китайских* сочинениях, прежде всего требовалось доказать, что сами китайцы, бывшие авторами конфуцианской классики, с древности следовали предписаниям, ими же установленным. К примеру, если бы сами китайцы не соблюдали нормы и правила конфуцианского поведения, то почему это должны были делать корейцы? С этой точки зрения вряд ли корректно упрекать первых составителей иллюстрированного издания с изложением примеров «правильного» *конфуцианского* стиля поведения в том, что они начали с обращения к примерам китайской древности.

Всего в первом томе «Самган хэнсильдо», озаглавленном «Самган хэнсиль хёчжадо» (삼강행실효자도, 三綱行實孝子圖. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей почтительных сыновей») представлено 89 китайских и 22 корейских примера образцового поведения в рамках категории хё¹⁷. В табл. 2 представлена информация о том, какие периоды из истории Китая и Кореи охватывает содержание этого тома.

Таким образом, ¾ содержания текста «Самган хэнсиль хёчжадо» посвящены примерам правильного поведения в рамках категории хё, принятых из предшествующей *китайской* истории.

Прежде чем обратиться к корейским биографиям, имеющимся в трактате, рассмотрим основные особенности представлений о категории хё (孝) (*сяо*), как они представлены в примерах из китайской истории. Это необходимо сделать по двум причинам. Во-первых, помещение в корейский трактат этих рассказов о китайских почтительных к родителям сыновьях и дочерях в некоторой степени отражает *и корейские* взгляды на категорию хё. Во-вторых, корейские рассказы о проявивших образцовую почтительность к родителям в целом отличаются от *общей направленно-*

¹⁶ Ким Вонъён. О «Самган хэнсильдо». С. 5.

¹⁷ В «Энциклопедии корейской национальной культуры» в т. 11 в разделе о «Трёх заповедях и Пяти нормах морали» ошибочно указано, что в томе, описывающем почтительных детей, представлено всего 35 биографий. В том же т. 11 в разделе о памятнике «Самган хэнсильдо», сказано, что в памятнике не 111, а 110 биографий почтительных детей.

сти китайских биографий и, таким образом, сравнение с китайскими рассказами о сяо/хё позволяет выявить *корейское* восприятие этой категории, что является одной из важнейших задач настоящей работы.

Таблица 2. Перечень описаний поступков почтительных сыновей из «Самган хэнсиль хёчжадо»

	Эпоха / государство / династия	Количество примеров (рассказов)
КИТАЙ	Император Шунь	1
	Эпоха Чжоу (周; 1122–221 до н.э.)	2
	Княжество Лу (魯) (856–249 г. до н.э.)	5
	Княжество Чу (楚) (848–223 г. до н.э.)	2
	Эпоха Хань (漢; 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.)	20
	Царство Шу (蜀; 221–263)	2
	Государство Северное Вэй (北魏; 387–534)	1
	Царство Вэй (魏; 220–280)	1
	Государство [Восточное] Цзинь (晉; 317–420)	8
	Государство [Лю] Сун (宋; 420–479)	2
	Государство [Южное] Ци (齊; 479–502)	3
	Государство Лян (梁; 502–557)	3
	Государство Позднее Вэй (後魏;)	1
	Государство [Северное] Чжоу (周;)	1
	Государство Суй (隨; 581–618)	3
	Эпоха Тан (唐; 618–907)	8
	Эпоха Сун (宋; 960–1279)	8
	Эпоха Юань (元; монгольская; 1280–1368)	9
	Эпоха Мин (明; 1368–1644)	3
	ИТОГО	89
КОРЕЯ	Государство Силла (신라, 新羅; 57 г. до н.э. – 935 г. н.э.)	2
	Государство Пэкче (백제, 百濟; 18 г. до н.э. – 660 г. н.э.) ¹⁸	2
	Государство Корё (고려, 高麗; 918–1392)	7
	Государство Чосон (조선, 朝鮮; 1392–1897)	11
	ИТОГО	22

¹⁸ Хотя в тексте памятника говорится о «людях Пэкче», на самом деле в биографиях представлены все те же силласцы, но бывшие потомками пэкчесцев. Все события, связанные с поступками «пэкчесцев», происходят во второй половине VIII в., то есть почти через 100 лет после падения государства Пэкче.

2.3. ОБ ОБРАЗЦОВОМ ПОВЕДЕНИИ КИТАЙСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ В РАМКАХ КАТЕГОРИИ *СЯО/ХЁ*

Первый рассказ, открывающий том «Самган хэнсиль хёчжадо», – повествование о сыновней почтительности мифического китайского императора древности **Шуня** (舜). Точнее, открывает том не текст рассказа, а черно-белая ксилографическая картинка, изображающая будущего императора в юности, на вид в возрасте 12–15 лет. С самого начала структурным текстом располагалась картинка, в которой на одной плоскости были расположены несколько различных по времени реализации фрагментов. Таким образом, население, даже неграмотное, прежде чем обратиться собственно к поучительному тексту (лично или через грамотного посредника), знакомилось с иллюстрацией, должной заинтересовать человека¹⁹.

Изучение текстов корейских биографий «Самган хэнсиль хёчжадо» показало, что многие из них либо заимствованы из корейских официальных династийных историй, либо писались на основе тех же первоисточников, что и официальные истории. Исходя из этого можно предположить, что тексты китайских биографий почтительных к родителям детей также могли быть заимствованы из китайских образцовых династийных историй. Однако в настоящем исследовании не ставится задача выполнить сравнительный анализ текстов биографий корейского памятника и аналогичных текстов из китайских историй, поэтому представлено только изложение основного содержания из китайских биографий почтительных детей, помещенных в «Самган хэнсиль хёчжадо» и их сопоставление с «классическим» представлением о категории *сяо/хё*, отраженным в трактате «Сяо цзин», без указаний параллельных мест в китайских историописаниях.

Обращение к *китайским* биографиям в *корейском* тексте представляется весьма значимым прежде всего для выяснения следующих двух моментов:

- 1) какие поступки китайцев корейцы считали *важными* (образцовыми) для понимания сути служения родителям;
- 2) чем корейские поступки почтительности (служения) родителям отличаются от китайских, то есть каким образом происходило изменение *корейских* представлений о категории *сяо/хё*.

Содержание рассказа «Большая сыновняя почтительность императора Шуня» (舜帝大孝) не отличается описанием каких-либо необычных событий или поступков. Сказано лишь, что у Шуня отец был очень жестким по характеру человеком, мать²⁰ – недалеко, а младший (сводный) брат –

¹⁹ Ким Вонъён. О «Самган хэнсильдо». С. 5.

²⁰ На самом деле речь идет не о матери, а о мачехе Шуня. Но в тексте «Самган хэнсильдо» мачеха именуется «матерью» (母): «отец женился во второй раз».

заносчивым. И, несмотря на все это, Шунь выполнял свои сыновние обязанности, с уважением и послушанием относился к своим родителям.

После краткого описания сыновней почтительности Шуня следует небольшое хвалебное высказывание о Шуне знаменитого конфуцианского мыслителя Мэн-цзы, а затем стихи, посвященные сыновней почтительности Шуня, и краткие слова восхвалений (찬, 贊).

В целом структура текста «Самган хэнсильдо» такова, что после каждого описания конкретного акта почтительности к родителям следует стихотворение об этом поступке и восхваления. Высказывание классика конфуцианства Мэн-цзы – исключение из правила, призванное показать особую значимость конкретного примера.

Следует, однако, заметить, что в описании почтительности к родителям императора Шуня нет указания на какие-либо особые его деяния, и описание напрямую не соотносится с четким и схематически выдержанным представлением о категории *сяо/хё*, изложенном в трактате «Сяо цзин» («Хёгён онхэ»).

Таков же по характеру и рассказ о почтительности к родителям знаменитого китайского «просвещенного государя» древности – **Чжоуского Вэнь-вана** (文王) (кор. Мун-вана), озаглавленного как «Мун-ван приветствует [родителей]» (文王問安).

Суть особой почтительности к родителям Вэнь-вана, согласно «Самган хэнсильдо», состояла в том, что он каждый день трижды приходил к своим родителям, приветствовал их и спрашивал, все ли у них хорошо, не требуется ли чего. Кроме того, он всегда сильно переживал, если родители болели, всегда лично проверял, холодную или горячую пищу им подают. И, сверх того, строго-настрого приказал придворному повару не подавать по второму разу те блюда, которые родители не доели (то есть те, которыми они пресытились или которые им не понравились).

Таким образом, и здесь, как и в случае с императором Шунем, Вэнь-ван не совершал каких-либо особенных экстраординарных поступков. Его *хё* (почтительность) проявлялась *ежедневно* в *обычных и нормальных* действиях, направленных на заботу о родителях.

Несмотря на то что рассказы о почтительных сыновьях и дочерях в «Самган хэнсильдо» расположены в хронологическом порядке (если не считать принципиального разделения всех рассказов на китайские, представленные в начале трактата, и корейские, завершающие его), третьей биографией памятника, связанной с категорией *хё/сяо*, является биография ханьского императора У-ди. Она хронологически несколько опережает рассказы о сыновней почтительности, следующие после нее. Наверное, это объясняется тем, что в памятнике «Самган хэнсильдо» представлены всего три описания почтительности к родителям китайских государей древности. Поэтому они открывают трактат. Все остальные биографиче-

ские рассказы описывают деяния, совершенные либо сановниками, либо простолюдинами, то есть людьми более низкого положения, нежели императоры и государи.

Рассказ «Великая почтительность к родителям Шуня» [Эпоха У]

虞舜瞽瞍之子。父頑。母嚚。象傲。克諧以孝。初耕歷山。株于
田。號泣于旻天。于父母。負罪引慝。祇載見瞽瞍。變愛而
瞽瞍亦允若。孟子曰。舜盡事親之道。而瞽瞍底豫。瞽瞍底
豫而天下化。瞽瞍底豫而天下之為父子者定。此之謂大

孝

唐文粹云。舜田于歷山。象為之耕。鳥為之耘。

舜

大舜親魏聖德隆。親心未豫。苦憂忡。共為子職。勤管

養。號泣呼天。但責躬。

孝誠感動得親心。底豫應知德

化深。不獨當時稱大孝。流傳簡冊到如今。

象

父頑。母嚚。弟傲不仁。錫力于田。號泣旻天。鳥為之耘。

象為之耕。物猶知感。矧伊人情。頑嚚底豫。傲不格。蟲大

舜之孝。萬世所難。

Поведение в рамках категории хё ханьского императора У-ди (武帝) также не отличалось какой-либо экстраординарностью. В «Самган хэнсильдо» по этому поводу сказано следующее. В то время, когда стало известно о решении императора Гао-цзу, что престол будет передан именно У-ди, серьезно заболела его мать. Она болела целых три года. И на протяжении всего этого времени У-ди «глаз не смыкал», «одежды с себя не снимал», заботясь о матери и лично проверял на вкус лекарственные отвары, прежде чем подавать их матери.

С другой стороны, в «восхвалении» такому образцовому поступку (последней части описания биографии) сказано, что своей сыновней почтительностью У-ди превзошел ученика Конфуция Цзэн Саня (Цзэн-цзы)²¹.

Последнее высказывание представляется весьма важным, поскольку Цзэн-цзы как раз был тем самым учеником Конфуция, на диалогах с которым построен классический трактат о почтительности к родителям «Сяо цзин» (кор. «Хёгён»), то есть, по крайней мере теоретически, самым почтительным сыном из всех людей, кто жил после Конфуция.

После описания почтительности к родителям У-ди авторы «Самган хэнсильдо» возвращаются к хронологическому принципу описания биографий и предлагают рассказ о поступке некоего Бай Ци (백기, 伯奇) (кор. Пэк Ки), жившего в эпоху Чжоу.

Бай Ци был оклеветан своей мачехой, и его выгнали из дома. Скитаясь, Бай Ци был вынужден изготовить себе одежду из листьев лотоса и питаться плодами боярышника. По утрам, просыпаясь (в лесу), был вынужден ступать по холодному инею. И все равно бил в барабан, распевал песни и не имел ненависти в душе, так как не мог и подумать о том, чтобы ослушаться повеления родителей.

В данном примере также не прослеживается никаких особых параллелей с известными конфуцианскими трактатами, в частности с классическим «Сяо цзином», ведь в этом примере нет даже традиционного для данной категории дальневосточной культуры акта «кормления родителей», то есть заботы о них²². Можно полагать, что пример с Бай Ци в некотором роде *доконфуцианский*.

Следующая биография, представленная в «Самган хэнсильдо», открывает галерею «конфуцианских поступков» в рамках категории сяо/хё.

В ней говорится о почтительности к родителям Цзэн-цзы (曾子) из китайского княжества Лу, «главного» ученика Конфуция в смысле постижения сяо/хё.

²¹ Самган хэнсильдо [三綱行實圖 해제: 김원용. 번역: 김익현, 임창재. «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей»] / Вступ. ст., перев. и коммент. Ким Вонъёна; Перев. Ким Икхёна, Им Чханчжэ. Сеул, 1982. С. 28 (факсимильное изд.).

²² Там же. С. 30.

В почтительности к родителям Цзэн-цзы в принципе также не было ничего необычного. Когда Цзэн-цзы кормил своего отца Цзэн Си (증석, 曾皙), то всегда заботился о том, чтобы на столе было вино и мясо, то есть самые дорогие и изысканные блюда. И когда спрашивал подававших еду, осталось ли что, ему всегда отвечали, что осталось. То есть Цзэн-цзы всегда заботился о том, чтобы еду для отца подавали с избытком. А особенно отец Цзэн-цзы любил плоды жужуба, поэтому у самого Цзэн-цзы не оставалось возможности отвесть этих плодов.

После изложения акта почтительности к родителям Цзэн-цзы в тексте следует прямая речь самого Цзэн-цзы, который сказал, что был гораздо более счастлив тогда, когда имел немного бобов и мог кормить отца, чем тогда, когда он стал богачом, но уже не имел возможности кормить отца (потому что отец скончался).

Далее в описании следуют *поучительные высказывания* Цзэн-цзы о *сяо/хё*, пожалуй, единственные в первом томе трактата, посвященном почтительности к родителям. И это естественно. Как раз наоборот, было бы странно, если бы таких высказываний со стороны Цзэн-цзы, первого ученика Конфуция в сфере *сяо*, не было.

Как уже говорилось, *главный* конфуцианский трактат, посвященный почтительности к родителям, – это «Сяо цзин» («Хёгён»), который построен на диалогах между Цзэн-цзы и Конфуцием. Поэтому именно Цзэн-цзы является особым учеником Конфуция, непосредственно учившимся у него пониманию категории *сяо/хё*, а значит, и лучше всего знающим почтительность к родителям и, соответственно, подобно Конфуцию, имеющим право поучать.

В *словах поучения* Цзэн-цзы сказано следующее: «Великое *сяо* начинается с уважения родителей, продолжается в [усилиях к тому, чтобы они] не сердились, и завершается в возможности кормления [их]». «Возможно кормить [родителей], но трудно уважать [их]. Возможно уважать [родителей], но трудно сделать [их жизнь] спокойной. Возможно сделать [жизнь родителей] спокойной, но трудно [чтобы это] длилось долго. Возможно, [чтобы спокойствие родителей] длилось долго, но трудно [обеспечить это] до самого конца»²³.

Завершается повествовательная часть описания почтительности к родителям Цзэн-цзы высказыванием из «Канона стихов» («Ши цзин»): «[В жизни нужно быть] осторожным и внимательным, подобно тому, как [подходишь] к краю глубокого пруда, подобно тому, как [шагаешь] по тонкому льду».²⁴

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же.

Во фрагменте «Самган хэнсильдо» о почтительности к родителям Цзэн-цзы (как исключительный случай) в изложении материала наблюдается следование структуре трактата «Сяо цзин» («Хёгён»). Само высказывание Цзэн-цзы о трех степенях *сяо/хё* сопоставимо с высказыванием Конфуция о том, что «сяо начинается в служении родителям (親), переходит в служение правителю (君) и завершается в установлении своего места в жизни». Правда, категория *сяо/хё* у Цзэн-цзы напрямую не связана с делами управления государством (подобно тому как категория *сяо/хё* представлена в «Сяо цзине»). Так же как и в «Сяо цзине», в этом фрагменте текста единственный раз есть обращение к словам «Ши цзина» («Канона стихов»). Так же как и Конфуций, Цзэн-цзы обращается к своим ученикам. Правда не с поучениями, а с весьма странным высказыванием, с комментарием, с которым читатель знакомится в заключительной части биографии, – «восхвалениями». Цзэн-цзы говорит, что теперь знает, что сможет остаться незапятнанным. В комментарии к этому высказыванию читатель узнает, что когда Цзэн-цзы не было дома, к матери приходили незнакомые люди и пытались обвинить Цзэн-цзы в том, что он убивает людей. Действительно, в то время в княжестве Лу был убийца с похожим именем. И мать очень переживала по этому поводу; от избытка чувств даже «прикусила палец». Иными словами, не всегда Цзэн-цзы, пусть и по воле обстоятельств, приносил своим родителям радость, о чем глубоко сожалел.

Помимо параллелей, которые можно провести между рассказом о почтительности к родителям Цзэн-цзы и «Канон сыновней почтительности» в плане внешних форм, есть также и некоторые пересечения с трактатом по содержанию (в отличие от других рассказов о «классических» персонажах китайской древности в «Самган хэнсильдо», содержание которых, по крайней мере на первый взгляд, напрямую не связано с текстом «Сяо цзина»). В частности, в качестве примера можно привести высказывание Цзэн-цзы о том, что нельзя удовлетворяться лишь простым «физическим» кормлением родителей и что требуется уважать их и заботиться об их духовном спокойствии. Это высказывание можно соотнести с гл. 7 и 13 «Комментариев» (傳章) «Канона сыновней почтительности» (в редакции «Сяо цзин да и» или «Хёгён онхэ»), где говорится о том, что служение родителям должно быть искренним и не ограничиваться лишь «внешними» поступками.

Следующим описанием акта почтительности к родителям в «Самган хэнсильдо» идет описание почтительности к родителям еще двух учеников Конфуция и одного ученика самого Цзэн-цзы.

Минь Сунь (민 손, 閔 損) был одним из учеников Конфуция, родом из княжества Лу. У Минь Суня рано умерла мать, отец женился вторично, в семье родились новые дети. Своих родных детей новая жена отца одевала зимой в теплую одежду на ватной подкладке, а Минь Суню давала одежду, сотканную из тростника. Однажды зимой отец обнаружил, что у Минь Суня холодная одежда, разозлился и хотел выгнать новую жену из дома. Тогда Минь Сунь сказал отцу, что сейчас в их семье страдает он один, а если отец выгонит мачеху, то тогда страдать будут все дети. Отец послушал сына. Кроме того, когда мачеха узнала о произошедшем разговоре, то очень растрогалась и стала относиться к Минь Суню как к родному сыну²⁵.

Другой ученик Конфуция, **Чжун Цзылу** (중 자로, 仲 子路) также представлен как особо почтительный сын. В его поступках, подобно поступкам персонажей, рассказы о которых были изложены ранее, также нет ничего экстраординарного. В юности Цзылу был беден, приходилось питаться съедобными травами, которые удавалось собрать в лесу. Однако как-то раз Цзылу представился случай достать для родителей настоящий рис, и он отправился за ним за сотню *ли*²⁶ от дома. Потом, когда родители умерли, Цзылу удалось разбогатеть, и у него были сотни повозок риса. Однако он горько сокрушался по поводу того, что не может воспользоваться своим богатством и накормить своих родителей. По этому поводу Конфуций сказал, что Цзылу – человек, который при жизни изо всех сил старался для своих родителей, а после их смерти тосковал о них²⁷.

Таким образом, и в этой биографии, представляющей *сяо* ученика Конфуция, нет описания каких-либо экстраординарных событий, а личное высказывание Конфуция, второе в томе о почтительных сыновьях трактата «Самган хэнсильдо», не имеет характера поучения и является всего лишь словами восхваления поведения Цзылу.

Последняя из серии китайских «классических», описывающих образцовое поведение легендарных китайских императоров древности или учеников Конфуция, биография «ученика Конфуция во втором поколении», ученика Цзэн-цзы, – **Юэчжэна** (악정 樂正). По содержанию рассказ о Юэчжэне *наиболее приближен по содержанию и духу* к «Канону сыновней почтительности» «Сяо цзин».

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ *Ли* (里) – традиционная мера длины; в Китае в настоящее время равна 576 м, в Коре – 392,7 м.

²⁷ Самган хэнсильдо. С. 36.

В биографии Юэчжэна нет практически никаких особенных событий. Как-то выходя из дома, Юэчжэн поранил ногу. После этого он в течение нескольких месяцев не покидал дом и выглядел очень озабоченным, хотя, казалось бы, переживать было уже больше не о чем. Ученики Юэчжэна спросили учителя о причинах его беспокойств, Юэчжэн сослался на слышанное им от его учителя Цзэн-цзы, который, в свою очередь, передавал слова, услышанные им еще от Конфуция. Согласно речениям мудрецов, человек – самое ценное в Поднебесной, поэтому настоящей сыновней почтительностью является бережное отношение к своему телу, полученному от родителей, а также ненанесение вреда собственной репутации. Настоящий совершенномудрый («цзюнь-цзы») никогда не должен забывать о самом главном в сыновней почтительности. Даже делая шаг, нельзя забывать о родителях, нельзя выбирать самую короткую дорогу и вести себя неосторожно, когда плывешь в лодке. Когда говоришь или слушаешь, также нельзя забывать о родителях. И тогда из уст твоих никогда не выйдут дурные речи и тебе не будут говорить ничего дурного. И тогда никто не будет ругать тебя, и родителям не будет стыдно за тебя. Как раз такие размышления об истинном характере *сяо/хэ* в связи с оплошностью Юэчжэна и привели его в подобное грустное расположение духа.

Как видно из текста биографии Юэчжэна, ее содержание *полностью отражает и отвечает* основным положениям «Канона сыновней почтительности». В этом смысле биография Юэчжэна является даже исключительной, потому что, кроме рассказа о самом Цзэн-цзы, никакие другие биографии в «Самган хэнсильдо» не являются настолько близкими по духу к этому классическому конфуцианскому трактату.

Далее в «Самган хэнсильдо» представлены еще четыре биографии, относящиеся к периоду до эпохи Хань. В них описываются поступки *обычных* людей, и нигде в этих рассказах пока еще не встречаются акты *самопожертвования*.

В рассказе о **Ян Сян** (양 향, 楊香), 14-летней девушке из княжества Лу, повествуется о том, как во время полевых работ на ее отца Ян Фэна (楊豐) напал тигр и девушка, не имевшая никакого режущего или колющего предмета, побежала спасать отца, схватила тигра за шею и тем самым помогла отцу избежать гибели.

В рассказе о **Бай Юе** (백 유, 伯俞) говорится о том, что почтительный сын Бай Юй, никогда раньше не плакавший, когда мать наказывала его палкой за проступки, вдруг стал плакать, когда мать стала его бить в очередной раз. В ответе на вопрос о причине своих слез почтительный сын Бай Юй сказал, что он плачет потому, что побои палкой уже не так болезненны, как раньше (то есть мать стала стара, и Бай Юй печален из-за этого).

Лао Лай (노래, 老萊) из княжества Чу даже в возрасте 70 лет иногда надевал детские одежды и резвился перед домом так, словно он маленький ребенок. Так делал он тогда, когда престарелые родители выходили во двор отдохнуть, чтобы показать им, своим родителям, что они еще молодые²⁸.

Рассказ о некоем Гао Юе (고어, 皐漁) из княжества Чу в известной степени *переломный* в серии повествований о почтительности к родителям древних китайцев. До истории с Гао Юем все события, связанные с категорией *сяо/хё*, не носят в себе элементов жертвенности и не приводят к получению увечий или гибели героев повествований.

В рассказе говорится о том, что как-то Конфуций ехал по территории княжества Чу и вдруг услышал плач. Слез с повозки. Видит – стоит человек с ножом в руках и плачет. Это был Гао Юй. Конфуций спросил его о причине слез. Тогда Гао Юй ответил, что с детства он любил учение и, чтобы постичь мудрость, исколесил всю Поднебесную. А за это время его родители скончались. Хотел он отдать должное своим престарелым родителям, кормить их в старости, а они не дождались, умерли... Далее Гао Юй продолжал, что время таково – если уйдет, и не вернешь обратно; родители – если скончаются, то невозможно последовать за ними (чтобы прислуживать). И так продолжал, стоя, горько плакать и умер (в тексте не указано, почему он умер – от переживаний или же применив нож, который держал в руках).

Конфуций же, вернувшись домой, очевидно, рассказал об этом эпизоде своим ученикам, и 13 человек из них начали старательно заботиться о своих престарелых родителях.

В этом рассказе о Гао Юе персонаж Конфуция появляется в тексте «Самган хэнсильдо» уже во второй раз. И здесь Конфуций также является участником происходящих событий (в первый раз читатель «Самган хэнсильдо» видит Конфуция в эпизоде с его учеником Цзылу). Никаких особых поучений Конфуций не делает.

Зато впервые в «Самган хэнсильдо» приводится как пример почтительности к родителям эпизод, связанный с гибелью главного героя, что в принципе противоречит «классическим» положениям категории *сяо/хё*, призывающей прежде всего не навредить себе и продолжать свой род в поколениях – дело, начатое родителями. В гл. 6 «Комментариев» «Хёгён онхэ» («Сяо цзин да и») сказано: «Отец и мать рожают его (ребенка), п о э т о м у [в жизни] нет ничего больше, чем продолжение рода»²⁹.

²⁸ Там же. С. 40–44.

²⁹ Там же. С. 46.

Вообще, судя по тексту трактата «Самган хэнсильдо», для Китая эпоха Хань в некотором роде является как бы *первым рубежом* в восприятии категории почтительности к родителям. Если до эпохи Хань эпизоды, иллюстрирующие категорию *сяо/хё*, связаны с заурядной, «повседневной» жизнью персонажей, то начиная с эпохи Хань появляются мотивы, связанные с *самопожертвованием*, пока еще не обязательным и не всегда реализующимся.

2.4. КИТАЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ ХАНЬ

Первой биографией в «Самган хэнсильдо», описывающей деяния почтительности к родителям китайцев эпохи Хань, является биография некой **Ти Ин** (제영, 提榮 с ключом «нить» вместо «руки»; 榮 с нижней частью «нить» вместо дерева), пятой дочери в семье выходца из княжества Ци по имени Чуньюй И (순우 의, 淳于意). Администрация ханьского императора Вэнь-ди схватила отца девушки по несправедливому обвинению в нарушениях закона, и приговорила к телесным наказаниям. Тогда младшая дочь Ти Ин составила письмо на имя императора, в котором отстаивала невиновность отца и просила, чтобы вместо отца наказали ее, опасаясь, что отец, не выдержав жестоких наказаний, может умереть. Император Вэнь-ди растрогался, провел дознание, снял все обвинения и освободил отца³⁰. В этом эпизоде почтительная к отцу дочь еще не жертвует собой, но готова отдать за него жизнь.

С другой стороны, с точки зрения «классического *сяо*» («почтительности к родителям») дочь не является продолжателем рода и ее смерть не нарушает основных принципов *сяо/хё*, предназначенных прежде всего для мужской части населения.

Далее в тексте «Самган хэнсильдо» представлены еще 18 рассказов, знакомящих с эпизодами проявления почтительности к родителям китайцев эпохи Хань³¹.

Из этих 18 описаний поведения в рамках категории *сяо/хё* только в двух описывается поступок женщин. В частности, один из рассказов повествует о том, что некая госпожа **Чэнь** (진씨, 陳氏) осталась жить с матерью погибшего мужа, не вышла замуж вторично и кормила одинокую свекровь в течение 28 лет.

В остальных описаниях «главные герои» мужчины. В трех случаях говорится о ситуации на грани самопожертвования или о пожертвовании, но собою жертвует, то есть в конечном итоге погибает, только женщина. Мужчин же эпохи Хань спасает чудо, «растрогавшееся Небо».

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Тексты всех указанных 18 биографий почтительных детей эпохи Хань см.: Там же. С. 50–84.

Погибшая женщина – некая **Цао Э** (조 아, 曹娥), отправившаяся искать труп утонувшего отца, чтобы совершить похороны. Отца не нашла, поэтому решила утопиться в реке. Однако через некоторое время сельчане обнаружили ее всплывший труп, в обнимку с трупом отца, и устроили похороны обоим.

Два другие случая, связанные с самопожертвованием, следующие. У некоего **Гу Чу** (고 추, 古初) умер отец. Гу Чу приготовил все для похорон, положил отца в гроб. В это время загорелся соседний дом и огонь вот-вот должен был перекинуться на дом Гу Чу, а гроб было вынести из дома невозможно. Тогда Гу Чу накрыл гроб своим телом, чтобы защитить его, и пожар прекратился.

Во втором случае речь идет о бедных супругах, кормивших престарелую мать. Еды и для матери не хватало, а та старалась все время оставить лучшее для трехлетнего внука. Тогда родители младенца, **Го Цзюй** (곽 거, 郭巨) и его жена, решили убить сына, закопав его в землю (чтобы больше еды доставалось матери). Пошли в горы, стали рыть яму и нашли золото, поверх которого была надпись, гласившая о том, что это Небеса посылают подарок почтительному сыну. Таким образом, появились средства, чтобы кормить мать, и в то же время маленький сын был спасен.

Однако, за исключением указанных выше четырех случаев, во всех остальных проявление сыновней почтительности ханьцев является *нормальным*, не выходящим за рамки разумного и отражающим основные положения «Канона сыновней почтительности». Герои рассказов как простолюдины, так и представители высших сословий. В рассказах говорится о том, что всякий почтительный к родителям чиновник хорошо управляет своими подчиненными. Последнее также является иллюстрацией к основным положениям «Сяо цзина», связывающим успешное управление государством со степенью действенности категории *сяо/хэ*. Например, у некоего **Лянь Фаня** (염 범, 廉范) отец умер на чужбине, и сын отправился за гробом. На обратном пути лодка, в которой перевозили гроб, стала тонуть. Лянь Фань бросился спасать гроб. Окружавшие люди, увидев действия почтительного сына, помогли ему. Впоследствии Лянь Фань стал губернатором и управлял народом настолько хорошо, что люди сложили об этом песни³².

В нескольких случаях сюжеты о почтительных ханьцах содержат описание таких фантастических событий, которые скорее похожи на вымышленные произведения китайской классической прозы, а не на повествование о реально произошедших событиях.

³² Там же. С. 56.

Так, у некоего **Дун Юна** (동영, 董永) умер отец. Денег на похороны не было, и Дун Юн занял деньги, сказав, что, если не сможет отдать долг, то «продаст себя в рабство» (то есть станет лично зависимым) и вернет деньги. Так и произошло. Новый хозяин находился в другом селении. Когда Дун Юн шел туда, по дороге ему встретила женщина, сказавшая, что хочет стать его женой. Дун Юн очень удивился. Ведь он беден и разве может быть женщина, желающая стать его женой? Однако он согласился на настойчивые просьбы женщины. У нового хозяина жена Дун Юна стала работать вместе с мужем. Хозяин спросил жену, что она умеет делать. Та ответила, что умеет хорошо ткать. Хозяин сказал: «Соткешь за месяц 300 рулонов шелка, отпущу обоих на волю». К удивлению хозяина, женщина действительно выполнила его повеление и супруги были отпущены к себе домой. На обратном пути в том месте, где Дун Юн встретил свою супругу, та сказала ему, что она – не простая женщина, а Небесная Ткачиха, посланная Небесами, чтобы помочь почтительному Дун Юну. Теперь ее миссия выполнена и она возвращается обратно. Сказав это, вознеслась на Небо³³.

И, наконец, очень важными в рассказах о почтительности к родителям ханьцев являются сюжеты, в которых появляется *рыба*. Дело в том, что впоследствии, в частности в Корее периода Чосон (1392–1897), рыба стала символом почтительности к родителям и часто была представлена в изобразительных сюжетах (картины, деревянные скульптуры), связанных с категорией *сяо/хё*. Впервые в тексте «Самган хнсилъ хёчжадо» образ рыбы в связи с почтительностью к родителям появляется как раз в рассказах, посвященных реализации *сяо/хё* в империи Хань.

Так, некто **Цай Шунь** (채순, 菜順) был очень заботлив по отношению к своей престарелой матери, всегда собирал для нее лучшие ягоды тутовника (оставляя худшие себе), чем даже растрогал разбойников. Когда мать скончалась и еще была в гробу, в деревне случился пожар, грозивший спалить дом Цай Шуня. Тогда он обратился к Небесам и пожар миновал его дом. А потом с Небес спустилась волшебная рыба, которую Цай Шунь поднес во время церемонии кормления духа матери³⁴.

Еще один пример, связанный с рыбой, рассказывает о некоем **Цзян Ши** (강시, 姜詩), который также был очень заботлив по отношению к матери, ходил за многие «километры» (*ли*), чтобы принести матери речной воды, которую она очень любила. И однажды около дома Цзян Ши вдруг появился источник, в котором была вода, напоминавшая по вкусу речную, и каждое утро из источника выплывали по две рыбы, которых за-

³³ Там же, С. 74.

³⁴ Там же, С. 52.

тем ловили, готовили и подавали к столу. В дальнейшем Цзян Ши был пожалован высокой чиновничьей должностью.

Любопытно заметить, что «персонаж» рыбы в ханьских рассказах о почтительности к родителям всегда (1) связан с чудесами и (2) появляется в случае заботы сына о матери.

В целом примеры сыновней почтительности китайцев эпохи Хань не выходят за рамки основных постулатов «Канона сыновней почтительности», нередко напрямую иллюстрируют их, а по форме очень «живы», близки к китайской классической художественной литературе.

В заключение раздела о ханьских биографиях почтительных сыновей хотелось бы привести пример некоего **Юань Цзюе** (원 각, 元覺), жившего на рубеже эпохи Хань и последующего периода раздробленности (Троецарствия, Южных и Северных династий). Этот пример как раз иллюстрирует гл. 13 «Комментариев» корейского перевода и комментариев к «Трактату о почтительности к родителям» («Хёгён онхэ», для которого оригиналом, в свою очередь, послужила китайская версия текста, называвшаяся «Сяо цзин да и»), утверждающую, что истинный почтительный сын должен спорить с отцом, если тот не прав.

Отец Юань Цзюе, которого звали Юань У (원 오, 元悟), очень не любил своего престарелого отца и как-то повелел своему сыну, Юань Цзюе, погрузить деда на носилки, отнести в горы и оставить там (чтобы тот умер и не мешал жить). Юань Цзюе выполнил указание отца. Однако, вернувшись домой, стал тщательно прятать только что использованные носилки. Когда отец спросил Юань Цзюе, зачем он это делает, тот сказал так: когда его отец станет старым, он тоже отнесет его на этих носилках в горы умирать, подобно тому как это было сделано с дедом. Услышав слова сына, Юань У устыдился своего поступка, и вернул отца домой³⁵.

2.5. КИТАЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ПЕРИОДОВ ТРОЕЦАРСТВИЯ, ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЙ И ДИНАСТИИ СУЙ

С III в. н.э. в Китае наступила эпоха раздробленности, продолжавшаяся до конца VI в. Борьба между многочисленными китайскими и иноморскими царствами за гегемонию вылилась в рост насилия, в постоянную нестабильность в них.

В этот же период в Китае стали популярны всевозможные учения, связанные с поиском средств, обеспечивающих бессмертие, общение с духами и освоение разного рода «магических» приемов. В частности, дао-

³⁵ Там же. С. 86.

сизм во многом утерять свою философскую направленность и продолжил развитие в направлении *магии*³⁶.

Все эти изменения в развитии китайской истории и китайской общественной мысли отразились и в рассказах об актах почтительности к родителям. В отличие от предшествующего периода, длившегося вплоть до конца эпохи Хань, в сюжетах, описывающих акты почтительности к родителям, появилось больше рассказов о разного рода чудесах и необычных явлениях, духах, голосах, вещающих из воздуха, и других фантастических персонажах, больше свойственных классической китайской прозе, нежели повествованиям, так или иначе должным быть связанными с реальными историческими событиями. Кроме того, и сами описываемые примеры почтительности к родителям все чаще рассказывают не об *обычных повседневных* поступках, на основе которых, согласно классическому «Канону сыновней почтительности», и должна строиться категория *сяо/хэ*, а о событиях экстраординарных, из ряда вон выходящих, делающие само почтительное отношение к родителям не нормой общественного поведения, а чем-то особенным. Особенное же не может стать общераспространенным. Таким образом, начиная с эпохи Троецарствия, Южных и Северных династий китайское представление о категории *сяо/хэ* (воспринятое и корейцами, что доказывается фактом составления рассматриваемого трактата) постепенно суживает его от нормы поведения всех до поступков отдельных «героев». Хотя акты самопожертвования во имя родителей, совершавшиеся в эту эпоху, пока еще достаточно редки.

Приведем ряд характерных примеров, иллюстрирующих эти положения.

Первые две биографии послеханьской эпохи описывают поступки в рамках категории *сяо/хэ* жителей *царства Шу* (蜀).

Так, некто по имени Ду Сяо (杜孝) находился на службе вдали от матери и не мог ухаживать за нею. Тогда он приобрел две рыбы, положил их в футляр из бамбука и пустил вниз по реке в надежде, что Небеса доставят его подарок к матери. Через некоторое время жена Ду Сяо, жившая вместе с матерью, вышла к реке, обнаружила плывущий футляр, подумала, что это от мужа, и выловила его. Затем приготовила имевшиеся в футляре рыбы и подала свекрови³⁷. В этом примере помимо описания *экстраординарного чудесного* события, связанного с поступком почтительности к родителям, важно и упоминание о рыбах.

³⁶ См., например: Китайская философия: Энциклопедический словарь, С. 97–98; Кубо Норитада. Тогёса [道教史. «История даосизма» (на кор. яз.)]. Сеул, 1990.

³⁷ Самган хэнсильдо. С. 88.

Как уже говорилось, *рыба* как *символ акта кормления родителей* появляется в рассказах о *сяо/хё* еще применительно к персонажам эпохи Хань. Однако почему именно рыба, а не другой продукт питания (скажем, особый сорт мяса) становится символом кормления родителей, и даже больше того – символом почтительности к родителям как таковой, сказать трудно.

Второй рассказ о жителе царства Шу **Мэн Си** (맹희, 孟熙) также связан с чудом, волшебством. Мэн Си был очень беден. Кормил своего отца, пытаясь продавать фрукты. После смерти отца стал еще беднее, так что даже не мог позволить себе купить соли. И вот однажды недалеко от того места, где он жил, в мышиной норе обнаружил золото и стал богачом. Золото было послано Небесами в награду за его заботу об отце³⁸.

Этот фрагмент «Самган хэнсильдо» любопытен тем, что демонстрирует очень важное изменение в восприятии категории *сяо/хё*, очевидно, оформившееся в Китае первой половины первого тысячелетия нашей эры. Почтительное отношение к родителям, забота о престарелых родителях – это часто *страдание, самопожертвование, совершение нестандартных поступков, за которые полагается награда*. И если награду не в состоянии обеспечить человеческое общество (хотя в примерах почтительного поведения награда нередко исходит как раз от людей), то это делают волшебные духи или всемогущие Небеса.

Приведем в качестве иллюстрации еще ряд биографий, описывающих чудесные события, связанные с категорией почтительности к родителям, проявленной китайцами между эпохами Хань и Тан.

Например, чудо происходит *во время совершения акта служения родителям* и помогает этот акт выполнить до конца.

Мэн Цзун (맹종, 孟宗) из *царства У* был почтительным сыном и самоотверженно заботился о своей матери. Как-то зимой больная мать захотела отведать молодых побегов бамбука. Мэн Цзун пошел в лес. Но в лесу вся земля была промерзшая, и ничего не росло. Тогда он горько заплакал, и вдруг из промерзшей земли выросла пара молодых побегов. Обрадованный Мэн Цзун срезал их, сам сварил для матери похлебку, мать отведала ее и выздоровела³⁹.

У **Юй Цзыюя** (유자여, 庾子輿) отца отправили служить в провинцию. Сын отправился вслед за отцом, чтобы прислуживать и помогать отцу в делах. По дороге отец скончался от тяжелой болезни. Сын решил отвезти гроб с телом отца на родину. Нужно было плыть по реке. А в это время года река была необычайно бурная и предстояло преодолеть несколько очень опасных мест. Однако как только Цзыюй с гробом сел в

³² Там же. С. 90.

³⁹ Там же. С. 94.

лодку, река успокоилась и была спокойной на всем пути следования. Но стоило лодке пройти мимо, как вода в реке снова становилась бурной. Кроме того, всю дорогу в лодке жила пара голубей, которая потом переселилась к могиле, и их воркование было похоже на то, будто они оплакивают отца⁴⁰.

Однако в представляемом фрагменте «Самган хэнсильдо» есть и другие варианты чуда, когда всевозможные необычные происшествия (положительного характера) происходят с героем повествования уже *после совершения акта почтительности как вознаграждение* за совершенный праведный поступок служения родителям.

Так, у некоего **Ван Пэна** (왕 췁, 王 彭) из *царства Сун* рано умерли родители. Он и его братья, как полагается почтительным сыновьям, полностью соблюли положенные церемонии траура. Как-то братья решили наладить производство кирпичей, но нигде не было воды, необходимой для их лепки. Как ни копали колодцы, воды в них не появлялось. Тогда некий дух сделал так, чтобы около места, где братья хотели делать кирпичи, вдруг забил источник и все проблемы с производством кирпичей были решены⁴¹.

У **Ван Суна** (왕 숭, 王 崇) из царства *Позднее Вэй* умерла мать, и он был в глубоком трауре. Соорудил жилище у места, где хранился гроб. Его траур был настолько глубок, что от переживаний он даже истощился физически. Затем у Ван Суна умер отец, и Ван Сун тоже полностью соблюдал все церемонии, связанные с трауром. Через некоторое время в местности, где жил Ван Сун, выпал крупный град. Градом убило всех птиц и животных, уничтожило все растения. И только поле Ван Суна размером в 10 цин (頃)⁴² совершенно не пострадало⁴³.

Однако вознаграждение за образцовое служение родителям исходит не только из потустороннего мира. В рассматриваемом разделе «Самган хэнсильдо» приводятся примеры, когда за самоотверженную заботу о родителях императорский двор жаловал почтительного сына всевозможными подарками и привилегиями.

Так, у **Лю Иня** (유 은, 劉 殷) из *царства Цзинь* рано умер отец, и Лю Инь жил вместе с престарелой прабабушкой. Как-то зимой прабабушка захотела очень редких ягод (dropwort; Japanese parsely). Лю Инь пошел в горы, но, естественно, ничего не нашел. Заплакал. Вдруг откуда ни возьмись появились эти ягоды. Лю Инь принес их домой, и сколько бы

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 112.

⁴² В эпоху Тан размер одного цин поля составлял около 5,8 га (см., например: *Пак Сонхун. Танвио сачжон* [«Словарь единиц измерения»]. Сеул, 1998. С. 42).

⁴³ Самган хэнсильдо. С.128.

прабабушка их ни ела, ягод так и не убавлялось. А потом Лю Иню приснилось, что какой-то человек сказал, что под забором его дома зарыто зерно. Утром он встал и действительно выкопал из-под забора 15 мер (鍾) зерна. Правитель Цзинь прослышал обо всех этих чудесных событиях, связанных с образцовым поведением Лю Иня, и освободил его от налогов и трудовых повинностей, одарил одеждой и продовольствием⁴⁴.

Ван Сюйчжи (왕 허지, 王虛之) из *царства Ци* в возрасте 13 лет похоронил мать, в 33 – отца. Как полагается, соблюдал траур по родителям. И даже больше: в течение 25 лет вел очень скромную жизнь, не брал в рот соли (то есть не ел вкусной пищи в знак траура по родителям). Однажды он сильно заболел. Кто-то пришел в дом к Ван Сюйчжи и сказал ему, что он – образцовый почтительный сын и скоро выздоровеет. Так и произошло. А после этого мандариновое дерево, посаженное у могилы родителей, дважды плодоносило зимой, а земляничное дерево (양매 楊梅) – трижды. Прослышавший об этом государь У-ди (武帝) освободил Ван Сюйчжи от налогов на три года⁴⁵.

Очень важно, что в представляемом разделе «Самган хэнсильдо» также присутствуют примеры с актами сыновней почтительности не только простолюдинов, но и *представителей служилого сословия*. Ведь исходя из положений *классического* «Канона сыновней почтительности» категория *сяо/хё* важна прежде всего потому, что помогает в делах управления страной.

Во всех примерах служения родителям чиновников (или будущих чиновников), представленных в «Самган хэнсильдо», говорится о том, что управление этих чиновников на местах было образцовым и обеспечивало гармонию, поскольку герои рассказов были почтительными сыновьями.

У **Шэн Яня (성 언, 盛彦)** из *государства Цзинь* была слепая мать. Сын лично заботился о том, чем мать кормили, и сам всегда проверял на вкус то, что ей подавали. Однажды слепая мать заболела. Из-за болезни слишком много дел свалилось на слугу. Не обходилось и без попреков. Тогда слуга, когда Шэн Янь не было дома, решил отомстить этой семье и накормил мать личинками мух. Та, хотя и почувствовала неладное, сказала слуге, что вкусно. А сама потом показала сыну то, чем кормил ее слуга. Сын, увидев личинки мух, страшно разозлился, но в этот момент мать вдруг прозрела. В дальнейшем Шэн Янь получил высокую должность при дворе⁴⁶.

⁴⁴ Там же. С. 100. – В тексте источника есть комментарий, что рассказ взят из китайского памятника «Иллюстрации [поступков] двадцати четырех почтительных [детей]» – 二十四孝圖.

⁴⁵ Там же. С. 116.

⁴⁶ Там же. С. 98.

У Ван Сяна (왕 상, 王 祥) рано умерла мать и отец женился вторично. Мачеха не любила приемного сына, всячески наговаривала на него. У слушавшего жену отца также не добавлялось любви к сыну, и он всегда посылал его делать самую тяжелую и грязную работу по дому. Тем не менее Ван Сян был почитителен к родителям. Когда они болели, Ван Сян лично готовил лекарства и проверял их на вкус. Как-то раз мачеха захотела зимой рыбы, и Ван Сян отправился к реке рубить лед. Однако как только Ван Сян пришел к реке, лед сам разверзся и на поверхность выскочили два карпа. Потом, когда мачеха пожелала отведать мяса воробьев, воробьи вдруг сами слетелись к дому, так что их было очень легко поймать. Когда оба родителя умерли, траур Ван Сяна по ним был настолько велик, что он очень ослабел и не мог подниматься с постели. Впоследствии Ван Сян стал высокопоставленным чиновником и высоко продвинулся по службе.

Рыба, как продукт, связанный с категорией «почтительности к родителям» *сяо/хё*, также присутствует и в представляемой части «Самган хэнсильдо», описывающей события, происходившие в период между эпохами Хань и Тан. Рыба как символ кормления родителей есть и в истории с Ван Сяном, представленной выше, и в биографии *Доу Сяо*, открывающей серию персонажей периода Троецарствия.

В блоке Троецарствия, Южных и Северных династий, а также династии Суй практически нет «нормальных» рассказов об актах почтительности к родителям, то есть таких, где бы не присутствовало какое-либо чудесное явление или экстраординарные поступки. А ведь именно *повседневное* правильное поведение в рамках категории *сяо/хё* всех социальных слоев общества, а не какие-либо экстраординарные поступки были основой «классической» почтительности к родителям, отраженной в трактате «Сяо цзин» («Хёгён»).

В рассматриваемой части «Самган хэнсильдо» лишь три рассказа более или менее соответствуют «классическим» представлениям о категории *сяо/хё*, одни из которых можно даже назвать «классическим образцом».

У некоего Ван Фу (왕 부, 王 符) из *царства Вэй* отец служил у полководца Сыма Чжао (사마 소, 司馬 昭). В одной из битв полководец проиграл сражение и обезглавил отца Ван Фу за то, что тот считал Сыма Чжао виновным в поражении. Сын достойно похоронил отца. Нигде не служил, хотя его и призывали на службу. Позже похоронил мать и жил у

могил своих родителей, читая стихи из китайского классического «Канона стихов» («Ши цзин») ⁴⁷.

Сюй Цзы (허 자, 許孜) из *империи Цзинь* учился у известного цзиньского сановника по имени Кун Чун (공 춘, 孔沖). Когда учитель скончался, то он носил по нему траур три года, как по отцу. Когда скончались родители, Сюй Цзы совершил все полагающиеся церемонии траура, построил жилище около могилы родителей и жил там. Посадил около могилы сосны и каштаны (잣나무) ⁴⁸, и в эту рощу часто приходили звери.

«Образцовой», как уже говорилось выше, биографией в рассматриваемом блоке является биография **Лу Цао** (노 조, 盧操) из *империи Суй*. Лу Цао жил с мачехой, и у него было еще три младших брата. С девяти лет он выучил наизусть классические конфуцианские трактаты «Сяо цзин» и «Лунь юй» («Беседы и суждения»). Был почтителен к мачехе и с любовью относился к младшим братьям, несмотря на то что Лу Цао всегда поручали самую трудную работу и обращались с ним почти что как со слугой. Когда мачеха умерла, он совершил весь необходимый ритуал, как если бы она была его родной матерью. Лу Цао хорошо выучил своих младших братьев. Впоследствии, когда он стал начальником уезда Линьхэ (임하현위, 臨河縣尉), то каждое утро читал трактат «Сяо цзин». Когда доходил до последней главы «Траур по родителям» («старого» текста памятника), всегда плакал. Как сановник Лу Цао был очень пунктуален в расследовании дел, а также тактичен и добр к людям ⁴⁹.

Однако, как уже говорилось, подобное «классическое» описание акта почтительности к родителям является скорее исключением. Тенденция в подборке деяний почтительных сыновей периода Троецарствия и Южных и Северных династий ⁵⁰ состоит в появлении все большего числа биографий, описывающих акты самопожертвования или действия из ряда вон выходящие, требующие неординарных качеств со стороны исполнителя (почтительного сына или дочери). Другими словами, именно в рассматриваемую эпоху категория «почтительности к родителям» *сяо/хё* начинает превращаться из *нормы повседневной жизни* большинства людей в герои-

⁴⁷ Там же. С. 92. – «Нормальной» эту биографию также можно назвать весьма условно. Правда, в ней нет описаний чудесных событий или каких-либо особых подвигов. Однако нежелание находиться на государственной службе и слишком долгий траур по родителям также противоречит основным положениям «Сяо цзина» («Хёгёна»).

⁴⁸ С точки зрения традиционной дальневосточной геомантии, лучшее место для могилы то, около которого, в частности, есть сосновая роща. Наличие сосновой рощи было обязательным условием при определении места для гробниц дальневосточных монархов. Сосна на Дальнем Востоке – символ вечности и неизменности.

⁴⁹ Самган хэнсильдо. С. 136.

⁵⁰ Кстати, именно для этой эпохи характерно отсутствие женских персонажей в актах служения родителям.

ческие поступки отдельных личностей, в поступки, которые способен совершить далеко не каждый. То есть сфера реализации *сяо/хё* постепенно все более сужается.

Один из наиболее ярких примеров этого – история **Сунь Фацзуна** (손 법종, 孫 法宗) из *империи Цзинь*. Отец Фацзуна участвовал в «смуте», инициированной Сунь Сы (孫 思), и погиб. Мать умерла с голоду. Осиротевший сын много скитался по стране, в конце концов решил вернуться домой. Обустроил могилу матери, решил также найти прах отца. Но как найти? Кто-то сказал, что если окропить своей кровью кости умершего и если кровь впитается в кости, то это и есть прах родственника. Тогда Фацзун отправился искать своего отца на места прежних сражений. Бродил по берегу моря, и как только видел человеческие кости, делал надрез на своем теле и капал на них кровью. Истощился до крайности, но отца так и не нашел. Вернулся домой. Продолжал носить траурные одежды. Однажды заболел. Тогда к нему в дом пришел незнакомый человек и вылечил.

Некто **У Мэн** (오 맹, 吳 猛) из *империи Цзинь* летом никогда не отгонял от себя комаров и прочих кровососущих насекомых, позволяя кусать себя. Он объяснял это тем, что если будет отгонять вредных насекомых, то они полетят к отцу с матерью и будут кусать родителей⁵¹.

Указанные примеры противоречат одному из основных положений «Канона сыновней почтительности»: не навреди своему телу.

Несколько биографий из рассматриваемого фрагмента «Самган хэнсиль хёчжадо» описывают ситуацию, когда акт служения родителям происходит на грани самопожертвования.

У Цзи Фэня (길 분, 吉 扮) (второй иероглиф должен быть с ключом «крылья») из *империи Лян* отец был государственным служащим. Отца оклеветали, несправедливо осудили и приговорили к смертной казни. Тогда Цзи Фэнь, которому было всего 15 лет, вызвался взять всю вину несправедливо оклеветанного отца на себя и вместо него принять казнь. Поступок удивил императора У-ди (武帝) и, разобравшись в происшедшем подробнее, обоих отпустили.

Пань Цзун (반 중, 潘 綜) из *империи Цзинь* закрыл своим телом отца, когда на селение, где они жили, напали разбойники. Оба чуть не погибли, но появился один разбойник, который убедил своих сотоварищей, что негоже убивать почтительного сына, и обоих отпустили.

Самопожертвование, описываемое в рассматриваемом фрагменте «Самган хэнсиль хёчжадо», не всегда связано с риском для жизни. Иногда почтительному сыну приходится выполнять очень и очень неприятные вещи. Например, **Цянь Лоу** (검 루, 黔 (黑+今) 婁) из *царства Ци* при-

⁵¹ Самган хэнсильдо. С. 108, 110.

шлось пробовать на вкус экскременты отца, чтобы узнать, вылечился отец или нет (как указал врач)⁵².

Однако в последующие периоды династий Тан, Сун, Юань, Мин элемент жертвенности и неординарности в поступках, связанных со служением родителям, стал еще значительнее.

2.6. КИТАЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ ТАН, СУН, ЮАНЬ И НАЧАЛА МИН

Рассказы о почитительности к родителям, описывающие персонажи *эпохи Тан*, переживают коренную эволюцию, оказавшую воздействие на все последующее восприятие категории *сяо/хё* как в Китае, так и в Корее. Жертвенность, доходящая до членовредительства (что в принципе противоречит основным положениям классического «Канона сыновней почитательности»), постепенно становится нормой поведения в рамках категории *сяо/хё*.

В первом рассказе из серии о танских почитательных детях говорится о некоем **Ван Шаосюане** (왕 소현, 王少玄), который родился тогда, когда отца уже не было в живых. В возрасте десяти лет он узнал от матери, что его отец погиб в боях с войсками предшествующей империи Суй. Тогда Ван Шаосюань решил отправиться на поиски праха отца, чтобы похоронить его как следует. Кто-то сказал Вану, что прах отца можно определить, если окропить его кости собственной кровью. Те кости, которые впитают кровь, и будут прахом его отца. Так Ван Шаосюань и поступил. Ему удалось найти кости отца. Но от нанесенных себе ран он пролежал в постели больным почти год. Император Тай-цзун (сын основателя империи Тан) узнав об этом поступке, жаловал Ван Шаосюаня чиновничьей должностью.

Шэнь Цзицюань (심 계전, 沈季詮) бросился в бурные речные воды, чтобы спасти упавшую с моста мать. В дальнейшем губернаторы провинции устроили церемонию похорон матери (а впоследствии и сына)⁵³.

В семье **Цуй Шаньнаня** (최 산남, 崔山南) было очень много родственников (сам он представлял младшее поколение), даже жива была прабабушка. Бабушка Цуй Шаньнаня заботилась о своей свекрови (прабабушке): каждое утро расчесывала ей волосы, отвешивала поклоны и... кормила грудью, так как у свекрови уже не осталось зубов. Благодаря этому кормлению прабабушка не только долго жила, но и избавилась от многих болезней⁵⁴.

⁵² Там же. С. 106, 118.

⁵³ Там же. С. 138–140.

⁵⁴ Там же. С. 152.

В рассматриваемом блоке есть еще несколько «приемлемых» с точки зрения классического *сяо/хё* биографий почтительных сыновей, совершающих *самоотверженные поступки*, но уже получающих за это *награду* в виде чиновничьих должностей или особых почестей со стороны государства.

Сюй Дань (許坦, 許坦), когда ему исполнилось десять лет, отправился вместе с отцом в горы собирать лекарственные растения. Вдруг на отца напал тигр. Тогда Сюй Дань не растерялся, схватил палку и стал отчаянно бить тигра. Тигр убежал, и отец, таким образом, спасся. Когда император Тай-цзун узнал об этом поступке, то даровал семье пятьдесят рулонов ткани, а самому Сюй Даню пожаловал чиновничью должность⁵⁵.

Один из рассказов о почтительных сыновьях повествует об известном танском сановнике по имени **Ди Жэньцзе** (狄仁傑, 狄仁傑), который сумел даже повлиять на мать-императрицу У-хоу (武后) и помешать попытке отстранения от престола императора Чжун-цзуна (中宗; 684–710 гг.). Никаких особых поступков по отношению к *своим* родителям он не совершал. Единственное, можно говорить о том, что как-то раз, поднявшись в горы Тайсиншань (太行山), он посмотрел на облака на горизонте и с грустью подумал о том, что где-то там далеко, под этими облаками живет его мать (которой он не может прислуживать)⁵⁶.

Этот пример очень важен в том отношении, что показывает: по крайней мере, в эпоху Тан категорию почтительности к родителям *сяо/хё* все еще связывали с задачей *правильного управления государством* (как это было указано в основных главах «Канона сыновней почтительности»).

В повествовании о почтительных к родителям детях эпохи Тан сохранилось и несколько биографий, рассказывающих о чудесных событиях, связанных со служением родителям. Однако количество таких биографий по сравнению с предшествующими периодами Троецарствия и Южных и Северных династий уже значительно меньше.

У некоего **Лю Чжэна** (劉政, 劉政) мать, достигнув средних лет, ослепла. Тогда Лю Чжэн возжег благовония и стал молиться различным духам и божествам. И через десять дней мать прозрела. Когда мать умерла, Лю Чжэн построил у ее могилы шалаш и жил рядом, оплакивая ее⁵⁷.

Однако в «танском блоке» биографий почтительных детей примеров *повседневного проявления* категории *сяо/хё* уже практически нет, и на смену им все больше приходят описания поступков, связанных не только с какими-либо экстраординарными действиями, не приносящими вреда

⁵⁵ Там же. С. 138–142.

⁵⁶ Там же. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 154.

«герою» повествования, но и описывающих кровавое членовредительство, идущее вразрез с классическим представлением о почитительности к родителям (и шокирующее европейского читателя).

Так, **Лю Минда** (유 명달, 劉明達) со своей женой усердно ухаживал за матерью. Как-то в неурожайный год Лю посадил свою мать в повозку и вместе с семьей отправился в местность Хэян (河陽) в надежде добыть там пропитание. Однако по дороге еда закончилась, мать стало нечем кормить. Тогда родители решили продать своего малолетнего сына, и на прощание мать накормила младенца грудью...⁵⁸

Наиболее шокирующим в указанной категории биографий (как с точки зрения европейца, так и с точки зрения классических представлений о *сяо/хэ*) является описание поступка жены некоего **Ван Уцзы** (왕 무자, 王武子), который служил вдали от дома, а его жена жила вместе со свекровью, прислуживая ей. Однажды свекровь заболела. Тогда невестка отрезала от своей ноги часть плоти, сварила из нее суп и накормила им свекровь. Свекровь отведала супа и выздоровела. Император, узнав об этом, пожаловал обеим женщинам почетные титулы.⁵⁹

Описания служения родителям почитительных детей *эпохи Сун* отличаются большей приближенностью к классическим представлениям о категории *сяо/хэ* по сравнению с предшествующей эпохой Тан. Всего в «сунском блоке» «Самган хэнсилъ хёчжадо» представлено восьми биографий с четким указанием на эпоху Сун и одна биография без указания на время описываемых событий, но предположительно также эпохи Сун, поскольку расположена среди биографий «сунского блока» («Почтительная жена [по фамилии] Чжао»; 趙孝婦).

В поступках почитительных сыновей и дочерей этого времени чуть меньше жертвенности, чуть меньше экстраординарности, хотя и то и другое присутствует в описаниях. В большом количестве биографий в качестве «героев» повествований выступают не простолюдины, а *государственные служащие* (четыре биографии из восьми). И это очень важно с точки зрения «классической» категории *сяо/хэ*, для которой важнейшим является не установление гармонии в отношениях дети–родители, а в *правильном управлении государством*.

У некоего **Доу Гао** (두 고, 杜羔) отец находился на военной офицерской службе и скончался вдали от дома. В годы военных смут у него пропала и мать. Доу Гао пытался найти могилу отца и свою мать, но у него так ничего и не получилось. Тогда он отправился вслед за старшим братом, ставшим судьей (택로 판관; 澤潞判官), к месту его службы. Как-то

⁵⁸ Там же. С. 156.

⁵⁹ Там же. С. 150.

находясь вместе с братом в присутственном месте, он услышал обращенный к себе голос старой женщины, сказавшей, что он очень похож на ее покойного мужа. Оказалось, что женщина – мать Доу Гао.

Вслед за этим удивительным событием братья и мать отправились искать могилу отца. В той местности, где предположительно должна была быть могила, родственники заночевали в буддийском монастыре и на одном из столбов деревянных строений обнаружили сделанную отцом надпись, в которой говорилось, что они могут спросить первого встречного в любой ближайшей деревне о его могиле. Так и случилось: нашли неподалеку 80-летнего старика, указавшего на могилу отца, которую впоследствии переместили на родину⁶⁰.

Когда **Шоу Чану** (수 창, 壽昌) было семь лет, его отец, губернатор одной из областей, выгнал мать из дома. Мать вышла замуж вторично, но теперь уже за простолюдина. Шоу Чан не видел мать почти 50 лет. И вот однажды он решил, оставив службу, отправиться на поиски матери. Ему удалось найти мать. Но губернатор, узнав, что Шоу Чан бросил службу, повелел ему вернуться обратно. Тогда Шоу Чан решил поехать к месту службы, взяв с собой мать и своих новых братьев и сестер. Когда мать умерла, соорудил ей достойную могилу, и белая ворона свила около могилы гнездо. Шоу Чан купил своим новым братьям и сестрам землю и дома, помог двум племянницам, потерявшим отца, выйти замуж и еще помог десяти беднякам устроить похороны⁶¹.

У **Сюй Цзи** (서 적, 徐積) отец умер, когда сыну было всего три года. Сюй Цзи очень грустил по этому поводу и каждое утро, просыпаясь, спрашивал мать об отце. Когда он вырос, то был также очень заботлив по отношению к матери. Каждое утро в парадной одежде совершал церемонию приветствия. Усердно учился. Когда пришло время сдавать государственные экзамены на получение должности, посадил мать в повозку и отправился в столицу (потому что мать было не на кого оставить). Успешно сдал экзамены и получил должность. Некто по имени Сюй Аньго (허 안국, 許安國) узнал о поступке Сюй Цзи и послал ему 100 *лян*⁶² золота в подарок, но Сюй Цзи отказался.

Так как отца Сюй Цзе звали Ши (石), что значит «камень», то Сюй Цзи избегал пользоваться каменной посудой и наступать на камни. Когда мать умерла, устроил подобающие похороны и весь период траура жил в шалаше у могилы. После окончания траура соорудил дома алтарь в честь родителей и прислуживал у алтаря (ставил угощения) как если бы родители были живы.

⁶⁰ Там же. С. 158.

⁶¹ Там же. С. 164.

⁶² *Лян* – традиционная мера веса; равна 37,301 г.

Впоследствии Сюй Цзи сделал успешную карьеру и был пожалован императором Ин-цзуном (1049–1053) шелком и зерном⁶³.

Су Сун (소송, 蘇頌) еще в ранней молодости стал губернатором. Однажды, когда вместе с матерью он направлялся по реке к очередному месту службы, разыгралась буря и лодка вот-вот должна была перевернуться. Тогда Су Сун, испугавшись за мать, прыгнул в воду и стал удерживать лодку в воде. Положение лодки стабилизировалось. Потом, когда сын с матерью сошли на берег, лодка тут же перевернулась. Все наблюдавшие это на берегу очень удивились. Впоследствии Су Сун дослужился до высоких придворных должностей и был удостоен почетного титула (조국공, 趙國公)⁶⁴.

Сунские биографии почтительных к родителям сановников демонстрируют приближенность к классическому подходу в восприятии категории *сяо/хё*. В биографиях практически нет описаний чудесных событий, нет жертвенности, но лишь образцовое с точки зрения *сяо/хё* поведение, проявляющее себя как в рамках семьи, так и распространяющееся на общество в целом. В двух биографиях из четырех сановники за свое образцовое поведение удостоиваются наград и почестей со стороны государства.

Однако есть в «сунском блоке» «Самган хэнсиль хёчжадо» и редкие описания *чудесных событий*. Так, например, некто **Вэнь Жан** (문양, 文讓) достойно заботился о матери, а когда она скончалась, решил вести со своим братом самостоятельно соорудить могилу, не прибегая к помощи слуг. Тогда тысячи ворон, собравшись в стаю, в своих клювах стали носить к месту могилы горсти земли и таким образом помогли братьям соорудить могилу матери⁶⁵.

Простолюдину по имени **У Эр** (오이, 吳二) во сне явился некий дух и предупредил, что тот вскоре умрет от молнии. Заботливый сын приготовил для матери еды и постарался сделать так, чтобы мать на некоторое время отправилась пожить к своей старшей дочери. Но ничего не сказал матери о видении, чтобы не расстраивать. Растроганный дух решил не забирать жизнь у заботливого сына⁶⁶.

Особое внимание следует обратить на описание служения родителям некоего **Го Цзуна** (곽종, 郭宗), который рано потерял отца. Жил вместе с матерью, всячески заботился о ней. Следил за тем, чтобы пищи, подавае-

⁶³ Самган хэнсильдо. С.166.

⁶⁴ Там же. С.168.

⁶⁵ Там же. С. 160. – В Китае, а также в Корее могила устроена таким образом, что по верх гроба, зарытого в землю, насыпается большой земляной холм, причем чем выше был статус человека при жизни, тем больших размеров сооружался могильный холм.

⁶⁶ Там же. С. 174.

мой матери в обед, не было слишком много. Ради матери в течение 30 лет не брал в рот спиртного, не употреблял лука и чеснока (чтобы не пахло дурно изо рта). Таким образом, мать Го Цзуна смогла дожить до 104 лет, сохранила хорошее зрение и могла хорошо кушать. Об этом стало известно при дворе императора Тай-цзуна (太宗, 976–997). Император приказал установить в селении Ворота славы (旌門) и освободил Го Цзуна от трудовых повинностей. После смерти матери Го Цзун настолько прилежно исполнял траурные церемонии, что от истощения сам чуть не умер.

Пример Го Цзуна вдохновил его земляков, и впоследствии в местечке Хуанъянь (황암, 黃巖) стало много таких, кто заботился о своих родителях.

Приведенная выше биография Го Цзуна очень важна с точки зрения «классического» понимания категории *сяо/хё*, поскольку в ней нет описаний никаких экстраординарных событий, но имеется указание на *распространение традиции служения родителям*.

Однако, несмотря на большую, чем в танскую эпоху, «сдержанность» и реалистичность описываемых поступков почтительных к родителям детей, в «сунском блоке» «Самган хэнсиль хёчжадо» есть две биографии с описанием *самопожертвований (вплоть до смертельного исхода)* во имя родителей. Правда, как и в эпоху Тан, жертвами выступают не «полноценные» мужчины (наследники и продолжатели рода), а женщины или малолетние дети (сыновья).

Так, во времена правления императора Гао-цзуна (高宗; 1127–1162) в Китае вспыхнуло восстание под предводительством И Кэфэна (일 과봉, 一 菓 (в предшествующем иероглифе вместо ключа «травя» должен стоять ключ «пещера») 蜂). Когда «разбойники» достигли местности, где проживала семья **Чжань** (참, 詹), дочь подумала, что вряд ли всем удастся выжить, и решила пожертвовать собой. Действительно, «разбойники» схватили старшего брата отца (父兄) Чжань и хотели его убить. Тогда девушка, которой было всего 17 лет, сказала, что чем всех без толку убивать, пусть лучше «разбойники» пощадят дядю, и тогда девушка пойдет с «разбойниками» и будет им прислуживать. Разбойники не тронули дядю, и девушка отправилась вместе с ними. Не успели они отойти на несколько *ли*⁶⁷ от деревни, как, проходя по мосту через реку, девушка бросилась в воду и покончила собой. Разбойники были поражены поступком Чжань⁶⁸.

У женщины по фамилии **Чжао**⁶⁹ (조, 趙) рано умер муж, и она воспитывала малолетнего сына. Несмотря на свою молодость, женщина не

⁶⁷ См. примечание 26.

⁶⁸ Самган хэнсильдо. С. 170.

⁶⁹ Традиционно в Китае и Корее женщин называли по фамилии.

вышла замуж вторично, а осталась жить со свекровью. Поскольку семья была бедная, то для прокормления свекрови Чжао приходилось работать служанкой.

Однажды Чжао, беспокоясь о том, что свекровь вдруг внезапно скончается, а гроб будет сделать не на что, решила заранее побеспокоиться об этом. Но денег на гроб не было, и Чжао *продала малолетнего сына*. Когда гроб был готов, вдруг в деревне случился пожар и огонь вот-вот должен был перекинуться на ее дом. Чжао вынесла свекровь во двор, но тяжелый гроб ей было не поднять. Тогда она заплакала и взмолилась, говоря, что продала единственного сына, и вот теперь купленный на деньги от продажи сына гроб сгорит... Как же так? В это время ветер внезапно переменял направление и дом (и гроб) остался невредим⁷⁰.

Девять биографий почтительных детей *эпохи Юань* (1280–1368) представлены так, будто Китаем не правила «варварская» монгольская династия и традиционная конфуцианская культура продолжала реализовываться в практических деяниях жителей Китая.

Большинство описаний поступков почтительных сыновей «юаньского блока» в целом следуют «традиции» подобных описаний предшествовавшей эпохи Сун. Большая часть указанных биографий так или иначе связана с актом некоторой жертвенности, однако в основном без нанесения увечий совершающему самопожертвование. Среди «героев» повествований о почтительности к родителям есть как простолюдины, так и представители высокопоставленных сословий. Также нередко встречается описание чудесных событий, сопутствовавших совершению акта служения родителям.

Так, у некоего **Ван Цзяня** (왕 천, 王 薦) отец сильно болел, и Ван молился Небесам о том, чтобы они продлили жизнь отца, пусть даже «забрав» часть его собственной. Действительно, отец выздоровел, и после этого Ван Цзянь, то ли во сне то ли наяву, увидел духа (神人), который сказал, что за сыновнюю преданность отцу Небеса даруют отцу еще 12 дополнительных лет жизни. Так и случилось: отец прожил еще 12 лет, а затем скончался. Когда у Ван Цзяня заболела мать, то она сказала, что для ее выздоровления ей требуется съесть свежих огурцов. А дело было зимой. Ван Цзянь пошел в лес, долго бродил, взывая к Небесам, и нашел пару огурцов. Мать съела их и выздоровела.

У **Ян Хао** (양 호, 楊 好) сильно болела мать. Сын молился Небесам о том, чтобы болезнь вместо матери была ниспослана ему самому. Однако и мать выздоровела и сын не заболел. Потом мать вдруг ослепла. Тогда Ян Хао отправился в горы Тайбайшань, дошел до «волшебного источника»

⁷⁰ Самган хэнсильдо. С. 172.

(신천, 神泉), взял оттуда воды, принес домой, омыл матери глаза, она и прозрела. Когда мать скончалась, сын сильно переживал. Во время похорон вдруг разразился сильный дождь, однако на могилу не упало ни капельки воды⁷¹.

Тан Линь (탕 림, 湯霖) рано потерял отца и жил вместе с матерью, заботясь о ней. Как-то раз у матери случился жар, не помогали ни лекарства, ни заклинания. Тогда мать сказала, что если съест лед, то сразу выздоровеет. А дело было летом. Расстроенный Тан Линь отправился скитаться по округе и только рыдал. Вдруг услышал, как посреди пруда что-то шуршит. Посмотрел – а там плавают кусочки льда. Быстренько принес их матери, та съела льдинки и выздоровела⁷².

Кроме описания разного рода чудес, «юаньский блок» также дает примеры совершения выдающихся (на грани самопожертвования) поступков во имя родителей.

Некто **Сунь И** (손 익, 孫抑) сдал экзамен на получение ученой степени *цзиньши* (進士) и быстро продвигался по службе, достигнув высокой должности в Палате наказаний (형부랑중, 刑部郎中). В то время в Китае случилась смута (восстание Гуань Бао; 관 보 변란, 關保變亂). Сунь И решил увести своих родителей в более безопасное место, в Пинъян (平陽). Однако разбойники настигли Сунь И и его родителей, и под страхом смерти стали требовать у матери драгоценности. Сунь И закрыл мать грудью. Тогда разбойники оставили его и мать, но увели с собой отца. Отведя мать в безопасное место, Сунь И отправился на поиски отца. Многие его отговаривали, считая, что он погибнет, если отправится в «логово разбойников» на востоке страны. Однако Сунь И не испугался, нашел отца и смог возвратиться ему домой⁷³.

Следует отметить, что в «юаньском блоке» описаний поступков служения родителям появляется *новый элемент*: биографии, описывающие не просто самопожертвование, но смерть, иногда даже бесполезную с точки зрения классической категории *сяо/хэ*. Причем если в прежних описаниях деяний почтительных детей *субъектами жертвы со смертельным исходом* всегда были женщины, то начиная с эпохи Юань *впервые* появляются мужчины.

В 1366 г. Китай в очередной раз был охвачен всевозможными смутами и выступлениями «разбойников». Так, «разбойники» ворвались в дом **У Ю** (오 유, 吳祐) и, угрожая ножом, стали требовать у его матери драгоценности. Тогда У Ю заслонил собою мать и вырвал нож из рук раз-

⁷¹ Там же. С. 178–180.

⁷² Там же. С. 186.

⁷³ Там же. С. 188.

бойника, схватив нож за лезвие. Все пальцы рук стали изувеченными, и от боли У Ю упал без чувств. Когда он очнулся, то увидел, что мать жива; сказал, что теперь может умереть спокойно, и испустил дух.

Отец **Чжоу Юе** (주 악, 周樂), Чжоу Жичэн, был начитан в классике и талантлив в сочинительстве. Как-то раз на местность, где жили отец с сыном, напали пираты, схватили отца, увели его и заточили у берега моря. Сын пошел вслед за отцом. Через некоторое время предводитель пиратов повелел утопить отца в море. Тогда Чжоу Юе пришел к предводителю и просил умертвить его вместо отца, ссылаясь на то, что еще жива бабушка, мать отца, и нехорошо убивать ее сына. Но пираты не стали слушать и утопили обоих (перед смертью сын обнял отца)⁷⁴.

На *эпоху Мин* в «Самган хэнсиль хёчжадо» приходится всего три описания поступков служения родителям, что вполне объяснимо: ко времени составления трактата прошло немногим более шести десятков лет с момента воцарения династии Мин. Во всех трех описаниях почтительные дети получают за свои поступки вознаграждение; в двух из них описывается самоистязание, одно из которых – кровавое, с нанесением себе телесных повреждений. Это описание – последнее в блоке китайских биографий почтительных детей и, похоже, оказало огромное воздействие на корейское восприятие категории *сяо/хё*, поскольку именно в корейских описаниях поступков служения старшим родственникам больше всего примеров кровавого самопожертвования во имя старших родственников (родителей).

Приведем краткое содержание всех трех описаний актов служения родителям эпохи Мин, представленных в «Самган хэнсиль хёчжадо»⁷⁵.

У **Ван Сина** (왕 흥, 王興) заболела мать. У нее был очень сильный кашель, и ни лекарства ни заклинания не помогали ей. Тогда Ван Син каждую зиму, когда замерзала река Байгоухэ (백구하, 白溝河), выходил на реку, ложился на лед и молился Небесам. Так продолжалось три года, и через три года мать наконец выздоровела. Об этом поступке стало известно при дворе императора Тай-цзу (太祖; 1368–1398). Перед домом Ван Сина поставили Ворота славы и освободили от уплаты налогов на три года.

У женщины по фамилии **Чжэнь** (진씨, 진⁷⁶氏) рано умер свекор, и она жила вместе со свекровью. Муж женщины проживал отдельно от семьи вместе со своими младшими братьями. Как-то раз свекровь решила

⁷⁴ Там же. С. 190–192.

⁷⁵ Там же. С. 194–198.

⁷⁶ В программе поддержки иероглифики для корейского языка русскоязычного текстового редактора корпорации «Майкрософт» необходимый иероглиф отсутствует.

навестить своих сыновей и собралась в дорогу. Чжэнь тоже хотела пойти вместе со свекровью, но та запретила ей. Через несколько дней, после того как свекровь ушла из дома, Чжэнь вдруг почувствовала недомогание и подумала, не случилось ли что со свекровью. Предчувствие не обмануло женщину. К ней в дом пришел незнакомый человек и сказал, что свекровь заболела. Тогда Чжэнь поспешила отправиться к свекрови, несколько дней сидела у ее постели и выхаживала ее. Свекровь удалось вылечить, и она прожила до 91 года. Когда свекровь умерла, Чжэнь соблюла весь полагающийся траур и прожила у могилы три года. В 1383 г. в честь почтительной невестки в селении, где она жила, были установлены Ворота славы.

В 1374 г. муж женщины по фамилии Лю (류씨, 柳氏) решил вместе со всей семьей переехать в местность Хэчжоу (和州). По дороге свекровь заболела и невестка, надрезав свою руку и взяв из нее крови, приготовила для свекрови лекарство. Свекровь выздоровела. Потом по дороге свекровь заболела еще раз и Лю еще раз прибегла к такому же средству лечения. Когда приехали в Хэчжу, муж Лю умер...

Невестка осталась жить и ухаживать за свекровью. Когда та болела, сидела с ней рядом днем и ночью и отгоняла мошкар. Когда свекрови стало совсем плохо, отрезала часть плоти от своей ноги и положила в похлебку. Свекровь поела, и к ней вернулись силы. Пожив еще месяц, свекровь скончалась. Невестка хотела перенести могилу свекрови к свекру (чтобы они были вместе), но в течение пяти лет не смогла найти средств на это и только горько сокрушалась.

Обо всех этих событиях стало известно при дворе. Госпоже Лю прислали одежду, денег, установили Ворота славы у ее селения и освободили от уплаты налогов.

На таком весьма «жестоком», с точки зрения европейца, описании акта служения родителям заканчивается «китайский блок» «Самган хэнсилъ хёчжадо».

Далее следуют 22 описания корейских образцовых поступков служения родителям, из которых половина относится к правящей (на время создания памятника) династии Ли (эпоха Чосон), что противоположно «китайскому блоку» памятника, в котором правящей династии посвящены всего три рассказа из 89.

Из содержания «корейского блока» «Самган хэнсилъ хёчжадо» создается такое впечатление, что корейцы восприняли в качестве «образцовых» не рассказы, повествующие о *нормальной повседневной* жизни почтительных детей, а рассказы о поступках экстраординарных, жертвенных, связанных с болью и самоистязанием.

2.7. КОРЕЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ СИЛЛА

Несмотря на то что с формальной точки зрения в тексте «Самган хэнсиль хёчжадо» есть две «биографии», относящиеся к государству Пэкче (18 г. до н.э. – 660 г. н.э.), на самом деле эти биографии представляют события периода Объединенного Силла (660-е годы – начало X в.). Таким образом, в действительности описание корейских поступков почтительно-сти к родителям начинается только с VII столетия.

К государству Силла в «Самган хэнсиль хёчжадо» относятся две биографии, начинающие «корейский блок» памятника. Обе эти биографии, возможно, были заимствованы авторами «Самган хэнсиль хёчжадо» из исторического сочинения XII в. Ким Бусика «Исторические записи Трех государств» – «Самгук саги».

Дело в том что представленные в «Самган хэнсильдо» две силлаские биографии имеют некоторые текстуальные отличия от «оригинала» Ким Бусика.

Так, из основной части текста первой биографии о почтительной к родителям девушки по имени **Чиын** (지은, 知恩) в «Самган хэнсиль хёчжадо» «выпущено» 82 иероглифа (если сравнивать с версией «Самгук самги») и четыре иероглифа добавлены. Однако в целом от подобного сокращения содержание биографии принципиально не меняется.

Второе значительное отличие в описании поступка Чиын в двух вышеупомянутых памятниках – неодинаковое завершение биографии. Так, в сочинении Ким Бусика роль некоего «резюме» играет высказывание о высоких моральных качествах *хварана*⁷⁷ Хёчжона, сыгравшего положительную роль в судьбе героини биографии.

В «Самган хэнсиль хёчжадо», как и в большинстве представленных в памятнике биографий, в самом конце текста следует стихотворное словословие (詩), воспевающее поступок героини.

Что же особенного совершила Чиын? У девушки рано умер отец. Жила вместе с матерью. Так как о матери нужно было заботиться, то Чиын и в возрасте 32 лет все еще не была замужем. Поскольку семья ее была бедной, то приходилось работать по найму. Но все равно средств не хватало, и девушка продала себя в услужение⁷⁸ за десять *сом*⁷⁹ зерна. Еды

⁷⁷ *Хваран* (화랑, 花郎) – дословно означает «цветочный воин», «цветочный муж» – руководящее лицо в силлаской военно-патриотической организации для «аристократической» молодежи. Подробнее см., например: Хваран мунхва-ый син ёнгу [화랑 문화의 신연구. «Новое исследование культуры хваранов»]. Сеул, 1996; Күрбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002. С. 100–104.

⁷⁸ По версии «Самгук саги», девушка продала себя в рабыни (см.: Ким Бусик. Самгук саги. С. 186–187). В тексте «Самган хэнсиль хёчжадо» словосочетание «стала домашней рабыней» (爲婢) из текста биографии изъято.

⁷⁹ *Сом* – традиционная мера объема. В XX столетии примерно равнялась 180 л, в настоящее время соответствует 180,39 л.

в доме стало достаточно, но как-то раз мать спросила дочь, почему нынче еды много, но она с привкусом горечи? Девушка призналась, что втайне от матери продала себя. Обе стали горевать. В это время *хваран* по имени Хёчжон (효종랑, 孝宗郎) узнал о поступке девушки и послал в подарок семье одежду и зерна (100 *сом*). Также об этом поступке стало известно при дворе. Государь распорядился отправить семье 500 *сом* зерна, освободить от налогов и трудовых повинностей. Сообщение о поступке Чиын также было послано в танский Китай⁸⁰.

Таким образом, в служении Чиын своей матери присутствуют как *элементы жертвенности* (без членовредительства), так и *награда* за совершенный поступок.

Второй рассказ о поступке силлаской девушки по фамилии **Соль** (薛氏) несколько необычен и скорее напоминает рассказы о преданных женщинах (열녀, 烈女), хотя речь в нем идет также и о служении родителям.

Отец Соль был стар, однако ему все еще полагалось исполнять воинскую повинность и идти служить на охрану границ. Дочь очень переживала по поводу того, что, будучи девушкой, не может пойти вместо немолодого отца. Тогда молодой человек по имени Касиль (가실, 嘉實) вызвался идти на службу вместо отца девушки, а отец предложил молодому человеку свою дочь в жены. Молодые договорились о свадьбе (после возвращения молодого человека) и в знак уговора разделили металлическое зеркало на две половинки, каждую из которых взяли, соответственно, Соль и Касиль.

Касиль должен был вернуться через три года. Но он не пришел в срок. Тогда отец решил выдать дочь замуж за другого человека из их деревни. Однако девушка, верная обещанию, наотрез отказалась. Задумала убежать из дому, дошла до конюшни, увидела лошадь, оставленную Касилем, и заплакала. В это время как раз вернулся Касиль. Молодой человек от выпавших на его долю испытаний настолько изменился, что его было трудно узнать, если бы не половинки зеркала. В итоге все закончилось счастливо, молодые вступили в брак⁸¹.

В сравнении с версией биографии госпожи Соль, представленной в «Самгук саги», текст «Самган хэнсиль хёчжадо» также отличается значительными текстуальными сокращениями. В нем для описания поступка госпожи Соль использовано всего 174 иероглифа, в то время как у Ким Бусика – 500.⁸² Однако сокращению подверглись, очевидно, незначимые с

⁸⁰ Самган хэнсильдо. С. 200.

⁸¹ Там же. С. 202.

⁸² Ким Бусик. Самгук саги... С. 191–192.

точки зрения авторов «Самган хэнсиль хёчжадо» фрагменты. Такие, как, например, описание коня, которого Касиль оставил своей невесте, а также объяснение причин поступка юноши.

За биографиями силласцев следуют описания поступков *бывших пэкчесцев*. В тексте памятника, правда, указано только, что это были «люди Пэкче», однако в биографиях описываются события, относящиеся к середине VIII в., то есть времени, когда, по крайней мере формально, Пэкче уже на протяжении столетия входило в состав государства Силла.

Обе «пэкческие» биографии «ненормальны» с точки зрения классической категории *сяо/хё*, ибо повествуют о самопожертвовании с членовредительством. С другой стороны, хронологически они соотносятся с расцветом Китая эпохи Тан – той самой эпохи, с которой в самом Китае подобного рода самопожертвования стали признаваться за норму.

Хяндок⁸³ (향덕, 向德) отличался почтительностью к родителям. Был родом из Унчхона (웅천, 熊川). В 755 г. в Корее случился неурожай, и очень многие голодали. Хяндок был беден, и ему было нечем кормить престарелых родителей. Тогда он решил отрезать часть плоти от своей ноги и понемножку кормить ею родителей, чтобы те не умерли. Кроме того, когда однажды мать Хяндок заболела гнойным воспалением, он сам отсасывал гной и таким образом вылечил мать. О поступках Хяндок стало известно при дворе. Монарх пожаловал семье Хяндок 300 *кок*⁸⁴ (곡, 斛) риса и некоторое количество полей. Кроме того, установили каменную стелу, чтобы увековечить поступок Хяндок.

Текст биографии Хяндок, представленный в «Самган хэнсиль хёчжадо», также отличается тем, что значительно сокращен в сравнении с предположительным оригиналом биографии, заимствованным из «Самгук саги». В новой редакции «не хватает» 46 иероглифов из 145 и 4 иероглифа заменены. Однако, как и в случае с биографиями девушек – Чиын и Соль, сокращение носит стилистический характер, изымает из текста «ненужную», с точки зрения авторов «Самган хэнсильдо», информацию, как, например, указание на деревню, в которой родился Хяндок, или сообщение о том, что сначала сообщение о поступке Хяндок поступило от деревенского начальства в округ Унчхон, а уж затем окружное начальство доложило о нем государю⁸⁵.

Биография **Сонгака** (성각, 聖覺), также «бывшего пэкчесца», представлена в «Самган хэнсиль хёчжадо» со значительными купюрами: из оригинального текста Ким Бусика изъято более половины текста. Здесь

⁸³ Также встречается и другое прочтение имени описываемого персонажа: Сандок.

⁸⁴ Традиционная мера зерна; соответствовала 1 *сок* (см. примеч. 1).

⁸⁵ Ким Бусик. Самгук саги... С. 185–186.

следует отметить, что в случае с Сонгаком редакция «Самган хэнсильдо» является отнюдь не стилистической. Из текста его биографии полностью изъяты всякие упоминания о том, что Сонгак жил в буддийском монастыре (то есть был буддийским монахом) и что, совершив свой поступок служения родителям, молился (дословно «служил») Будде.

В версии биографии Сонгака из «Самган хэнсиль хёчжадо» сказано, что он жил вместе с матерью и заботливо ухаживал за ней. Как-то раз мать заболела и не могла есть растительную пищу. Тогда Сонгак отрезал часть плоти от своей ноги и накормил мать. Монарх поступил в этом случае почти так же, как и в случае с Хяндокком из Унчхона: наградил Сонгака 300 *сом* (섬, 石) риса⁸⁶.

Причина подобных купюр понятна. Трактат «Самган хэнсильдо», уже исходя собственно из его названия, должен был наглядно иллюстрировать *конфуцианские* добродетели. То есть акты служения родителям должны были совершать конфуцианцы или же «нейтральные простолюдины». Поэтому, очевидно, составители корейского трактата решили скрыть факт принадлежности героя к буддизму. Ко всему прочему трактат составлялся во времена правления государя Сечжона (1418–1450), то есть в период усиления гонений на буддизм. Поэтому буддийский монах не должен был быть персонажем, образцовым с точки зрения категории хё. С другой стороны, авторы «Самган хэнсильдо» не стали менять имя героя – имя не мирское, а явно буддийское: Сонгак означает «Прозревший мудрость».

2.8. КОРЕЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ КОРЁ. СРАВНЕНИЕ С БИОГРАФИЯМИ ИЗ «ИСТОРИИ КОРЁ» (高麗史) XV в.

Начало блока *семи биографий* почтительных детей эпохи Корё подтверждает авторское предположение о том, что поворот от классического восприятия служения родителям, не допускающего членовредительства, к самопожертвованию вплоть до самоистязаний и пролития крови произошел именно в эпоху Тан.

Как и в случае с биографиями персонажей эпохи Силла, все биографии почтительных детей эпохи Корё в «Самган хэнсильдо» заимствованы и присутствуют в официальной династийной истории эпохи Корё – «Корёса» (高麗史)⁸⁷. О прямом «заимствовании» здесь, правда, говорить не приходится, поскольку 137-томное сочинение «Корёса» начали составлять

⁸⁶ Самган хэнсильдо. С. 204–206.

⁸⁷ См. подробнее: Корёса [«История Корё»; переизд. оригинального текста памятника]. Пхеньян, 1958. Т. 3. С. 510–513.

лишь в 1449 г., а издали сочинение в 1451 г., в то время как «Самган хэнсильдо» было напечатано еще в 1433 г. С другой стороны, такая быстрая, всего за два года, публикация официальной династийной истории стала возможной только потому, что работа над составлением истории государства Корё была начата еще в 1392 г. В 1395 и в 1421 г. ко двору корейских государей представлялись различные варианты официальной истории Корё.

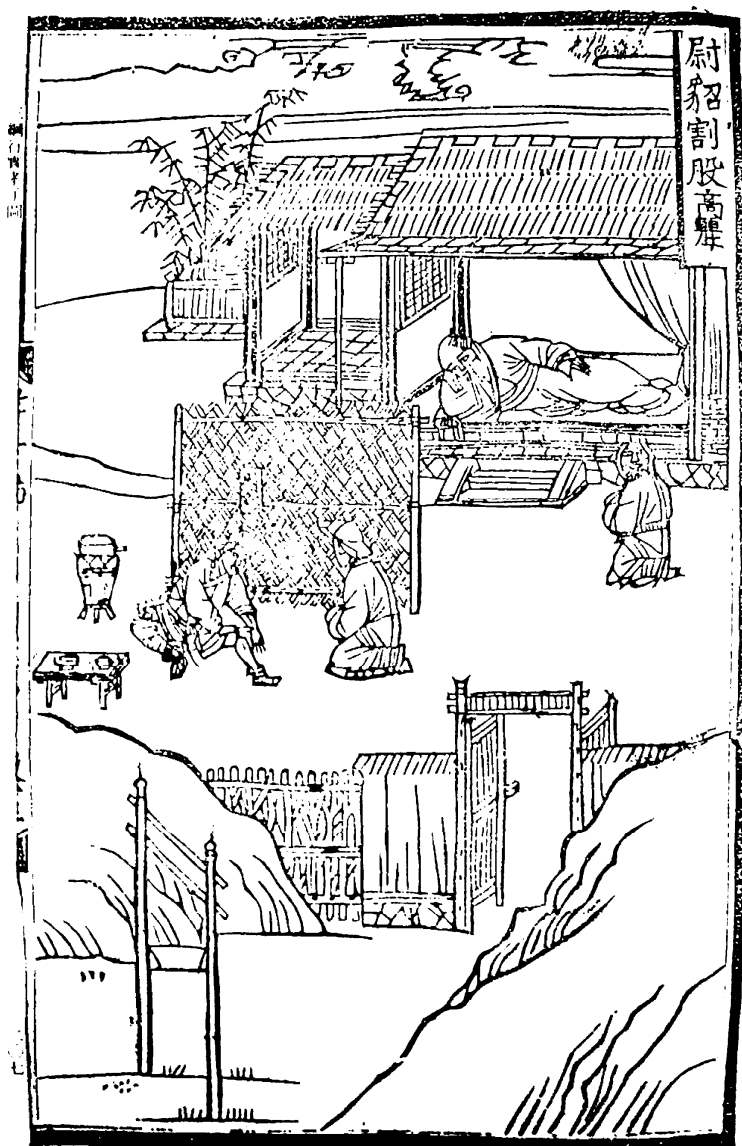
Очевидно, составители «Самган хэнсильдо» были знакомы с ранними текстами династийной истории и заимствовали информацию (тексты) о почтительных к родителям детях либо оттуда, либо же из «черновых» записей событий «силлок» (실록, 實錄), которые велись на протяжении всей истории предшествующей династии и на основании которых и должна была составляться будущая образцовая династийная история.

Однако в связи с тем что ранние версии «Истории Корё» недоступны, в настоящей работе сравнение текстов корёских биографий «Самган хэнсиль хёчжадо» будет проводиться в сопоставлении с текстами биографий из «Корёса».

В «Корёса» жизнеописания почтительных сыновей сведены в один раздел с биографиями верных друзей (우, 友) – одной из категорий конфуцианских «Пяти норм морали». В «Корёса» представлено большее количество рассказов о почтительных к родителям детях, чем в «Самган хэнсиль хёчжадо».

Первая биография «корёского блока» «Самган хэнсиль чёчжадо» посвящена человеку по имени **Ви Чхо** (위 초, 尉 紹). И это не случайно, в «Корёса» биография Ви Чхо только четвертая по счету. Основное содержание биографии следующее: как-то отец Ви Чхо сильно заболел. Врачеватель сказал, что вылечить болезнь отца можно только в том случае, если накормить отца плотью сына. Тогда Ви Чхо отрезал часть плоти своей ноги, положил в пельмени и подал отцу. Об этом событии стало известно при дворе, и *развернулась дискуссия* по поводу того, как же относиться к подобному странному поступку. Министр (재상, 宰相) Мун Чжун (문 준, 文 俊) сказал, что в Китае при династии Тан некий простолюдin по имени Ли Син из уезда Аньфэн сделал то же самое, то есть накормил отца плотью из своей ноги. Этот поступок был высоко оценен при дворе и были сооружены Ворота славы (정표, 旌表). А в Корее подобное совершил даже не кореец, а кидань (거란, 거丹). Так почему бы, подобно Китаю, также высоко не оценить аналогичный поступок и в Корее? Поэтому и в Корее нужно, чтобы, как и в Китае, соорудили Ворота славы в честь Ви Чхо и широко сообщили о его поступке⁸⁸.

⁸⁸ Там же. С. 208.

Рассказ «Ви Чхо отрезает плоть. Корё»

散貨同正尉。紹父永成患惡疾。醫云用子肉可治。紹即割
股肉。雜置餽餽中食之。王聞之。命宰相文俊等議其褒賞。
文俊等啓曰。唐安豐縣民李興。父被惡疾。興自割股肉。假
他物饋之。刺史上其事。旌表里閭。今紹本契丹醜種。不曉
文字。乃能不啖其身。能盡其孝。宜如舊典。旌表門閭。教可
。六尺微軀。父所生。為親寧有顧憐情。莫言割股求名
耳。厲疾必安。世共驚。紹也平生不學文。秉心為孝。自
起。安豐往。闕無人繼。樹表門閭。更播芬。

По сравнению с текстом биографии Ви Чхо, представленной в «Корёса», текст жизнеописания в «Самган хэнсильдо» также значительно сокращен. Причем сокращения эти нельзя назвать стилистическими. Во-первых, из версии текста «Самган хэнсильдо» изъята вводная часть биографии, сообщающая о том, что Ви Чхо был не корейцем, а киданем. Таким образом, читатель «Самган хэнсильдо», знакомясь с поступком Ви Чхо, поначалу не знает, что тот не был корейцем, и узнает об этом факте только в заключительной части биографии.

Во-вторых, в тексте биографии Ви Чхо в «Самган хэнсильдо» нет значительного фрагмента, повествующего о том, что еще *до дискуссии при дворе* по поводу того, как относиться к поступку Ви Чхо, поступок уже был воспринят положительно. Таким образом, текст нравоучительного трактата построен так, что демонстрирует изначальное неприятие корёсцами «нестандартного» (не по «Сяо цзину») служения родителям.

В блоке биографий *эпохи Корё* поступок Ви Чхо далеко не единственный пример самопожертвования почтительного сына (дочери) во имя родителей. Причем один из таких примеров в известной степени *исключительный*, поскольку герой погибает. Речь идет о случае с **Чо Хисамом** (조 희삼, 曹 希參) родом из местности Сусон (수성, 守城). Эта пятая из семи биографий «корёского блока».

Как-то на родное селение Чо Хисама напали японские пираты. Он решил бежать вместе со своей матерью на север, чтобы уберечь ее. Беглецы дошли до реки Нактонган, а лодки, чтобы переправиться через реку, не было. Тогда мать сказала, что она все равно уже стара и отжила свой век и попросила сына найти лошадь и бежать на север одному. Сын отказался. Решил спрятаться с матерью в поле. Но пираты настигли их. Хотели убить мать. Тогда сын закрыл ее своим телом и принял удар на себя. Сын погиб, но мать осталась в живых⁸⁹.

В «Корёса» Чо Хисам описан несколько подробнее. Однако сокращения текста биографии в «Самган хэнсильдо» не принципиальны, за исключением последней части, изъятой из памятника. В этой части в «Корёса» говорится о том, что высокопоставленный сановник («реформатор») Чо Чжун лично составил письмо и доложил об этом поступке Хисама государю, У-вану (1375–1388). Также на родине Чо Хисама были воздвигнуты Ворота славы.

⁸⁹ Там же. С. 216.

Девушка по фамилии Син (신씨, 辛氏) была дочерью сановника. В 1382 г. на селение Ёнсан (영산, 靈産), где она жила вместе с отцом, напали японские пираты. Будучи заранее оповещен о приближении разбойников, отец вместе с семьей решил отправиться в более безопасное место – селение Мёльпо (멸포, 蔑浦). Их путь должен был пройти по реке. В то время как раз был сезон дождей, и река была бурной. Веревка, за которую два брата девушки тащили лодку, оборвалась, и лодку прибило к берегу. Тут-то разбойники и напали на семью, убили отца, хотели увести с собой девушку. Тогда девушка сказала, что поскольку разбойники убили ее отца, то они стали ее злейшими врагами. Поэтому вместе им на одном свете не жить. Уж лучше убить девушку сразу (а то она будет мстить). Сказав так, девушка накинулась на одного из разбойников и стала душить. Тогда разбойники убили и девушку. Об этом поступке стало известно при дворе. В частности, особое внимание к нему проявил известный сановник-реформатор конца периода Корё Чо Чжун (조준, 趙浚). При дворе повелели сделать об этом запись в исторических анналах и поставить памятную стелу в честь Син⁹⁰.

Описание поступка девушки по фамилии Син в известной степени пример исключительный с точки зрения категории хё, поскольку демонстрирует жертвенность, которая не приводит ни к спасению родителей, ни к установлению гармонии в рамках почтительности к родителям. Возможно, подобный «неоправданный» с точки зрения классических представлений о категории хё поступок принимается авторами «Самган хэнсильдо» потому, что жертвой является не мужчина – продолжатель рода, а женщина.

Версия биографии Син в «Самган хэнсиль хёчжадо» несколько необычна для «корёского блока» биографий в том смысле, что представляет собой не просто сокращенный вариант биографии из «Корёса». Размер двух версий текстов биографий примерно одинаков, однако содержание имеет некоторые различия. Например, в «Самган хэнсильдо» сказано, что в момент гибели девушке было не 16, а 20 лет.

Есть в «корёском блоке» биографий почтительных к родителям детей и «обычные» для представляемого памятника описания чудесных событий, а именно одна из «моделей» чуда: получение от Небес невозможного для данного сезона года предмета, чтобы вылечить родителей.

Так, некто Со Нын (서능, 徐稜) родом из Чансона (장성, 長城) жил один с матерью и заботился о ней. Однажды мать Со Нына заболела. У нее началось гнойное воспаление. Врачеватель сказал, что для того чтобы вылечить мать, требуется приготовить лекарство из живой лягушки. А де-

⁹⁰ Там же. С. 216–218.

ло было зимой, и достать лягушку было совершенно невозможно. Расстроенный Со Нын заплакал. Тогда врачеватель предложил приготовить лекарство для матери из имеющихся компонентов, а там уже решить, что делать. Лекарство готовили под большим деревом. Когда варили его, с дерева вдруг свалилась живая лягушка. Удивленный лекарь сказал, что такое могло случиться только потому, что Со Нын – образцовый почтительный сын⁹¹.

Версия текста биографии Со Нына, представленная в «Самган хэн-силдо», по содержанию практически не отличается от версии «Корёса». Однако в плане текстуальном различия значительны. В первой части биографии Со Нына в памятнике используются другие слова и выражения. Таким образом, можно предположить, что в XV в. в Корее имелось несколько различных текстов, в которых описывался поступок Со Нына.

Персонаж *тигра* в рассказах о почтительных родителях «корёского блока» пока еще негативен. Очевидно, здесь прослеживается влияние *китайских* повествований о почтительности к родителям. Впоследствии (эпоха Чосон) персонаж тигра будет выступать в иной ипостаси – в качестве «положительного героя». Однако для эпохи Корё тигр все еще олицетворение зла.

Отец **Чхве Нубэка** (최누백, 崔婁伯) был чиновником. Когда Чхве Нубэк был студентом и ему исполнилось 15 лет, отец пошел на охоту и погиб, его съел тигр. Тогда сын решил отомстить тигру. Мать отговаривала сына, но сын не слушал мать, отправился в горы, нашел тигра, съевшего отца, убил и разрезал его. Достал из живота тигра останки отца и похоронил должным образом, а мясо тигра положил в сосуд и опустил в холодный ручей. Чхве Нубэк, как полагается почтительному сыну, в период траура жил у могилы отца. Как-то раз, когда он спал у могилы, отец явился во сне Чхве Нубэку и прочел благодарственные стихи. Когда период траура завершился, Чхве достал мясо тигра из ручья и съел⁹².

Завершается «корёский блок» рассказов о почтительных детях «нормальным» повествованием о Пан Чжоне, в котором отсутствует описание экстраординарных событий или поступков. Такое описание не единственно. Так, в средней части «корёского блока» говорится о некоем **Мун Чхуне** (문충, 文忠), который жил вместе с матерью в горах, в 30 *ли* от столицы, в буддийском монастыре Ёнтхонса (영통사, 靈通寺), и заботился о матери. Для того чтобы кормить мать, находился на государственной службе. Каждое утро, уходя на службу, и каждый вечер, возвращаясь домой, соблюдая все положенные ритуалы, приветствовал мать и справлялся о ее здоровье. Растроганная мать сложила песню о своем сыне.

⁹¹ Там же. С. 210.

⁹² Там же. С. 214.

Любопытно отметить, что в «Корёса» эта «стандартная» с точки зрения классических представлений о категории хё биография *открывает* раздел биографий о почтительных детях, тем самым как бы «задавая тон», как бы показывая, что именно поступок Мун Чхуна *самый образцовый* среди приводимых примеров.

Текстуально вариант биографии Мун Чхуна в «Самган хэнсиль хёчжадо» мало отличается от версии «Корёса». С другой стороны, в рассматриваемом памятнике имеется редкий для его текста комментарий, который записан мелкими иероглифами. В комментарии говорится о том, что известный сановник Ли Чжехён (이 제현, 李齊賢; 1287–1367) дал толкование содержанию этой песни и сложил по ее мотивам стихи⁹³.

Пан Чжон (반 전, 潘月典 в одном иероглифе) был «мелким чиновником без должности» (산원, 散員). В 1388 г. на его селение Аным (안음, 安陰) напали японские пираты и увели с собой отца. Тогда сын пошел вслед за разбойниками и выкупил отца за серебряный пояс и серебряный нагрудный знак⁹⁴.

Тексты биографий Пан Чжона в «Самган хэнсильдо» и в «Корёса» практически идентичны.

2. 9. КОРЕЙСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЭПОХИ ЧОСОН

Повествования о почтительных детях эпохи Чосон (1392–1897) являются *поворотными* в развитии корейских представлений о почтительности к родителям, поскольку именно в это время появляется новый тип поступков в рамках категории хё – поступков довольно «странных», с точки зрения классических представлений о почтительности к родителям, связанных с актом *отрезания пальца* (как правило – безымянного пальца левой руки). Всего в «чосонском блоке» памятника представлено однадцать биографий, из которых почти половина – пять – описывают акт отрезания пальца в связи со служением родителям⁹⁵. «Чосонский блок», что весьма показательно, как раз *начинается* с описания акта самопожертвования через отрезание пальца.

Девушка по имени **Чхунгэ** (충개, 蟲介) была дочерью сановника. Когда девушке было 16 лет, тяжело заболела ее мать. С матерью случались приступы эпилепсии. Кто-то сказал девушке, что от этой болезни нет

⁹³ Там же. С. 212.

⁹⁴ Там же. С. 220.

⁹⁵ К сожалению, пока не удалось выполнить сравнительный анализ текстов биографий почтительных детей эпохи Чосон из «Самган хэнсильдо» и «черновых» исторических записей эпохи Чосон – «Чосон ванчжо силлок», поэтому анализ представляемых биографий учитывает только содержательную часть биографий и ориентирован на сравнение с «классической» концепцией категории хё, отраженной в конфуцианском «Каноне сыновней почтительности».

лучшего лекарства, чем кость живого человека. Тогда она отрезала свой безымянный палец, сварила его в супе и подала матери. Мать выздоровела. О поступке девушки стало известно при дворе. Девушку наградили и решили широко оповестить о ее поступке (旌表)⁹⁶.

В остальных четырех примерах отрезания пальца, для того чтобы приготовить лекарство для больных родителей, в двух случаях героями повествований выступают мужчины (Ю Сокчин и Ян Гвичжин), а в других двух – девушки (Ынси и Саволь). Из них в трех случаях почтительные дети получают от государства разного рода награды в виде освобождения от налогов и трудовых повинностей, установления Ворот славы. В одном случае единственной наградой для того, кто принес жертву, становится выздоровление отца (Ю Сокчин). Истории эти достаточно однотипны и, наверное, нет необходимости пересказывать их содержание более подробно⁹⁷.

Две биографии «чосонского блока» описывают особые, иногда героические поступки, совершенные молодыми женщинами ради родителей своих мужей.

Так, у женщины по фамилии **Сок** (석씨, 石氏) муж умер, когда ей было всего 20 лет. Отец повелел дочери выйти замуж вторично, однако дочь не выполнила указания отца, сославшись на то, что ее бывший муж был единственным сыном в семье, и теперь за престарелой матерью больше некому ухаживать. Забота невестки была настолько велика, что она даже носила свекровь на спине до туалета.

У женщины по фамилии **Лим** (임씨, 林氏) муж служил в столице, а сама она жила вместе со свекровью в провинции. Как-то раз в доме случился пожар. Свекровь была настолько больна, что не могла самостоятельно выбраться из дома. Тогда Лим вошла в горящий дом, посадила мать к себе на спину и вынесла ее. Обе женщины сильно обгорели, но остались в живых⁹⁸.

Как видно, в этих двух случаях никаких особых наград женщины за свои поступки не получили.

Есть в «чосонском блоке» «Самган хэнсиль хёчжадо» одна биография, описывающая чудесные события и связанная с *рыбой* как символом заботливого отношения к родителям.

Ли Сонму (이 성무, 李成茂) из Каннына (강릉, 江陵) был чиновником. Отец у него уже давно умер, а матери было 79 лет. Он вместе со своими тремя братьями заботился о матери, кормил ее. Как-то раз мать

⁹⁶ Корёса. С. 222.

⁹⁷ Подробнее см.: Самган хэнсильдо. С. 232–234, 238–240.

⁹⁸ Там же. С. 224–226.

заболела, это было в 1417 г. Она не могла нормально принимать пищу и все время говорила, что хочет отведать сырого карпа (잉어). А в то время была зима. Братья заплакали, не зная, что делать. Пошли к реке, разбили лед. В это время на поверхность выскочил карп. Братья вязли его, приготовили и поднесли матери. Мать отведала рыбы и выздоровела⁹⁹.

Одна из биографий «чосонского блока» особенно важна для понимания хода исторического процесса в Корее XV в. В ней через описание акта служения родителям демонстрируется постепенное утверждение конфуцианства не только в качестве господствующей идеологии, но и в качестве учения, определяющего все основные общественные ритуалы и церемонии.

Некто **Ким Чжаган** (김 자강, 金 自強) еще в детские годы потерял отца, жил с матерью и всячески заботился о ней. Когда мать умерла, совершал траурные обряды по чжусианскому, а не по буддийскому канону¹⁰⁰ (母喪 不用 禭(存, но с ключом «вода») 屠 一 依家禮). Переместил могилу отца к матери и жил у могилы три года, исполняя траур по матери. А потом жил у могилы еще три года, совершая траур по отцу. Как-то раз родственники жены силой вывели Ким Чжагана из шалаша, где он жил, и подожгли шалаш. Тогда расстроенный Ким Чжаган вернулся к могиле и три дня пролежал перед могилой без движения. Через некоторое время проходившие мимо и увидевшие плачущего Ким Чжагана родственники жены сжалились над ним и заново построили шалаш. Ким Чжаган прожил у могилы отца еще три года¹⁰¹.

Завершает «чосонский блок» рассказов о почтительных к родителям детях «образцовая» с точки зрения категории хё биография. В ней говорится не только о естественном для почтительных детей служении своим кровным родителям, но и о служении старшим (учителю) вообще, что напрямую соотносится с *классическим* пониманием категории хё.

В этом можно наблюдать некую «традицию» в структуре «Самган хэнсиль хёчжадо». Какими бы «странными» с точки зрения классических конфуцианских представлений ни казались поступки описываемых персонажей, всякое последнее для данного периода описание выдержано в строгих рамках «Сяо цзина» («Хёгёна»).

Юн Ынбо (윤 은보, 尹 殷保) и его друг Со Чжыль (서즐, 徐צל)¹⁰² учились у сановника по имени Чан Чжидо (장 지도, 張 志道). У учителя не

⁹⁹ Там же. С. 242.

¹⁰⁰ Перевод «буддийский канон» заимствован из южнокорейских толкований текста «Самган хэнсиль хёчжадо».

¹⁰¹ Самган хэнсильдо. С. 230.

¹⁰² См. примечание 18, с. 52.

было детей, и два друга решили, что будут ухаживать за своим учителем как за отцом. Каждый день ученики приносили своему учителю вино и закуску.

Когда Чан Чжидо умер, приятели, получив предварительное согласие на то своих родителей, поселились у могилы учителя и жили у нее, соблюдая все церемонии, полагающиеся при трауре по отцу. В это время у Юн Ынбо вдруг заболел отец, и сын вернулся домой. Он не отходил от отца до тех пор, пока тому не стало лучше. Потом снова вернулся на могилу учителя. Живя там, как-то раз увидел во сне отца. Оказалось, что отец снова заболел. Юн Ынбо вернулся домой. Вскоре его отец скончался. Юн Ынбо очень горевал и после похорон поселился у могилы отца.

Однажды сильный ветер унес у Юн Ынбо ценный предмет. На другой день ворона принесла потерянный предмет к могиле отца, и все очень удивлялись этому необычайному событию.

Друг Юн Ынбо Со Чжиль также соблюдал трехлетний траур по учителю Чан Чжидо. В 1432 г.¹⁰³ обо всем этом стало известно при дворе. В честь каждого из друзей поставили Ворота славы и каждому из них дали чиновничью должность¹⁰⁴.

2.10. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ВОСПРИЯТИИ КАТЕГОРИИ ХЁ (孝)

Выше были рассмотрены три корейских конфуцианских памятника XII–XV вв., в которых описывались поступки почтительных к родителям китайцев и корейцев. Первым *специальным* сводом биографий почтительных к родителям *корейцев* следует считать заключительную часть первого тома корейского конфуцианского памятника XV в. «Самган хэнсильдо» (삼강 행실도; 三綱行實圖. «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей»).

Тексты биографий первого тома памятника, имеющего свое собственное название – «Самган хэнсиль хёчжадо», то есть «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей почтительными сыновьями», показывают следующую тенденцию в изменениях восприятия категории служения родителям хё в средневековом Китае и Корее.

С течением времени служение родителям перестало восприниматься как повседневная норма поведения всех слоев населения и превратилось в категорию особенного, экстраординарного поведения людей в обществе, требующую героизма, жертвенности и ожидающую награды. Причем в Корее элемент жертвенности достиг своей крайности, нередко сводя все

¹⁰³ Год завершения рукописи текста «Самган хэнсильдо» и представления его ко двору.

¹⁰⁴ Там же. С. 244.

служение родителям к членовредительству во имя поддержания жизни и здоровья престарелых родителей.

Как показывает знакомство с корейскими памятниками XVII–XIX вв., посвященными служению родителям (хё), в дальнейшем элемент жертвенности в поведении почтительных к родителям детей стал еще заметнее. Возможно, именно с указанной выше тенденцией, приведшей к искажению изначального смысла категории «служения родителям», отчасти связан факт сокращения влияния категории хё в корейском обществе в XX в.

3. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ КОНФУЦИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ ЭПОХИ ЧОСОН (XVI–XVII вв.)

3.1. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В ТРАКТАТЕ «СОК САМГАН ХЭНСИЛЬДО»

В начале XVI столетия по указу государя Чунчжона (中宗; 1506–1544 гг.) было решено составить дополнительный том к уже существующему изданию «Самган хэнсильдо», добавив биографии выдающихся с точки зрения конфуцианской морали людей, живших уже после издания этого трактата.

Работу по написанию дополнительного тома возглавил конфуцианский ученый Син Ёнгэ (신 용개, 申 用溉). В новый дополнительный том вошло 36 биографий «почтительных детей», 6 биографий «верных сановников» и 28 биографий «самоотверженных женщин». Объединенное с предшествующим трактатом новое сочинение получило название «Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» (속 삼강행실도; 續 三綱 行實圖), оно было опубликовано в 1514 г.

Повышенное внимание к нормам морали и нравственности, к необходимости «правильного» с точки зрения конфуцианства поведения народа именно в это время становится понятным, если обратиться к событиям, происходившим в правление предшествовавшего государя Ёнсан-гуна (1494–1506). Тогда конфуцианство неоднократно подвергалось жестоким гонениям, а сам государь, вместо того чтобы заниматься делами управления государством, проводил время в праздности и разного рода бесчинствах, за что после своей смерти не удостоился присвоения храмового имени.

Очевидно, народ, видя беспорядки при дворе, который должен был быть образцом правильного поведения, перестал следовать нормам морали, и управлять государством стало сложнее. Поэтому государь Чунчжон и принял решение об издании новой редакции иллюстрированного трактата.

Главным отличием нового издания «Сок самган хэнсильдо» стало практически полное отсутствие китайских биографий. Так, в разделе о почтительных детях «Сок самган хэнсиль хёчжадо» из 36 описаний актов служения родителям только первые три описывают примеры из истории китайской династии Мин (本朝), в то время как остальные 33 биографии – корейские (本國). Корейские примеры взяты исключительно из истории правящей династии Ли (государство Чосон). Обращения к примерам предшествующих эпох нет, что вполне объяснимо, поскольку памятник *продолжает* изданные ранее «Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей».

Памятник «Сок самган хэнсильдо» пока еще не переводился на современный корейский язык и переиздавался только как факсимильное издание¹⁰⁵.

Корейская направленность памятника иллюстрируется не только тем, что в нем практически нет китайских биографий, но и тем, что китайский письменный литературный язык, на котором составлялись все официальные тексты средневековой Кореи, «дублируется» корейским текстом. Правда, корейский текст *перевода* пока еще не помещается в основное поле ксилографа, а расположен в верхней части страницы, *над* рамкой, ограничивающей ее основную часть. С другой стороны, любопытно отметить, что корейский текст в издании «Продолжений иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» расположен не *после* китайского (основного) текста, как того требует жанр *онхэ* (корейских переводов и комментариев к китайской классике). Корейский текст памятника расположен на *первой* странице биографий, то есть на странице с иллюстрацией. А китайский текст – на обороте страницы, то есть в известном смысле он уже «не нужен» корейскому читателю.

Памятник «Сок самган хэнсильдо» продолжает традиции описания поступков служения родителям, заложенные в двух предшествующих сочинениях о категории *хё* – «Хёхэннок» (孝行錄) и «Самган хэнсильдо» (三綱行實圖). В нем есть как описание особых, требующих самопожертвования поступков, так и описание чудесных явлений, происходивших с почтительными детьми. Как правило, всех почтительных детей, чьи жизнеописания попали в текст памятника, ожидала награда, пусть и не всегда материальная (например, в виде распространения сообщения об их деяниях или в форме установления Ворот славы).

¹⁰⁵ Сок самган хэнсильдо [三綱行實圖. «Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей»]. Сеул, 1983.

Первая корейская биография «Продолжений иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» начинается с короткой, чуть больше одной строки иероглифического текста, заметки о некоем **Юн Инху** (윤 인후, 尹仁厚) из Хаяна, который в девять лет потерял отца и несмотря на юный возраст в течение всего периода траура жил у его могилы. Весть о поступке Юн Инху широко распространилась среди народа¹⁰⁶.

Среди описанных ранее (в предшествующих корейских сочинениях) поступков почтительных детей случай с Юн Инху – первый, когда ребенок (несовершеннолетний) в таком юном возрасте исполняет полный траур по родителю.

«Сок самган хэнсильдо», пожалуй, открывает *новую* для корейских моделей поведения почтительных детей серию описаний *соблюдения траура по родителям в детском возрасте*.

Так, уже в четвертой корейской биографии почтительного сына сообщается о **Хан Гу** (한 구, 韓述) из Кванчжу, который потерял отца в пять лет и уже в этом возрасте соблюдал положенный траур. Когда умерла мать, он похоронил ее вместе с отцом. В общей сложности жил у могилы родителей шесть лет. Все это время питался самой скромной пищей и за время траура сильно ослаб физически. О поступке Хан Гу было широко оповещено среди народа¹⁰⁷.

Второй рассказ из серии о почтительных детях также содержит описание специфических поступков, требующих особых качеств характера. Он повествует о **Кан Рёме** (강 렬, 姜 稬) из Анбёна. Кан Рём ушел со службы для того, чтобы заботиться о больном отце. Кроме того, он совершил множество других поступков, требующих немало выдержки, например пробовал на вкус экскременты отца, чтобы узнать, улучшилось ли самочувствие отца. Зимой разбивал на реке лед и добывал рыбу, необходимую для того, чтобы вылечить отца. В результате отец выздоровел и жил до 95 лет. О поступках Кан Рёма было оповещено «всему народу» Кореи¹⁰⁸.

Трактат «Сок самган хэнсильдо» интересен тем, что в рассказах о почтительных детях в нем по-новому выступает персонаж тигра. В предшествовавших рассказах, зафиксированных в «Хёхэннок» и «Самган хэнсильдо», тигры появлялись в роли животных, нападавших на отцов, угрожавших их жизни или даже лишавших их жизни. В такой ипостаси тигры выступают в описаниях поступков служения родителям как китайских персонажей, так и корейских.

¹⁰⁶ Там же. С. 46, 24.

¹⁰⁷ Там же. С. 76, 30.

¹⁰⁸ Там же. С. 56, 26.

В «Сок самган хэнсильдо» тигр превращается из фигуры причиняющей родителям зло, в фигуру *охраняющую могилы* предков, или *помогающую детям*, исполняющим траур по родителям. Причем процесс такой «трансформации» тигра происходит в биографиях, расположенных рядом друг с другом.

В шестой по счету корейской биографии **Пак Ёнсу** (박 연수,朴 연¹⁰⁹ 守) из Ёнсана сказано следующее. Когда Пак Ёнсу было 14 лет, его отец отправился в горы рубить лес. Сын пошел вместе с отцом. Вдруг на отца напал тигр. Тогда сын, взяв в руки мотыгу, погнался за тигром, чтобы вырвать из его когтей отца. В конечном итоге сыну удалось вернуть тело отца. В честь поступка Пак Ёнсу были установлены Ворота славы (정포문려, 旌表門閭)¹¹⁰.

В следующей, седьмой по счету корейской биографии рассказывает о **Ким Гыгиле** (김 극일, 金 克一) из Кимхэ. Ким Гыгиль был заботливым сыном. Когда у матери образовался гнойник, он сам отсасывал гной; когда заболел отец, он пробовал его экскременты на вкус, чтобы узнать, выздоровел ли отец. Когда родители умерли, то в течение всего периода траура жил у их могилы, всего шесть лет. Когда он жил у могил, тигры приходили туда и кормились, словно они были домашними животными. У отца было еще две наложницы, которым Ким Гыгиль прислуживал так же, как он служил при жизни отцу, а после их смерти соблюдал траур. В честь Ким Гыгиля были поставлены Ворота славы (정문, 旌門)¹¹¹.

Ян Ук (양 옥, 梁 郁) из Саньма жил у могилы родителей в течение шести лет. Для лучшего обустройства могил родителей сам таскал землю и камни. Как-то ночью услышал громкий рев тигра. Действительно, тигр вышел к могиле родителей и принес три камня (чтобы помочь Ян Уку в его стараниях). Говорили, что это сыновняя почтительность Ян Ука растрогала тигра. Об этом событии стало широко известно (旌閭), и в дальнейшем Ян Уку была жалована *чиновничья должность*¹¹².

Кроме указанных (следующих одна за другой) трех биографий, связанных с персонажем тигра, в разделе о почтительных детях есть еще две биографии, связанные с образом тигра. Однако в них тигр выступает в «традиционной» отрицательной роли нападающего на родителей. Дети пытаются спасти родителей, но удается вырвать из лап тигра лишь труп. **Кымчжи** (금지, 今之), дочь простолюдина, которой было всего 12 лет,

¹⁰⁹ В программе ввода иероглифики для корейского текста в текстовом редакторе корпорации «Майкрософт» необходимый иероглиф отсутствует.

¹¹⁰ Сок самган хэнсильдо. С. 96, 34.

¹¹¹ Там же. С. 106, 36.

¹¹² Там же. С. 116, 38.

Рассказ «Гыгиль приручает тигра»

金克一。金海人。性至孝。為母吮疽。為父啗

年。有常乳於墓傍。取祭餘飼之。如養家畜。父有

事。之如父生時及死。並服期年。天順甲申。事聞。旌門。

六年廬墓。孝心純。墓側終教乳。常馴。吮疽。嘗痢。神明

金。異類還能感至仁。

愛父深情久不衰。推誠諸母服

喪期。天教馴。帝彰純孝。萬古昇備。作範規。

пыталась вырвать из лап тигра свою мать¹¹³. Два брата, **Пак Ун** (박 운, 朴云) в возрасте 14 лет и **Пак Унсан** (박 운산, 朴云山), которому исполнилось только восемь, также пытались спасти из лап тигра своего отца. В обоих случаях удается вернуть лишь труп родителя, чтобы в дальнейшем совершить необходимые церемонии траура¹¹⁴. Тем не менее в честь всех персонажей, совершивших мужественные поступки, были установлены Ворота славы.

Таким образом, из пяти биографий почтительных к родителям корейских детей XV–XVI вв., связанных с персонажем тигра, в трех случаях из пяти тигр выступает в отрицательной роли, и только в двух – как положительный персонаж. В подобного рода жизнеописаниях такое происходит впервые. И самое важное заключается в том, что в дальнейшем, в так называемый поздний период Чосон (XVII–XIX вв.) тигр будет выступать главным образом в качестве персонажа, который защищает человека, соблюдающего траур по родителям, и всячески помогает ему.

Таким образом, можно говорить о том, что в XVI столетии в Корее происходит изменение отношения к персонажу тигра от отрицательного к положительному.

В корейской справочной литературе довольно подробно описывается традиционное отношение корейцев к тигру. Одно из первых упоминаний о тигре, относящееся к периоду Объединенного Силла (VII–X вв.), связано с отрицательным отношением к этому персонажу, приносящему лишь смерть и разрушения.

С другой стороны, персонаж тигра как животного, проживающего в горной местности, ассоциировался у корейцев с представлениями о горных духах. Поэтому в старину Корею называли не только «Страной зеленых гор», но и «Страной тигров». Кроме того, в период Трех государств «белый тигр» был одним из мифических духов, защищавших могилу покойного с западной стороны¹¹⁵.

Таким образом, персонаж тигра в традиционном корейском восприятии оказывался «противоречивой», двоякой фигурой, несшей в себе как отрицательное, так и положительное, причем, похоже, к концу династии Ли (1392–1910) положительного оказывалось больше. Именно в это время в Корее появляется большое количество так называемых народных картинок, на которых тигр изображался как *добрый* персонаж, должный нести в

¹¹³ Там же. С. 156, 46.

¹¹⁴ Там же. С. 196, 54.

¹¹⁵ Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон [«Энциклопедия корейской национальной культуры»]. Сеул, 1991.

дом счастье, (так, если первый день лунного нового года приходился на день тигра, то считалось, что год будет благополучным в материальном плане¹¹⁶).

Судя по тому, что до настоящего времени не удалось обнаружить научные труды, где бы прослеживалось *изменение восприятия* персонажа тигра в зависимости от эпохи, очевидно, исследования подобного рода еще не проводились. Поэтому обращение к классическим корейским биографиям почтительных детей может помочь в изучении изменения восприятия персонажа тигра в традиционной корейской культуре.

Однако продолжим рассмотрение особенностей биографий почтительных сыновей в памятнике XVI в. «Сок самган хэнсильдо».

Следует отметить, что в отличие от «Самган хэнсильдо» и от корейских биографий почтительных детей последующих эпох, в «Продолжении иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» из 33 биографий не так много биографий (две), в которых описывается акт отрезания пальца руки, совершавшегося для того, чтобы вылечить больного родителя.

Первая биография из указанной категории – это очень короткая, чуть больше одной строки иероглифического текста, заметка о деянии **Ли Ноннёна** (이 녹련, 李 祿連), 13-я корейская биография памятника. В ней сказано, что когда Ли Ноннёну было девять лет, его отец тяжело заболел. Тогда сын отрезал палец своей руки, добавил его в лечебный отвар и подал отцу. Отец выздоровел. О поступке Ли Ноннёна было широко оповещено по всей стране (聞旌閭)¹¹⁷.

Другая «жертвенная» биография, описывающая отрезание пальца – 27-я по счету в памятнике, то есть расположена почти в самом конце раздела о почтительных детях. Она очень короткая по содержанию и весьма лаконично сообщает о том, что когда провинциальному чиновнику из уезда Тоннэ по имени **Ок Чонсон** (옥 종손, 玉 從孫) было всего одиннадцать лет, у него сильно заболел отец. Тогда сын отрезал палец своей руки, добавил его в лекарственный отвар и поднес отцу. Отец выздоровел. О поступке стало известно (旌閭). Кроме того, сына освободили от несения трудовых повинностей¹¹⁸.

Других биографий почтительных сыновей и дочерей, поступки которых наносили бы вред их телу (здоровью) в «Сок самган хэнсильдо» не было обнаружено.

¹¹⁶ Ли Ганно. Сеси пхунсок-ква минсок нори [이강로. 세시풍속과 민속놀이]. «Обряды и обычаи календарного цикла и народные игры». Сеул, 1988. С. 33.

¹¹⁷ Сок самган хэнсильдо. С. 176, 50.

¹¹⁸ Там же. С. 306, 76.

Вообще «Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» отличается тем, что в нем так или иначе представлены все основные категории поступков почтительности к родителям, совершавшиеся корейцами и китайцами в предшествующие эпохи.

Так, например, есть рассказы о *добывании рыбы* для лечения родителей. Одна из двух «биографий с рыбами», 25-я среди корейских биографий почтительных детей (то есть одна из последних), довольно типична и напоминает более ранние китайские и корейские рассказы о добывании рыбы для родителей.

Со Ман (서 만, 徐萬) был родом из Мокчхона. Он заботился об отце, как и полагается почтительному сыну. Всегда старался, чтобы у отца было вино и закуска. Однажды отец заболел и очень захотел отведать свежей рыбы. А дело было зимой. Сын отправился к замерзшей реке и стал молиться Небу. Лед разверзся и из реки выскочили четыре рыбы. Сын поднес рыбу отцу и отец выздоровел. Позже, когда отец уже умер, Со Ман жил у его могилы три года. За это время он так ослаб (поскольку почти не принимал пищу), что после окончания траура не смог дойти до дома. Впоследствии Со Ман был *пожалован чиновничьей должностью*¹¹⁹.

Еще один рассказ о добывании рыбы почтительным сыном, **Кён Ёном** (경 연, 慶延) из Чхончжу, довольно необычен, поскольку в нем нет типичных для такого рода примеров служения родителям акта *доставания рыбы зимой из-под льда*. С другой стороны, в этой биографии встречаются очень важные замечания, необходимые для понимания исторического контекста создания трактата «Сак самган хэнсильдо».

Кён Ён ухаживал за родителями, как полагается почтительному сыну. Как-то раз отец Кён Ёна заболел и захотел отведать свежей рыбы. Тогда сын взял сеть, пошел на реку и поймал для отца пару карпов. После этого болезнь отца прошла. Когда умерли родители, он жил у могилы шесть лет, совершал церемонии кормления духов предков (제사, 祭祀) и совершал все церемонии по конфуцианскому ритуалу (가례, 家禮)¹²⁰.

Хотя никаких особых наград Кён Ён не получал, о его служении родителям стало известно при дворе. Кроме того, когда он умер, то героя хоронили все жители окрестных селений.

В биографии Кён Ёна очень важны два момента.

Первое – это указание на то, что траурный ритуал по родителям совершался по конфуцианскому (а не по буддийскому или кому-либо еще) ритуалу. Подобное указание встречается также и в «Самган хэнсильдо», в биографии, описывающей поступок почтительного сына (Ким Чжаган),

¹¹⁹ Сок самган хэнсильдо. С. 286, 72.

¹²⁰ Там же. С. 266, 68.

жившего в начале эпохи Чосон. Не случайно, что подобная биография появляется в тексте сочинения, изданного в 1514 г., всего лишь через десять лет после очередного гонения на конфуцианцев со стороны «неправедного» короля Ёнсан-гуна (1494–1506), и через восемь лет после прихода к власти покровительствовавшего конфуцианству государя Чунчжона (1506–1544), через пять лет после того, как в столице в 1509 г. закрыли все буддийские монастыри и началось очередное наступление государства на буддизм.

Второй важный момент – это связь *конфуцианских* ритуалов с церемонией кормления духов предков (奉祭祀 — 依家禮)¹²¹. Выше уже была показана связь веры в духов предков с категорией «почтительности к родителям» хё, говорилось о том, что и в конфуцианской классике есть упоминания о духах и потустороннем мире (см. с. 128–130). В рассказе же о Кён Ёне напрямую говорится о том, что кормление духов предков – одна из важнейших обязанностей почтительного сына.

Кроме приведенных есть в «Сок самган хэнсильдо» и другие *типичные* для такого рода рассказов описания отважных поступков, совершенных почтительными детьми, в частности это рассказы о *спасении родителей из огня*.

Так, некто по имени **Ким Ыльси** (김 을시, 金 乙時) из Чхансона жил вместе с отцом. Как-то раз в его селении вспыхнул пожар и перекинулся на дом Ким Ыльси. Отец Кима был болен и не мог сам выбраться из дома. Тогда сын вошел в горящую комнату, посадил отца на спину и вышел из дома. Правда, оба обгорели настолько сильно, что в конечном итоге погибли. В селении Ким Ыльси были воздвигнуты Ворота славы¹²².

Также в «Сок самган хэнсильдо» есть и рассказы, связанные с *разбойниками*.

Некий **Ким Дыгин** (김 득인, 金 得仁) из Тоннэ (окрестности Пусана) в детстве потерял отца и исполнил все необходимые траурные церемонии. Жил вместе с матерью и всячески заботился о ней. Когда мать умерла, провел у ее могилы три года. Потом перенес могилу отца к могиле матери и еще три года жил у могил родителей. Всего он провел у могил родителей девять лет. Однажды японские пираты напали на Пусан и рыскали в окрестностях в поисках добычи. Дошли и до жилища Ким Дыгина, построенного у могил родителей. Увидели Ким Дыгина и настолько поразились его сыновней почтительности, что смиренно отступили обратно. А потом через некоторое время вернулись и принесли Киму риса и разные

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 186, 52.

ценные вещи. Обо всем этом стало известно при дворе (강정대왕, 康靖大王). Ким Дыгину была пожалована чиновничья должность¹²³.

В целом раздел о почтительных детях в памятнике «Сок самган хэнсильдо» отличается следующими особенностями:

1) большей «сдержанностью» актов служения родителям, в том смысле что в подобранных биографиях практически отсутствуют примеры членовредительства и кровопролития во имя родителей;

2) особым вниманием к *конфуцианским* моментам в поведении почтительных детей;

3) отсутствием связи почтительного к родителям поведения с *характером управления государством* (как это было представлено в классическом конфуцианском «Каноне сыновней почтительности», а также в отдельных биографиях почтительных детей, относящихся к ранним периодам истории Китая или Кореи).

С другой стороны, в «Сок самган хэнсильдо» наблюдается ряд *новых тенденций* в подходе к отбору актов служения родителям.

Во-первых, в ранних трактатах, таких как «Хёхэннок» или «Самган хэнсильдо», показывалось, что не всегда акт служения родителям будет вознаграждаем обществом и государством. Наоборот, действия древнейших китайских персонажей – почтительных детей, как правило, не были связаны с каким-либо актом особой награды. С точки зрения «Канона сыновней почтительности», а также с точки зрения почтительных детей китайской древности (ученики Конфуция – Цзэн-цзы, Минь Сунь, Цзы Лу) категория *сяо/хё* сама по себе, если выполняется, – достаточная «сама в себе награда», поскольку обеспечивает гармонию в государстве, обществе, семье, дает ощущение счастья в личной жизни.

Однако в корейском трактате XVI в. «Сок самган хэнсильдо» из 33 корейских примеров совершения акта служения родителям только в шести случаях почтительный сын не получает явной награды. В остальных случаях главная награда почтительному сыну – установление Ворот славы, увековечивающих особый поступок по отношению к родителям. В пяти случаях «герои» получали от государства освобождение от налогов и повинностей; в семи случаях почтительные дети в качестве награды были пожалованы чиновничьими должностями.

Таким образом, начиная с XVI в. в корейском общественном сознании акт служения родителям стал соотноситься с обязательной наградой (без которой его совершение, возможно, и не имело смысла). Это новое отношение к категории *хё* сохранилось в Корее и в последующие эпохи.

¹²³ Там же. С. 246, 94.

Второй особенностью «Сок самган хэнсильдо» в изложении биографий почтительных к родителям детей является полное отсутствие биографий женщин – почтительных дочерей или невесток. Возможно, это исключение из правила, а не отражение какой-то новой тенденции в корейском развитии восприятия категории хё (孝). И в предшествующих и в последующих трактатах девушки и женщины были и останутся частыми персонажами, совершавшими особые акты служения родителям.

Поступательное развитие корейского классического конфуцианского общества, продолжившееся в XVI в. (после краткого падения влияния конфуцианства в период правления государя Ёнсан-гуна; 1494–1506) было заторможено японской агрессией 1592 г. и последовавшей вслед за ней войной, получившей название «Имчжинская война» (임진왜란, 任辰倭亂; по корейскому наименованию 1592 г. согласно традиционному лунно-солнечному календарю). Война, продолжавшаяся до 1598 г., нанесла огромный удар не только по средневековой экономике Кореи, но и по ее культуре, как материальной, так и духовной¹²⁴.

Последующие годы восстановления требовали возрождения не только хозяйственной жизни страны, но и общественных норм поведения.

В правление государя Кванхэ-гуна (1608–1623) была предпринята успешная попытка создания самого большого за всю историю Кореи свода биографий почтительных детей, верных сановников и самоотверженных женщин. Новый трактат получил название «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее».

3.2. ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ХЁ (孝) В ТРАКТАТЕ «ТОНГУК СИНСОК САМГАН ХЭНСИЛЬДО» (1617)

Краткая история создания. Трактат «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (동국 신속 삼강 행실도; 東國 新續 三綱 行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее») был опубликован по указу государя Кванхэ-гуна в 1617 г.

Текст трактата, который готовился под руководством сановника по имени Ли Сон (이성, 李惺), был завершен еще к 1615 г. Сочинение получилось очень объемным – 18 томов. В первом томе были перепечатаны отдельные биографии из двух изданных ранее трактатов – «Самган хэнсильдо» и «Сок самган хэнсильдо». В восьми основных томах трактата были представлены новые биографии «почтительных детей» (효자, 孝子),

¹²⁴ Подробнее о негативном воздействии Имчжинской войны на ход корейской истории см.: Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Перев. с кор.; Под ред. С.О. Курбанова. М., 2000. С. 232 и сл.

в одном томе – «верных сановников» (충신, 忠臣), и в восьми томах – биографии «преданных женщин» (열녀, 烈女). К «новым» биографиям были отнесены краткие описания поступков тех корейцев, которые жили в годы Имчжинской войны (1592–1598) или после нее, то есть «современников», причем не всех, а лишь тех, чьи поступки были отмечены особо при дворе (정표, 旌表). Таким образом правящая элита Кореи пыталась продемонстрировать населению, что моральные и нравственные устои страны не были разрушены (как казалось в годы войны), но живы, и им следует подражать.

Всего составители «Тонгук синсок самган хэнсильдо» собрали около 1000 новых биографий.

Главной особенностью трактата стало то, что в нем совсем не было примеров из китайской истории, а были представлены *исключительно корейские* примеры. Эта особенность была отражена в названии памятника, начинавшегося со слова «Тонгук», то есть Корея (дословно «Восточное государство» 東國).

Как и полагается жанру *хэнсильдо* (행실도, 行實圖), всякая биография открывалась картинкой, иллюстрировавшей события, описанные на следующей странице. Как уже говорилось выше, в описании трактатов «Самган хэнсильдо» и «Сок самган хэнсильдо», картинки были *многоплановыми*, то есть на одном листе изображалось сразу несколько основных эпизодов из жизни описываемого персонажа. Фрагменты рисунков были разделены между собою сплошными неровными линиями, вписанными в рисунки и расположенными под уклоном. Обычно в одной картинке помещалось от одного до четырех эпизодов.

Тексты биографий были написаны по-китайски. И сразу же за ними в *поле основного текста* следовал перевод на корейский язык. Причем если в предшествующем памятнике XVI в. «Сок самган хэнсильдо» корейские буквы были записаны более мелким, чем китайские иероглифы, шрифтом (и вынесены за рамки основного текста), то в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» корейский шрифт был одного размера со шрифтом китайских иероглифов.

Таким образом, «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее» представляло собой корейский *национальный* текст, лишенный каких бы то ни было признаков «преклонения» перед Китаем.

Большие объемы написанного текста, снабженного рисунками (рисунками иллюстрировались *все* биографии трактата), и в дополнение ко всему – тяжелое экономическое положение страны, с трудом восстанавливавшейся после разрушительной Имчжинской войны, привели к тому, что в государстве сразу не нашлось средств для издания сочинения. По-

этому при дворе было принято решение распределить печать отдельных томов по различным провинциям Кореи. Так, шесть томов трактата были напечатаны в провинции Чолла¹²⁵, четыре – в провинции Чхунчхон (в то время провинция назвалась Конхондо; 공홍도, 公洪道), еще четыре – в провинции Кёнсан, три – в провинции Хванхэ, один – в провинции Пхёнан.

К особенностям трактата «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее» южнокорейские исследователи также относят и то, что в нем описывались образцовые с конфуцианской точки зрения поступки представителей *всех сословий*, без разделения на высших и низших.

Однако, как было продемонстрировано выше, и в более ранних трактатах описывались поступки как монархов и высших сановников, так и простолюдинов.

Особенности корейского восприятия категории «почтительности к родителям» XVII в. становятся заметными уже при знакомстве с первым томом сочинения, в котором представлены выдержки из предшествующих трактатов – «Самган хэнсильдо» и «Сок самган хэнсильдо».

Особенности отбора биографий почтительных детей из предшествующих корейских трактатов. Первые разделы сочинения «Тонгук синсок самган хэнсильдо», помимо того, что каждый имеет свой номер, также отличаются друг от друга собственными оригинальными названиями. Так, первый том трактата именуется «Тонгук самган хэнсильдо» («Иллюстрации практики исполнения Трех заповедей в Корее»). То есть в названии нет словосочетания «новое продолжение» – *синсок* (新續). Таким образом составители трактата хотели продемонстрировать, что они, с одной стороны, как бы «переиздают» прежние «старые» биографии почтительных детей (孝子, 孝女), но не китайские, а только и исключительно корейские.

Жизнеописания. Первая книга¹²⁶ трактата, озаглавленная «Тонгук самган хэнсильдо», начинается с текстов биографий о почтительных детях, взятых из изданных ранее двух корейских сочинений – «Самган хэнсильдо» и «Сок самган хэнсильдо».

¹²⁵ Среди современных южных корейцев распространено мнение о том, что именно выходцы из провинции Чолла чаще всего проявляют себя как почтительные к родителям дети.

¹²⁶ Первая книга в факсимильном переиздании памятника 1992 г.: Тонгук синсок самган хэнсильдо [東國新續三綱行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее»]: В 9 т. Сеул, 1992. Это факсимильное переиздание выполнено с ксилографического оригинала, хранящегося в библиотеке «Ключжангак» Сеульского государственного университета. В южнокорейских справочных изданиях нередко указывается, что том с частичным переносом текстов изданных ранее трактатов по Трех заповедям был последним томом «Приложений».

Для того чтобы сразу предупредить корейского читателя о том, что тексты ранних биографий не просто заимствованы из предшествующих сочинений, но отражают некую новую точку зрения авторов на вопрос о почитительности к родителям, биографии имеют новое название. Перед прежним названием двух ранних (заимствованных) трактатов добавлено слово «Тонгук» (東國), то есть Корея.

В разделе «Тонгук самган хэнсильдо» (東國三綱行實圖. «Иллюстрации практики следования Трем заповедям в Корее») из 22 биографий *корейских* почитительных детей оставлено всего четыре биографии. Это – «Нубэк ловит тигра» (эпоха Корё, 누백포호, 婁伯捕虎), «Чаган лежит у могил» (эпоха Чосон, 자강복충, 自强伏塚), «Сокчин отрезает палец» (эпоха Чосон, 석진단지, 石珍斷指) и «Ынбо удивляет птицу» (эпоха Чосон, 은보감조, 殷保感鳥).

«Основные тексты» этих четырех биографий перенесены в «Тонгук самган хэнсильдо» полностью, без изменений. Однако изъятые хвалебные стихи *си* (시, 詩).

Естественно предположить, что обозначенные четыре биографии были отобраны авторами «Тонгук синсок самган хэнсильдо» не случайно. Действительно, эти четыре описания актов почитительности к родителям как бы определяют *четыре* основные направления в восприятии категории хё (孝), которые будут в дальнейшем проследиваться на протяжении всего периода «позднего Чосона» (XVII – конец XIX в.).

1. Особые взаимоотношения почитительных детей с персонажем тигра. Сначала как с врагом («Нубэк ловит тигра»), а затем как с «горным духом», защищающим почитительных детей. Такая перемена в восприятии персонажа тигра произошла, очевидно, в XVI столетии, что было показано на примере биографий из «Сок самган хэнсильдо» и окончательно закрепились в корейском восприятии хё (孝) в период позднего Чосона.

2. Житие у могилы после смерти родителей как одно из высших проявлений чувств почитительных детей в период траура по родителям («Чаган лежит у могил»). Подобный тип «служения» родителям после их смерти особо не прописывался в классическом «Каноне сыновней почитительности». Он впервые появился в качестве отдельного раздела биографий раннего Чосона «Житие у могил почитительных детей» (효신여묘, 孝新廬墓) в трактате «Самган хэнсильдо»¹²⁷.

3. Отрезание пальца, чтобы приготовить лекарство для больного родителя («Сокчин отрезает палец»). Подобный тип «служения» родителям впервые появился в танском Китае, несколько раз реализовывался в эпоху

¹²⁷ Самган хэнсильдо. С. 227–244.

Корё и был признан в начале эпохи Чосон, почти не проявлялся в XVI столетии и окончательно утвердился в Корее как один из наиболее *распространенных* типов служения родителям как раз в позднем Чосоне.

4. «Классический» подход к служению старшим, когда младшие служат не только старшим родственникам, но и старшим по общественному положению и по возрасту («Ынбо удивляет птицу»). Такой подход встречается в биографиях почтительных детей не так часто.

В трех из указанных случаев почтительными сыновьями были чиновники, в одном случае (Ким Чжаган) социальная принадлежность точно не указана.

Что касается *иллюстраций* к биографиям, то в указанной части «Тонгук синсок самган хэнсильдо» все они полностью повторяют иллюстрации из ксилографа «Самган хэнсильдо»: и по композиции, и по изображенным объектам, и по расположению объектов на листе. Встречаются только небольшие «стилистические» отличия, как, например, узор ворот или «узор» крыш строений. Однако мелкие отличия не носят принципиального характера, иллюстрации к указанным биографиям в двух памятниках практически идентичны. Даже подписи с именем главного героя расположены у изображения фигур «героев» совершенно одинаково.

«Тонгук сок самган хэнсильдо». Если из трактата «Самган хэнсильдо» (XV в.) в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (XVII в.) попало лишь несколько биографий почтительных к родителям детей, то из последующего трактата «Сок самган хэнсильдо» (XVI в.) в «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее» были перенесены практически все биографии почтительных сыновей. Исключение составили лишь тексты трех биографий почтительных детей китайской династии Мин. Таким образом, в «Тонгук сок самган хэнсильдо» представлены 33 биографии корейских почтительных детей «середины» эпохи Чосон. Порядок следования биографий в этом разделе тот же, что и в тексте первоисточника – «Сок самган хэнсильдо». Тексты *описаний поступков* служения родителям также взяты полностью, без изменений. Единственное принципиальное отличие состоит в отсутствии *хвалебных стихов*, которые в первоисточнике следуют за каждым описанием акта служения родителям.

Подобное изъятие текстов хвалебных стихов объясняется, возможно, в том числе и слишком большим объемом сочинения («Тонгук синсок самган хэнсильдо»), которое, как уже отмечалось выше, содержит около 1000 биографий. Кроме того, и в текстологически *новой части* памятника, содержащего биографии почтительных детей, также нет никаких хвалебных стихотворений. Поэтому подобное изъятие текстов хвалебных стихов

могло объясняться необходимостью *унификации* формы сочинения в целом.

Иллюстрации к рассказам о почтительных сыновьях в «Тонгук сок самган хэнсильдо», точно так же как и в случае с «Тонгук самган хэнсильдо», заимствованы из текста предшествующего памятника – «Сок самган хэнсильдо» – полностью, без значительных изменений.

Почтительные дети эпохи Силла. Как уже говорилось, биографиям почтительных детей в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (東國新續三綱行實圖) отведено целых восемь томов.

Читатель, познакомившийся с первой книгой, с большинством представленных в ней корейских биографий почтительных детей, публиковавшихся в ранее изданных памятниках, открыв оглавление второго тома, будет крайне удивлен, обнаружив в нем... ряд биографий из трактата «Самган хэнсильдо», выдержки из которого уже были представлены в первом томе.

К сожалению, нигде специально не объясняется причина того, почему восемь биографий из «Самган хэнсильдо» были выпущены в разделе «Тонгук самган хэнсильдо» и без всяких комментариев и пояснений помещены в «самостоятельный» второй том памятника (как будто эти биографии публикуются впервые).

Первый том биографий почтительных детей (помещенный во второй книге трактата) начинается с раздела «Силла». Точнее в основном корпусе текста никаких разделов специально не обозначено, так же как и не обозначена эпоха, в которую жили герои биографий. Разделы по историческим эпохам Кореи указаны в оглавлении, помещенном в начале первого тома.

В разделе почтительных к родителям детей эпохи Силла помещены всего четыре биографии, три из которых *тематически* совпадают с биографиями «Самган хэнсильдо», то есть описывают те же персонажи и те же поступки служения родителям. Однако названия двух из трех описаний поступков почтительных детей не совпадают. Перечислим названия биографий почтительных родителей эпохи Силла, представленных в двух памятниках.

«Тонгук синсок самган хэнсильдо»	«Самган хэнсильдо»
«Сонгак режет ногу» (성각 할고, 聖覺 割股)	«Сонгак кормит мать» (성각 양모, 聖覺 養母)
«Хян Док режет кость ноги» (향덕 규비, 向德 圭+刀 骨+卑)	«Хян Док режет кость ноги» (향덕 규비, 向德 圭+刀 骨+卑)
«Чиын почтительно кормит мать» (지은 효양, 知恩 孝養)	«Чиын продает себя» (지은 매신, 知恩 賣身)

Как видим, в двух случаях из трех названия биографий почтительных детей несколько отличаются друг от друга. На самом деле, отличий в биографиях двух памятников гораздо больше. Если говорить о содержании, то оба памятника в принципе одинаково описывают одни и те же поступки одних и тех же персонажей.

Однако тексты «похожих» биографий в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» и «Самган хэнсильдо» различны.

Во-первых, «Тонгук синсок самган хэнсильдо» всегда уточняет родину персонажа. В принципе это старая дальневосточная традиция – указывать в биографиях «место происхождения» (место проживания) героя. Если говорить в категориях современной культуры, то это как «прописка» человека, то есть один из факторов пространственной идентификации личности.

В двух случаях из трех место происхождения героев биографий отличается. Однако не кардинально. Так, в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» сказано, что Хян Док был родом из Кончжу (공주 公州)¹²⁸, в то время как в «Самган хэнсильдо» сказано, что Хян Док происходил из Унчхона (웅천, 熊川)¹²⁹. Оба населенных пункта расположены в современной провинции Южная Чхунчхон примерно на расстоянии 50 км друг от друга.

Во-вторых, в отличие, например, от ситуации с «Тонгук сок самган хэнсильдо» («Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее») и «Сок самган хэнсильдо» («Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей»), когда иллюстрации к биографиям без изменений переносятся в новую версию текста, в блоке биографий силласких почтительных детей «Тонгук синсок самган хэнсильдо» представлены совершенно новые иллюстрации.

Таким образом, описанные выше три условно старые биографии почтительных детей эпохи Силла на деле оказываются новыми, но *не принципиально*, по содержанию, а с точки зрения текста и иллюстраций к ним.

По содержанию указанные силлаские биографии почтительных детей, попавшие в *текстологически самостоятельную* часть памятника, в целом продолжают и развивают основные установки, определяющие приоритетные направления в совершении поступков служения родителям, обозначенные в первых официально «заимствованных» из ранних источников биографиях.

Прежде всего, это самопожертвование с нанесением вреда своему телу (Хян Док и Сонгак) или вреда своему общественному положению (Чиын продает себя в услужение).

¹²⁸ Тонгук синсок самган хэнсильдо. Т. 2. С. 36, 30.

¹²⁹ Самган хэнсильдо. С. 204.

Однако первая биография из Силлаского блока «Тонгук синсок самган хэнсильдо» абсолютно новая, и ранее в памятниках, связанных с категорией хё (孝), не встречалась. Это биография **Сон Суна**, которая называется «Сон Сун получает колокол» (손순 득종, 孫順 得鐘).

В биографии говорится о том, что Сон Сун жил в период правления государя Хындог-вана (흥덕왕; 826–835 гг.) в районе столичного города Кёнчжу. Жил вместе с престарелой матерью, кормил ее. У Сон Суна был маленький сын. Сон Суну казалось, что из-за того что он кормит сына, не хватает еды для матери. Поэтому как-то раз он предложил своей жене закопать сына в землю (заживо). Решено – сделано. Отправились в горы, стали копать яму. Вдруг обнаружили в земле странный каменный колокол. Жена Сон Суна сказала, что это не просто так, что этот колокол принесет сыну счастье. Вернулись домой, прихватив колокол с собой. Жена ударила в колокол, и звон от него услышали в королевском дворце. Прислали гонца, чтобы узнать, в чем дело. Разобравшись, восхитились произошедшим, и решили послать семье Сон Суна 50 сок зерна¹³⁰.

Указанная *первая в новом блоке* памятника биография – это редкий случай описания чудесных событий. С другой стороны, можно усомниться в достоверности излагаемых событий, поскольку эта биография очень похожа на китайскую биографию эпохи Хань «Гуа Цзюй зарывает сына» (곽거 매자, 郭巨 埋子), представленную в «Самган хэнсильдо»¹³¹. В ней также почтительный сын решил зарыть в землю трехлетнего сына, чтобы больше оставалось еды для престарелой матери. И когда он стал рыть землю, то обнаружил в ней золотые слитки с надписью, что это подарок Небес почтительному сыну.

Итак, в начале *оригинальной* (не заимствованной) *части текста* трактата «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (東國新續三綱行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее») можно проследить все те же мотивы *жертвенности* вплоть до членовредительства или умерщвления мужского потомства, которые на протяжении эпохи Чосон постепенно становятся все более преобладающими среди сюжетов о почтительных к родителям детях.

Почтительные дети эпохи Корё. Эпоха Корё в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» представлена 61 биографией почтительных детей. На фоне всего лишь семи описаний поступков корёских почтительных детей, представленных в «Самган хэнсильдо», это, можно сказать, целая «энциклопедия» почтительности к родителям эпохи Корё.

¹³⁰ Тонгук синсок самган хэнсильдо. Т. 2. С. 16, 26.

¹³¹ Самган хэнсильдо. С. 84.

В корёском блоке «Тонгук синсок самган хэнсильдо» также можно найти пять имен, чьи биографии уже были представлены в «Самган хэнсильдо». Учитывая биографию «Нубэк ловит тигра» (누백포호, 婁伯捕虎), попавшую в первый том памятника, можно сказать, что все предшествующие биографии почтительных детей Корё, за исключением описания поступка девушки по фамилии Син (신씨, 辛氏)¹³², которая попыталась задушить разбойника, чтобы отомстить за смерть отца и сама при этом погибла, попали в новую редакцию памятника (поступок Син несколько «странен» как с точки зрения классического «Канона сыновней почтительности», так и с точки зрения *корейских* представлений о категории хё, жертвенность признается лишь в том случае, если она приводит к ощутимым положительным результатам для родителей).

В отличие от предшествующих корейских трактатов о почтительности к родителям XIV и XVI вв., в «Тонгук синсок самган хэнсильдо» при значительном увеличении количества персонажей, чьи поступки отмечаются в сочинении, заметно значительное сокращение *текста описания событий*. В рассматриваемом памятнике все больше так называемых иллюстрированных описаний (поступков) почтительных детей (효자도, 孝子圖), которые сводятся лишь к простой констатации *имени, места рождения, упоминания типа совершенного поступка и полученных наград*. При этом нередко изложение подробностей акта сыновней почтительности полностью опускается. Такая «биография» уместается на одной строке. И характер «Тонгук синсок самган хэнсильдо», таким образом, постепенно трансформируется от *поучительного трактата*, должного способствовать улучшению нравов населения, к *простому каталогу-перечню* почтительных сыновей и дочерей. Создается впечатление, что памятник «Тонгук синсок самган хэнсильдо» был составлен не для того, чтобы улучшить нравы собственного корейского народа, а для того, чтобы «с гордостью» продемонстрировать Китаю особые «конфуцианские качества» Кореи, то, что именно Корея становится культурным центром Поднебесной, «маленьким Китаем»¹³³.

4. КАТЕГОРИЯ ХЁ (孝) В КОРЕЙСКИХ ПАМЯТНЫХ СТЕЛАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В провинциях Южной Кореи администрация округов, областей, уездов по мере своих сил старается сохранять и поддерживать местную культуру, собирать материалы по истории края. В каждой местной управе

¹³² Там же. С. 218.

¹³³ Подробнее о теории «маленького Китая» см.: Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002. С. 250–251.

имеется своя библиотека, в которой помимо общегосударственных изданий собраны сочинения, опубликованные в данной местности.

В частности, местная южнокорейская администрация занимается сбором и изданием материалов, посвященных истории и культуре подчиненных административных единиц¹³⁴. Причем подобная литература часто не представлена в центральных южнокорейских библиотеках, и ознакомиться с ней возможно, только посетив местные библиотеки при провинциальной (уездной, областной) администрации. Для относительно полного обзора имеющихся в Южной Корее краеведческих материалов требуется провести детальные «полевые исследования», что на настоящий момент в силу ряда причин, в особенности для иностранного гражданина, практически невозможно.

Тем не менее автору настоящей работы удалось познакомиться с публикацией текста стел, установленных в приморской области Тхоньён (통영군, 統榮郡) провинции Южная Кёнсан, которые описывают акты почтительности к родителям, совершенные местными жителями во второй половине XIX – начале XX в.

Очевидно, ослабление центральной государственной власти, имевшее место в Корее в первой половине XIX в., разрушение традиций, последовавшее за «открытием» Кореи внешнему миру в 1870–1880-х годах, ряд реформ конца XIX столетия, направленных на модернизацию страны, – все это привело к тому, что государство перестало уделять должное внимание совершенным населением страны актам почтительности к родителям. В результате государство перестало контролировать фиксацию (увековечение) актов служения родителям, перестало поощрять совершивших особые поступки во имя родителей. Наиболее распространенным способом «награды» за служение родителям было установление памятных стел на родине «героя» с описанием совершенных им поступков. Однако в конце XIX – начале XX в. в Корее государство не занималось вопросом установки даже таких стел, уже не говоря о таких традиционных для Кореи нового времени видов поощрений, как освобождение от налогов и повинностей или же жалование зерном.

Поэтому с конца XIX в., а в особенности начиная с 1910-х годов, когда вместе с падением династии Ли (1392–1910) завершилась история «традиционной» Кореи, вопросом установки стел в честь почтительных к родителям детей стали заниматься частные лица или представители местной администрации по собственной инициативе.

¹³⁴ См. подробнее, например: Курбанов С.О. Из корейских дневников // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 5–6. СПб., 2003. С. 287–288.

Хронологически примерно половина описанных в литературе стел уезда Тхоньён в честь почтительных детей установлены еще в конце XIX – начале XX в., а вторая половина – уже после 1945 г., то есть после освобождения Кореи от японского колониального господства.

Однако, несмотря на более чем вековой разброс во времени сооружения стел, большая их часть описывает образцовые поступки служения родителям конца династии Ли.

Рассмотрим особенности описания актов почтительности к родителям, совершенных на рубеже нового и новейшего времени в Корее ряда областей уезда Тхоньён провинции Южная Кёнсан. Причиной выбора именно этого региона Кореи является доступность материала: тексты с указанных стел были собраны и опубликованы уездной администрацией в 1990 г.

Для большей наглядности описания особенностей актов служения родителям основные показатели, характеризующие эти акты, сведены в таблицы (см. табл. 3–6). Среди этих показателей следует особо выделить несколько наиболее важных, относящихся как к категории «технического описания» стел, так и к категории выявления *особенностей* актов служения родителям.

В *названии* стелы заключается информация о том, кем – мужчиной или женщиной, совершался акт служения родителям.

К важнейшим «техническим показателям» относится указание на *год сооружения* стелы и год (или годы) описываемых событий. Здесь очень важно обратить внимание на то, насколько *длительный период* отделяет время совершения поступка служения родителям от даты установки стелы. В среднем срок от момента совершения особого поступка для родителей до времени установки стел – 20–50 лет, хотя иногда этот период может доходить и до 90–100 лет.

Также очень важно отметить, что из 31 стелы, рассмотренной в настоящем разделе, только одна *предположительно* установлена в конце XIX в. Все остальные стелы были сооружены исключительно в XX в., то есть уже после того, как закончилась история государства Чосон – Страны Утренней Свежести, в котором правительство проводило политику поощрения совершения актов служения родителям.

Начиная с 1897 г. – года объявления о создании Империи Великая Хан (так стало называться новое корейское государство), в Корее с еще большей интенсивностью стали проводиться реформы, направленные на модернизацию страны. Поскольку эти реформы проводились не без влияния (и в известной степени контроля Японии), то с 1905 г. Корея стала терять свою самостоятельность, став протекторатом Японии, а в 1910 г. «вошла в состав» Японской империи.

«Модернизация» предполагала во многом отказ от традиционных категорий культуры, по крайней мере, на официальном правительственном уровне. Очевидно, что «простой народ», включая провинциальную интеллигенцию, не принимал подобную «модернизацию» и по-своему реагировал на изменения государственных приоритетов: в начале и середине XX столетия на частные средства в провинции сооружались стелы, прославлявшие «праведных» героев той или иной местности. Поскольку «героями», чьи поступки описывались в стелах, были в основном простолюдины, то и основными видами поступков были акты служения детей родителям (*хё*) или акты служения жён мужьям (*ёль*, 열, 烈).

Помимо указания даты совершения поступков служения родителям и сооружения памятной стелы, в таблицах, приведенных ниже, также рассматриваются *типы поступков* служения родителям, они разделены на две большие категории: 1) «нормальные» поступки, как-то – уход за престарелыми родителями (собственными или родителями мужа), трехлетний траур или житие у могилы родителя, моление Небесам, доставание какого-либо особого продукта или лекарства, крайне необходимого родителю; 2) «ненормальные», «экстраординарные» поступки, к ним прежде всего относятся такие действия как, например, отрезание пальца руки или плоти бедра для приготовления лекарства больным родителям, пробование на вкус экскрементов родителей для определения состояния их здоровья или отсасывание гнояного нарыва.

В особый раздел выделены необычные события, происходящие с почтительными детьми, в частности приход тигра на могилу предка, у которой живет почтительный сын. Данный аспект рассматривается особо по той причине, что именно в корейских описаниях событий, описаниях XVI–XX вв., связанных со служением родителям, тигр появляется не в качестве отрицательного персонажа, угрожающего жизни «героя», а как некий «дух-животное», защищающее почтительного сына или дочь от бед. Рассмотрение «персонажа» тигра в корейской культуре не является целью исследования настоящей работы, однако может быть полезным для будущих научных изысканий, вот почему на эту проблему, неизученную в отечественной литературе, обращается особое внимание.

Завершает таблицы, кратко описывающие характер содержания стел о почтительных детях, информация о полученных наградах. Здесь прежде всего нужно иметь в виду, что сам факт установки памятной стелы уже является некоей «посмертной наградой» для совершившего особый поступок служения родителям. Кроме того, в представленном анализе особое внимание уделяется аспектам *материального вознаграждения*, таким, как освобождение от налогов и податей, получение небольшой (нередко формальной) чиновничьей должности.

Последний аспект материального вознаграждения стал *возможным* лишь в Корее нового времени, в связи с процессом социального расслоения, приведшего, с одной стороны, к обезземеливанию правящего класса *янбан*, а с другой – к возможности повышения социального статуса крестьянства и торговцев путем, например, покупки должностей¹³⁵.

Область Ённам уезда Тхоньён. Всего в области Ённам по состоянию на 1990 г. было обнаружено 12 stel, поставленных на рубеже XIX–XX вв. в честь почтительных сыновей и преданных жен (烈女), из них поступки почтительных сыновей и дочерей описываются в девяти стелах (75%). Среди 10 персонажей, показавших образцовое служение родителям (в одной из stel описываются поступки двух братьев, поэтому персонажей не 9, а 10), только три – женщины, причем все они заботились не о собственных родителях, а о родителях мужа.

Итак, систематизируем основные моменты в актах почтительности к родителям уезда Ённам (табл. 3).

Таблица 3. Описание актов почтительности к родителям в стелах области Ённам (웅남면, 龍南面) уезда Тхоньён (통영군, 統營郡)

№ п/п	Страница в тексте книги	Название стелы	Год сооружения	Год событий	Забота о своих родителях	Забота о родителях мужа	Житие у могилы три и более лет	Траур три года	Моление Небесам	Доставание особого продукта	Отрезание пальца	Отрезание плоти бедра	Проба экскрементов	Отсос гнойного воспаления	Другие поступки, события	Тигры охраняют могилу	Получение должности	Освобождение от налогов
1	7	Ким из Кимхэ	1952	?	×			×							×			
2	13	Госп. Кан	1954	?		×												
3	17	Госп. Чху	1900	?		×						×						
4	21	Братья Ким	?	? 1917	×						×	×						
5	25	Чон из Кёнчжу	1919	1874			×	×			×				×	×	×	×
6	29	Чон Хваён из Кёнчжу	1981	?							×							
7	33	Чон Ингон из Кёнчжу	1919	До 1893	×		×									×	×	×
8	37	Госп. Ким	1979	1910	×	×					×							
9	40	Канн Чжэхан	1918	1881–91	×		×	×		×	×				×			

¹³⁵ См. подробнее: Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. С. 263–267.

Согласно данным таблицы, то есть по материалам области Ённам, можно выделить следующие основные особенности в «провинциальном» служении родителям в Корее конца XIX – начала XX в.

Прежде всего обращает на себя внимание преобладание актов членовредительства во имя родителей – шесть случаев из девяти; при этом братья Ким (№ 4), например, не только отрезали свои пальцы рук в целях приготовления лекарства для родителей, но и пробовали на вкус экскременты родителей (чтобы узнать о состоянии их здоровья).

В отдельную категорию биографий можно выделить описание поступков Чона из Кёнчжу (№ 5) и Чон Ингона, также родом из Кёнчжу (№ 7). Оба жили у могилы умерших родителей по три года, к обоим на могилы родителей приходили тигры, оба получили чиновничьи должности и были освобождены от уплаты налогов.

Иногда создается впечатление, что описание поступков почтительного сына в известной степени «мифологично», то есть представляет не реально произошедшие события, а словно приписывает «герою» все те идеальные качества, которыми он должен был бы обладать как почтительный сын.

Один из таких случаев, *возможно*, стела, поставленная в честь Кан Чжэхана (강 재한, 姜 載漢). Стела будто бы описывает весь тот «набор идеальных поступков», который должен иметь всякий образцовый почтительный сын или почтительная дочь¹³⁶.

Кан Чжэхан с ранних лет проявлял заботу о родителях. Когда отцу исполнилось 90 лет (в 1891 г.), он заболел. Тогда и Кан Чжэхан и его жена делали все для того, чтобы кормить отца вкусной пищей и готовить всевозможные лекарства (*стандартная забота о родителях*). Однажды зимой отец очень захотел съесть свежий огурец. А вокруг все было покрыто снегом. Что делать? Расстроенный Кан Чжэхан отправился на свое поле, заплакал от безысходности. И вдруг ему показалось, что на земле лежат два огурца. Взял их, принес домой, накормил отца, и тому стало легче (*доставание особого деликатесного продукта чудесным образом*). Затем Кан построил молельню и стал просить Небеса о продлении жизни отца. Но ничто не помогало и отец с каждым днем становился все слабее. Тогда Кан отрезал палец своей руки, дал отцу свою кровь и тем самым продлил жизнь отца еще на три дня. И все же отец скончался. Кан устроил подобающие похороны и в течение трех лет соблюдал положенный траур. В любую погоду утром и вечером приходил на могилу отца и совершал

¹³⁶ Хёльхэн чжокпи нокчип [효열행적비록집, 孝烈行蹟碑錄集. «Собрание текстов стел в честь почтительных детей и верных жен»]. Ёнтхон, 1990. С. 40–42.

жертвенные подношения у могилы. После того как завершился траур, Кан не ел огурцов, которые любил отец, не пользовался отцовскими сосудами для вина.

Стела в честь Кан Чжэхана

Вскоре тяжело заболела и мать Кана. Сын старался прислуживать матери так же, как и отцу; кроме того, постоянно совершал моления небесам. После смерти матери Кан Чжэхан совершил все положенные траурные церемонии. И его скорбь по родителям была настолько велика, что здоровье Кана значительно ослабло.

И тем не менее даже в возрасте 85 лет он тщательно исполнял церемонии «кормления духов предков» (제사, 祭祀), никогда не мылся за три дня до церемонии поминовения и через три дня после ее завершения.

Далее автор текста стелы пишет, что и одного поступка из перечисленных вполне хватило бы для того, чтобы Кан вошел в историю как особо отличившийся почтительный сын. Тем не менее Кан Чжэхан не смог получить никаких почестей от государства в знак признания своих заслуг. И это несмотря на то что в свое время в управе было принято соответствующее решение. Вот так (далеко не в лучшую сторону) меняются нравы народа. Поэтому для передачи добрых традиций последующим поколениям в 1918 г. было принято решение о составлении такого текста и установлении стелы.

Таким образом, можно заметить, что по форме и содержанию текст стелы во многом напоминает биографии почтительных к родителям детей в памятнике «Тонгук синсок самган хэнсилдо» (동국 신속 삼강 행실도; 東國 新續 三綱 行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей»).

Кроме того, текст стелы напрямую говорит о том, что на рубеже XIX–XX вв. корейское государство перестало официально поощрять совершение поступков служения родителям, а многие формы «поощрения» такого образцового поведения, как, например, установление стелы с памятным текстом, перешли на уровень местной частной инициативы.

Область Санъян уезда Тхоньён. Из семи памятных стел области Санъян, тексты которых представлены в рассматриваемом сборнике материалов, все семь посвящены актам почтительности к родителям. Любопытно отметить, что в пяти из них в роли почтительных к родителям детей выступают женщины, при этом не все биографии описывают *исключительно* акты почтительности к родителям. Так, например, госпожа Ким из Кымнёна (금년 김씨, 金寧 金氏) сначала проявила себя в роли преданной жены ёллё (열녀, 烈女), ухаживая за больным мужем, и лишь затем, после смерти мужа, совершила положенные траурные церемонии по умершим вслед за сыном родителям мужа.

Итак, согласно текстам стел о почтительных к родителям детях области Санъян, можно указать на следующие особенности совершения актов служения родителям в этом уезде на рубеже XIX–XX вв. (табл. 4).

Таблица 4. Описание актов почтительности к родителям в стелах области Санъян (산양면, 山陽面) уезда Тхоньён (통영군, 統營郡)

№ п/п	Страница в тексте книги	Название стелы	Год сооружения	Год событий	Забота о своих родителях	Забота о родителях мужа	Житие у могилы три и более лет	Граур три года	Моление Небесам	Доставание особого продукта	Отрезание пальца	Отрезание плоти бедра	Проба экскрементов	Отсос гнойного воспаления	Другие поступки, события	Тигры охраняют могилу	Получение должности	Освобождение от налогов
1	56	Ким Ынчхан	1941	1889–91										×				
2	62	Госп. Ким из Кымнёна	1930	?		×			×									
3	66	Госп. Чон из Кёнчжу	?	?		×		×							×			
4	68	Госп. Ким из Кымнёна	1958	1886				×							×			
5	74	Госп. Ким из Чончжу	1940	1929		×								×	×			
6	76	Госп. Чу из Синана	1920	?		×								×				
7	80	Со Гёнху	1925	1872	×				×		×							×

В случае с актами почтительности к родителям в области Санъян обращает на себя особое внимание факт практически полного отсутствия каких-либо актов членовредительства во имя родителей. Только в одном случае из семи некто Со Гёнху (서경후, 徐慶厚) еще в десятилетнем возрасте отрезал палец своей руки, чтобы напоить кровью больную мать, чем спас ее от преждевременной смерти. Кроме этого акта членовредительства, Со Гёнху также в целом проявлял особую заботу о родителях,

молился «Семи звёздам»¹³⁷ (칠성, 七星) во имя выздоровления больной матери. Поэтому был награжден освобождением от различного рода налогов. Однако же памятная стела в честь поступка Со Гёнху была сооружена только в 1925 г.

Стела в честь Со Гёнху

¹³⁷ Чхильсон (칠성, 七星) – божество, согласно корейским народным верованиям отвечающее за урожайность, долголетие, благосостояние (см. Хангук минчжок мунхва тэбэкхва сачжон). Относительно того, что из себя представляют «Семь звезд», в корейской справочной литературе единого мнения нет. Например, «Большой корейско-русский словарь» (В 2 т. М., 1976) дает перевод этого слова как «Большая Медведица» (Т. 2. С. 241), то есть созвездие Большой Медведицы. Аналогично трактуют слово чхильсон (칠성) и корейско-английские словари (см. например, Minjung's Essence Korean-English Dictionary. Seoul, 2004. P. 2237). С другой стороны, в «Большой энциклопедии корейской национальной культуры» утверждается, что Чхильсон – это божество одной-единственной звезды. Однако, Полярная звезда обозначается в корейском языке совершенно другим словом – Пукккыксон (북극성). Таким образом, представление о «Семи звездах» оказывается очень непростым, спорным и не до конца объясненным даже в справочной корейской литературе.

Область Тосан уезда Тхоньён. В области Тосан к 1990 г. было обнаружено девять памятных стел, посвященных деяниям почтительных детей и преданных жен, из них категория «почтительности к родителям» хё описывается лишь в шести стелах.

Поступки, связанные с заботой, служением родителям жителей уезда Тосан, в сравнении с соседними уездами в целом, пожалуй, схожи между собой. В двух случаях из шести имели место акты членовредительства: отрезание пальцев руки, а также плоти бедра для того, чтобы накормить своих родителей. Также в стелах области Тосан зафиксирован случай пробы на вкус экскрементов для выяснения самочувствия родителей. Однако немалая часть поступков служения родителям ограничивалась «стандартной» заботой о них, то есть соблюдением трехлетнего траура, иногда – житием у могилы умершего родителя, то есть была достаточно «мирной», «классической».

Еще одна особенность памятных стел области Тосан – *совмещение* описания двух «родственных» качеств в поведении *женщин* – почтительности дочери и преданности жены. Подобные стелы имеют особое родовое название *хёльби* (효열비, 孝烈碑. «Стела почтительной к родителям дочери и верной жены»). Такие стелы обозначены знаком * («звездочка») в первой графе табл. 5.

Таблица 5. Описание актов почтительности к родителям в стелах области Тосан (도산면, 道山面) уезда Тхоньён (통영군, 統營郡)

№ п/п	Страница в тексте книги	Название стелы	Год сооружения	Год событий	Забота о своих родителях	Забота о родителях мужа	Житие у могилы три и более лет	Траур три года	Моление Небесам	Доставание особого продукта	Отрезание пальца	Отрезание плоти бедра	Проба экскрементов	Отсос гнойного воспаления	Другие поступки, события	Тигры охраняют могилу	Получение должности	Освобождение от налогов
1	86–87	Госп. Соль*	1916	1820-е		×		×			×							
2	92	Чон из Чиньяна	1927	?	×										×			×
3	96	Хёбэк	1958	1824 (1884?)	×		×	×					×				×	
4	100–101	Ким из Кимхэ	На ч. XX	1877 (1817?)	×													

поделиться с родителями самой вкусной пищей. Когда отец заболел, то пробовал на вкус экскременты отца, чтобы узнать состояние его здоровья, каждый день молился Небесам. Когда отец скончался, Хёбэку было всего 20 лет. И тем не менее он совершил все траурные церемонии, выдержал положенный трехлетний траур, живя все это время у могилы отца. Мать Хёбэка умерла в 80 лет. Почтительный сын также провел три года в трауре у могилы матери. За свои заслуги был удостоен почетной чиновничьей должности, и в честь него была водружена памятная стела. Однако со временем стела разрушилась и была восстановлена заново в 1958 г.¹⁴⁰

Другая стела из области Тосан, установленная в 1883 г. *на государственные средства*, рассказывает о некоем Чха Пхильги (차 필기, 車弼基), который происходил из довольно знатного рода, поэтому с детства отличался высокими моральными качествами, с ранних лет научился прислуживать родителям.

Стела в честь Чха Пхильги

Когда отцу Чха Пхильги исполнилось 80 лет, тот внезапно заболел. Какие бы лекарства ни пробовал давать отцу Чха, ничто не помогало; он усердно молился Небу за выздоровление отца. И вот однажды к нему в дом пришла старая женщина и сказала, что лишь человеческая плоть сможет вылечить отца. И тогда почтительный сын дважды отрезал плоть из своего бедра и кормил ею своего отца. Благодаря подобной заботе сына отец прожил до 101 года. За свое достойное поведение Чха Пхильги был удостоен чиновничьей должности *чобон тэбу* (조봉대부, 朝奉大夫). После кончины отца Чха Пхильги совершил все необходимые траурные церемонии и поселился у могилы отца, где жил в течение трех лет. Все это время к могиле приходил *тигр*, который защищал Чха. Многие дровосеки, что промышляли в округе, видели этого тигра и прозвали место, где находилась могила, «Долиной тигра». Кроме того, все они знали, что тигр добрый, и звали его «Тигром почтительного Чха», говорили всем окрестным жителям, чтобы тигру никто не причинял вреда. О служении родителям почтительного Чха Пхильги, а также о чудесах, которые сопровождали Чха, было доложено государю, и по его личному повелению в области Тосан была установлена памятная стела.

Последняя биография в известном смысле собирательная, «идеальная», поскольку в ней как бы соединены все основные качества, которые должны присутствовать в «образцовой» биографии почтительного сына в Корее XIX в.: искренняя забота о родителях, вплоть до членовредительства (отрезание плоти бедра); трехлетний траур и житие у могилы родителей; чудесные события, идущие «от духов и Небес» и помогающие почтительному сыну (дочери) в его служении родителям; воздаяние за служение родителям при жизни – получение чиновничьей должности; воздаяние после смерти – установление памятной стелы.

Область Квандо уезда Тхоньён. В рассматриваемом в настоящей работе сборнике фактических материалов по стелам из уезда Тхоньён, в области Квандо к 1990 г. было обнаружено 13 памятных стел. Формально, исходя из названий стел, все они так или иначе описывают акты служения родителям. Однако реально, исходя из текстов стел, категории «почтительности к родителям» *хё* посвящены тексты только 10 стел. Из 13 стел в пяти случаях речь идет о женщинах с «двойными заслугами», то есть про-

явившими себя как верные жены (열부, 烈婦) и как почтительные дочери (효녀, 孝女).

Акты служения родителям, совершенные в области Квандо на рубеже XIX и XX в. (табл. 6), также достаточно показательны в контексте изменения представлений о категории «почтительности к родителям» хё в указанное время: стелы Квандо достаточно часто описывают акты самопожертвования во имя родителей, вплоть до членовредительства. Например, в пяти из десяти рассматриваемых случаев почтительные дети отрезали пальцы своих рук для того, чтобы собственной кровью лечить родителей. Во всех трех случаях трехлетнего жития у могилы умершего родителя к могилам приходили тигры и защищали сына, соблюдающего траур.

Таблица 6. Описание актов почтительности к родителям в стелах области Квандо (광도면, 光道面) уезда Тхоньён (통영군, 統營郡)

№ п/п	Страница в тексте книги	Название стелы	Год сооружения	Год событий	Забота о своих родителях	Забота о родителях мужа	Житие у могилы три и более лет	Траур три года	Моление Небесам	Доставание особого продукта	Отрезание пальца	Отрезание плоти бедра	Проба экскрементов	Отсос гнойного воспаления	Другие поступки, события	Тигры охраняют могилу	Получение должности	Освобождение от налогов
1	130–131	Ким Кёнчхоль	1931	1888	×	×	141		×		×		×		×			
2	140	Ким Минчхоль	1923	1880-е (?)	×	×	×		×		×		×			×		
3	148	Ким Донсун	1906	1906			×								×	×		
4	152	Ким Ынпхиль	1906	1892	×			×	×								×	
5	159	Госп. Сим из Чхонсон	1925	1896		×					×				×			
6	163	Госп. Пак из Мильсона*	1934	?	×	×												

Приведем конкретный пример служения родителям из тех, что описаны в стелах Квандо.

¹⁴¹ В тексте биографии рассказывается одновременно о почтительном служении как «главного героя» Ким Кёнчхоля, так и его жены, госпожи Сим (심씨, 沈氏).

Ким Гёнчхоль (김 경철, 金景喆) еще в возрасте семи–восемь лет научился служению родителям. Уже через много лет, когда отец Кима состарился и в 1888 г. заболел, сын молился Небесам о том, чтобы те взяли его собственную жизнь, но сохранили жизнь отцу. Ничто не помогало. Тогда Ким Гёнчхоль стал вместе со своей женой усердно искать любые средства к выздоровлению отца, пробовал на вкус его экскременты, чтобы узнать о состоянии его здоровья. В конце концов он отрезал палец на своей руке и приготовил отцу лекарство, чем продлил его жизнь на *три дня*. После кончины отца Ким полностью соблюдал все полагающиеся траурные церемонии. Когда заболела мать, он так же внимательно заботился о ней, как и об отце. Через некоторое время Ким Гёнчхоль заболел сам. Тогда его жена, чтобы вылечить мужа, дважды надкусывала безымянный и средний пальцы своей руки, чтобы кровью как лекарством напоить мужа, тем самым продлив его жизнь на пять дней. Перед смертью муж наказал жене заботиться о его матери. Госпожа Сим так и сделала, проводя вместе с его матерью последующие десять лет. Памятная стела в честь обоих супругов была установлена по государственному указу в... 1931 г.¹⁴²

Стела в честь Ким Гёнчхоль

¹⁴² Хёльхэн чжокпи нокчип. С. 130–131.

Указанный год сооружения стелы представляется необычным и весьма значимым. Если дата «1931 г.» не ошибка переписчика, то, возможно, данный факт указывает на то, что в начале 1930-х годов местное корейское самоуправление, существовавшее при японских колониальных властях с 1919 г.¹⁴³, имело некоторые властные полномочия, позволявшие проводить политику, направленную на поддержание *корейских* исторических национальных традиций.

В целом характер описания актов почтительности к родителям (효행, 孝行) в провинциальных стелах конца XIX – начала XX в. можно охарактеризовать как *отражающий основные корейские представления* о почтительности к родителям, зафиксированные в памятнике XVII в. «Тонгук синсок самган хэнсилдо» (동국 신속 삼강 행실도; 東國 新續 三綱 行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее»).

¹⁴³ Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. С. 371.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомство с текстами классических конфуцианских древнекитайских сочинений, в которых описывается категория «почтительности к родителям» хё (孝), с корейскими переводами и комментариями к этим текстам, а также подробное рассмотрение корейских теоретико-дидактических сочинений средних веков и нового времени показало, что *корейский подход* к пониманию универсальной категории культуры «почтительности к родителям» (孝) не только отличался от китайского, но и претерпел историческую трансформацию, получив к началу XX столетия ряд новых, несвойственных ему качеств.

Отправной точкой *корейского* подхода к пониманию и реализации на практике этой категории культуры была *вера в посмертную жизнь духов предков*, причем не просто в «посмертную жизнь», но и в возможность «обратной связи», то есть прямого воздействия духа предка на жизнь живущего потомка.

При этом в *корейском* понимании категории «сыновней почтительности» в средние века и новое время обнаруживаются два основных подхода: 1) как к универсальной категории культуры, одному из путей управления обществом и государством; 2) как к практическому методу сохранения идеального состояния семьи, гармоничного отношения между ее членами, и прежде всего как методу заботы о старших родственниках.

Универсальный подход к пониманию категории хё зафиксирован в конфуцианском классическом «Каноне сыновней почтительности» (孝經; V в. до н.э.), рассматривавшем категорию «почтительности к родителям» хё (кит. – сяо 孝). Однако в Корее средних веков был распространен не

собственно «изначальный оригинал» канона (вопрос о происхождении которого в научной среде еще до сих пор не решен), а переработанный в средние века текст: сначала в Корее стал популярен текст «Сяо цзина» с комментариями знаменитого китайского средневекового конфуцианского мыслителя Чжу Си (1130–1200), а затем – новая редакция китайского ученого Дун Дина, жившего в период правления династии Юань (1280–1367).

Поистине «революционным» как в истории корейского конфуцианства и корейской культуры в целом, так и в истории распространения «Канона сыновней почтительности» в Корее стало введение в употребление в 1443 г. корейского национального алфавита. Вслед за этим в XVI столетии началась активная работа по переводу на корейский язык классических конфуцианских сочинений. Корейский перевод «Канона сыновней почтительности» появился ориентировочно в 1590 г. Тогда же можно говорить и о начале письменной фиксации *особого корейского* подхода к пониманию как категории «сыновней почтительности», так и конфуцианства в целом.

Корейская версия «Сяо цзина» – «Перевода на корейский язык и комментариев к “Канону сыновней почтительности”» («Хёгён онхэ» – 孝經諺解) в целом следует тексту китайского оригинала. Однако есть в корейской версии памятника и некоторые принципиальные отличия, фрагменты *дополнительного* текста комментариев, которые определяют *корейские* особенности в понимании категории «сыновней почтительности», это, в частности, предпочтение обязанностей перед родителями обязанностям перед государством. Кроме того, изучение текста памятника, его корейских комментариев к китайскому оригиналу, вносит новый взгляд в понимание основополагающих конфуцианских терминов, в частности термина «цзюнь-цзы» (君子), который в отечественном востоковедении принято отождествлять с понятием «благородный муж», «совершенный муж». Первая глава Комментариев памятника указывает на то, что в древности понятие *цзюнь-цзы* могло соотноситься с фигурой правителя (государя).

Согласно классическому подходу к категории хё, отраженному в «Сяо цзине» («Хёгён онхэ»), забота о родителях занимает далеко не самое центральное место. (Позволим себе напомнить читателю еще раз, что в настоящей работе термин «сяо/хё» употребляется в следующем значении: «в данном фрагменте текста речь идет о китайской “категории сыновней почтительности” сяо (孝), но может также иметься в виду и корейская категория “почтительности к родителям” хё (孝), которая, хотя в целом аналогична китайской категории “сыновней почтительности”, может иметь свои отличия. Понятие хё (孝), несмотря на идентичность иероглифической записи слова, в корейском

тексте в разные периоды времени могло восприниматься корейским читателем в рамках корейских особенностей категории “сыновней почтительности” или “почтительности к родителям”»..) Анализ корейской редакции памятника позволил впервые вычленить *универсальную формулу «сыновней почтительности»*, раскрытию которой, как оказалось, посвящена большая часть «Канона...». Категория *хё/сяо* рассматривается в нем в двух «системах координат» – **индивидуум–семья** и **индивидуум–государство**. При этом основная, «Каноническая глава» текста (經章) посвящена главным образом рассмотрению категории *хё/сяо* в системе координат индивидуум–государство. Так, для верховного правителя (государя, императора) важнейшим в рамках «сыновней почтительности» оказывается гармоничное управление народом, основанное на любви к своим родителям; для правящих сословий это – служение вышестоящим, отсутствие надменности в отношении нижестоящих, ответственное исполнение возложенных обязанностей. И только «сыновняя почтительность» простоллюдинов сводится к заботе о родителях, к кормлению родителей.

В процессе изучения классических конфуцианских сочинений удалось обнаружить (и это расходится с общепринятым представлением о сыновней почтительности), что «Канон сыновней почтительности» включает абсолютное подчинение детей родителям, допускает критику родителей (вышестоящих) со стороны детей (нижестоящих) и запрещает какое-либо самоистязание во имя родителей. Наоборот, успешность в собственных делах детей («хорошая карьера»), с точки зрения «Канона...», и есть высшее проявление заботы о родителях.

Управление государством, «обучение народа» в рамках категории *хё/сяо* составляет основу содержания глав Комментариев (傳章) «Канона сыновней почтительности», что расходится с распространенным (в особенности в Корее) представлением о том, что «почтительность к родителям» тождественна служению родителям.

Кроме классического сочинения «Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”», *ориентирами* для понимания сущности категории «почтительности к родителям» в Корее средних веков и нового времени служили такие китайские (а с XVI в. корейизированные) конфуцианские каноны, как «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Чжун юн». Однако они не представляют категорию *сяо/хё* в том же универсальном ключе, что и «Канон сыновней почтительности».

Так, «Беседы и суждения» (論語) интерпретируют *сяо/хё* в значении заботы о старших и пожилых людях, при этом сама категория «сыновней почтительности», согласно «Лунь юю», оказывается одной из составляющих «гуманности» *жэнь* (仁) – основополагающей категории конфуцианства.

Трактат «Мэн-цзы» (孟子), с одной стороны, как бы «развивает» положения «Бесед и суждений», выдвигая идею о том, что «служение родителям» (孝) – одно из проявлений «гуманности» (仁). С другой стороны, в «Мэн-цзы» говорится о том, что служить следует не только живым, но и умершим родителям (то есть духам предков). Немаловажным является соотношение категории «сыновней почтительности» с категорией «верности» (忠), что выводит *сяо/хё* на уровень регулятора отношений на общегосударственном уровне, но все же не в такой степени, как это изложено в «Каноне сыновней почтительности» (孝經).

«Чжун юн» («Учение о середине») в описании категории *сяо/хё* оказывается наиболее приближенным по содержанию к корейскому подходу в восприятии «сыновней почтительности»: в мире существуют различные духи; среди них – духи предков. Духам предков следует служить, для того чтобы отношения между миром духов предков и миром людей были гармоничными. Почтительный сын заботится о духах предков, продолжает дела предков и заботится о родителях.

В связи с описанием категории «сыновней почтительности» в трактате «Чжун юн», следует отметить тот факт, что отечественные востоковеды, не связывавшие категорию *сяо/хё* с верой в духов предков, до сих пор не обращали специального внимания на главы о духах (鬼神) как части блока о «сыновней почтительности», непосредственно предшествующие главам о категории *сяо/хё* (孝).

Корейский подход к теории «сыновней почтительности», отраженный в корейском конфуцианском трактате XIII в. (дополнен в XIX в.) «Мёнсим богам» (明心寶鑑. «Драгоценное зеркало просветленного сердца»), во многом повторяет позицию таких конфуцианских канонов, как «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Чжун юн».

В рамках изучения текста трактата «Мёнсим богам» удалось обнаружить существование *четко не различаемых в историографии двух* версий текстов памятника – XIII и XIX столетий. Появление второй версии текста, очевидно, было связано с процессом усиления национального самосознания, поисков собственных, корейских, культурных корней и последующими попытками отделения культуры Кореи от китайского влияния. Все это стало особенно заметно в Корее начиная с XVI–XVII вв. В целом особенности описания категории «почтительности к родителям» *хё* (孝) в трактате «Мёнсим богам» были определены как *следующие корейской традиции* особого выделения аспекта служения родителям в противоположность служению государству и обществу.

Таким образом, корейский подход к теории «почтительности к родителям» тяготеет к «узкому» пониманию этой категории только в смысле «служения родителям», то есть в рамках системы координат индивидуум–семья.

Кроме того, в Корее средних веков и нового времени также существовало различие между теорией и практикой исполнения «почтительности к родителям». Это различие, в свою очередь, также изменялось в зависимости от исторической эпохи. Трансформация представлений и реализации на практике категории хё отражена в серии корейских трактатов «Самган хэнсильдо» (삼강행실도; 三綱行實圖. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей»). Различные версии иллюстрированных трактатов «Самган хэнсильдо», имевших незначительные отличия в названиях, но кардинально различавшихся по содержанию, публиковались в XV, XVI, XVII в. Их репринтные переиздания осуществлялись по меньшей мере вплоть до конца XIX столетия.

Текстологический анализ серии «Самган хэнсильдо» показал, что, во-первых, одной из основных задач создания каждой новой версии памятника была та же, что и при написании второй редакции «Мёнсим богам»: постараться отделить конфуцианскую культуру Кореи от конфуцианской культуры Китая, по возможности создать свою собственную, «автономную от Китая» линию развития национальной государственной идеологии.

Во-вторых, удалось выяснить, что тексты из серии «Самган хэнсильдо» содержат с себе *конфуциански* переработанные фрагменты историй, присутствующих и в официальных корейских исторических сочинениях, таких как «Самгук саги» (삼국사기, 三國史記. «Исторические записи Трёх государств»), «Корёса» (고려사, 高麗史. «История Корё») и, возможно, ряда других.

Первый из серии памятников «Самган хэнсильдо», имевший то же название, что и вся серия, интересен фиксацией фактов о том, что и в самом Китае (откуда Корея заимствовала конфуцианство) представления о «почтительности к родителям» не были постоянными и менялись в зависимости от эпохи, все более «отдаляясь» от классического понимания этой категории культуры, как она была описана в «Каноне сыновней почтительности».

Так, в Китае в эпоху Тан (618–907 гг.) стали появляться акты самопожертвования во имя родителей через членовредительство (отрезание детьми собственной плоти для приготовления лекарств для больных родителей и т.п.), акты, идущие вразрез с классическим пониманием *сяо/хё*, запрещающим какое-либо нанесение увечья своему телу.

Однако в Корее не сразу приняли такой «новый» подход к пониманию сущности «сыновней почтительности». В тексте «Самган хэнсильдо» зафиксировано важное историческое событие, когда в Корее эпохи Корё (918–1392) развернулась дискуссия по поводу того, признавать ли *подобное* служение родителям, когда дети наносят себе увечья. После долгих споров Корея решила признать *также за образцовую* заботу о родителях через самопожертвование и нанесение себе увечий.

Второй трактат из серии «Самган хэнсильдо», называвшийся «Продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей» (속삼강행실도; 續三綱行實圖), был издан в 1514 г. В нем почти не осталось китайских примеров служения родителям и подавляющая часть биографий была корейская, в чем проявилась местная тенденция «кореизации конфуцианства».

Примеры служения родителям, представленные в этом трактате, обнаружили следующую тенденцию трансформации восприятия категории «служения родителям» (孝) в Корее XVI в. Во-первых, становится большей доля поступков, в которых главными персонажами являются *женщины* – и как объект служения (мать), и как субъект служения (дочь, невестка). Во-вторых, все более популярным становится такой вид «посмертного служения» родителям, как житие у могилы отца или матери. В-третьих, несмотря на относительно небольшое количество примеров самопожертвования с нанесением ущерба своему собственному телу, появляется новая категория самопожертвования – отрезание пальца руки для приготовления лекарства родителям. В-четвертых, все более частыми становятся случаи материального вознаграждения почтительных детей за совершение актов служения родителям. В-пятых, из описания примеров служения родителям практически полностью исчезают любые упоминания о том, что категория хё (孝) может быть универсальным регулятором отношений в обществе, и все сводится к частным поступкам, направленным на заботу о конкретных, отдельно взятых родителях одного конкретного человека.

Третий трактат из серии «Самган хэнсильдо», впервые опубликованный в 1617 г., «Тонгук синсок самган хэнсильдо» (동국신속삼강행실도; 東國新續三綱行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трех заповедей в Корее») наглядно показывает, что к XVII столетию Корея отказывается от пути подражания китайским примерам в любых сферах морали и нравственности, в том числе и в поступках «почтительности к родителям». Большинство актов служения родителям сводится к экстраординарным поступкам, таким как отрезание пальца руки для приготовления лекарства больным родителям, отсасывание гнойного нарыва на теле родителей и т.п.

Таким образом, из «Тонгук синсок самган хэнсильдо» видно, что в восприятии категории «почтительности к родителям» к XVII в. Корея полностью утрачивает связь с классическими китайскими представлениями. Сама категория хё (孝) превращается из универсального регулятора отношений в обществе и государстве, из реальности, которая должна быть обычной, повседневной, в отталкивающие экстраординарные поступки, *всегда* требующие некоего материального вознаграждения от государства. И в этом источники продемонстрировали коренное отличие корейского подхода к пониманию категории «почтительности родителям» от классического древнекитайского.

Тексты *корейских памятных стел* конца XIX – начала XX в., установленных в честь почтительных к родителям детей, демонстрируют, что в указанное время корейский подход к пониманию категории «почтительности к родителям» хё, с одной стороны, унаследовал точку зрения, зафиксированную в поздних изданиях серии памятников «Самган хэнсильдо», а с другой – *частично* вобрал в себя классическое восприятие категории хё, отраженное в «Переводе на корейский язык и комментариях к “Канону сыновней почтительности”», но лишь *в той части памятника*, которая отвечала корейскому подходу к этому вопросу в XVII–XIX вв. Говоря об особенностях структуры текстов указанных стел, также следует обратить внимание на то, что все они, как правило, следуют традиции изложения биографий серии «Самган хэнсильдо».

Историческая трансформация категории «почтительности к родителям» привела к тому, что в Корее XX столетия «сыновняя почтительность», очевидно, перестала быть столь распространенным явлением, как это было в средние века и новое время.

Именно для возрождения утраченных традиций в современной Республике Корея прилагаются огромные усилия для воспитания подрастающего поколения в духе категории хё (孝).

С другой стороны, категорию хё можно рассматривать не только с точки зрения совершения конкретных актов служения родителям или старшим в целом.

Независимо от того, совершают ли корейцы акты служения родителям или нет, категория хё, будучи составной частью живой конфуцианской культуры, актуальной для современной Кореи, как Южной, так и Северной, может незримо проявлять себя в самых разных сферах современной жизни.

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / Изд. текста, перев., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. М., 1995.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Перев. с китайского и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. М., 2004.

Мэн-цзы / Предис. Л.Н. Меньшикова; Перев. с кит. и указатели В.С. Колоколова. СПб., 1999.

Середина и постоянство / Перев. Д.П. Конисси // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. М., 2003.

Следование середине / Перев. А.Е. Лукьянова // Там же.

Учение о середине / Перев. В.Г. Бутова // Там же.

Хунмин чоным: («Наставление народу о правильном произношении») / Исслед., перев. с ханмуна, примеч. и прилож. Л.Р. Концевича. М., 1979.

Шицзин: Книга песен и гимнов / Перев. с кит. А. Штукина. М., 1987.

На китайском и корейском языках

Вонбон хэсоль Мэн-чжа [原本 解說 孟子. «Оригинальный текст и комментарий к [трактату] “Мэн-цзы”»]. Сеул, 1992.

Карэ пэкква [家禮白科. «Энциклопедия домашних ритуалов»]. Сеул, 1995.

Мёнсим погам. Хёгён. Комун чинбо. Ким Чончжин ёк [明心寶鑑. 孝經. 古文眞寶. 金丁鎮 譯. «Драгоценное зеркало просветленного сердца. Трактат о почтительности к родителям. Истинная драгоценность древних письмен». Перев. Ким Чончжин(а)]. Сеул, 1996.

Нон о. Тэ хак. Чун юн [論語. 大學. 中庸. «Беседы и суждения». «Учение о великом». «Учение о середине»]. Сеул, 1993.

Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль [누구나 꼭 알아야 할 家庭祭禮 凡節. «Правила домашних ритуалов жертвоприношений духам предков, которые должен знать каждый»]. Сеул, 1991.

Самган хэнсильдо [三綱行實圖. 해제: 김원용. 번역: 김익현, 임창재. «Иллюстрации практики исполнения Трёх заповедей»] (Факсимильное изд. Вступит. ст., перев. и коммент. Ким Вонъёна. Перевод Ким Икхёна, Им Чханчжэ). Сеул, 1982.

Самгук саги [三國史記. «Исторические записи Трёх государств»]. Кита Оцука, 1971.

Сасо [四書. «Четверокнижие»]. Т. 1–5 (корейский ксилограф предположительно XIX в. – из частного собрания С.О. Курбанова).

Синъёк «Е ги» [新譯 禮記. «Заново переведенные “Записи о ритуалах”»]. Сеул, 1992.

Синъёк Хёгён. Сон Донхо ёкхэ [新譯 孝經. 성동호 譯解. «Трактат о почтительности к родителям в новом переводе». Перев. и коммент. Сон Донхо]. Сеул, 1986.

Сохе. Нэхун. И Дохён ёкчу [昭惠. 內訓. 李道賢 譯註. «Внутренние наставления». Перев. и коммент. Ли Дохёна]. Сеул, 1989.

Сок самган хэнсильдо [續 三綱行實圖. «Продолжение иллюстраций практики исполнения Трёх заповедей»]. Сеул, 1983.

Сохак. Хёгён. Хёгён пучжон [小學. 孝經 附傳. «Малое учение. Канон сыновней почтительности. Приложение к “Канону сыновней почтительности”»]. Сеул, 1979 (факсимильное изд.).

Тонгук синсок самган хэнсильдо [東國新續三綱行實圖. «Новое продолжение иллюстраций практики исполнения Трёх заповедей»]. Т. 1–9. Сеул, 1992.

Хёгён онхэ [孝經 諺解. «Перевод на корейский язык и комментарии к “Канону сыновней почтительности”»] (ксилограф из библиотеки Института востоковедения при университете Тангук, Сеул. Шифр «ко147 кён694х В2» (古147 경694 ≡ В2)).

Хёёльхэн чжокпи нокчип [효열행적비록집, 孝烈行蹟碑錄集. «Собрание текстов стел в честь почтительных детей и верных жен»]. Ёнтхон, 1990.

Хёхэннок [孝行錄; «Записи о поступках почтительности к родителям»] (ксилограф. изд.) 1600 г. – Библиотека «Чхансогак» Академии Корееведения, Республика Корея. Шифр В9FC7).

Хёхэннок. Юн Хочжин ёк [孝行錄; 尹浩鎭 譯. «Записи о поступках почтительности к родителям». Перев. Юн Хочжина]. Сеул, 2004.

Чонбон «Нон о» чипчу [正本 論語 集註, ортодоксальный текст «Лунь юя» и собрание комментариев]. Сеул, 1985.

Чхончжамун, Мёнсим богам [千子文, 明心寶鑑]. Сеул, 1990.

Чху Чжок. Мёнсим богам [秋適. 명심보감]. Сеул, 1995.

На западноевропейских языках

Classics (The Chinese). Vol. I–IV / Transl. by J. Legge. Hong Kong, 1861–1871.

The Book of Filial Duty / Transl. from the Chinese of the Hsiao Ching by Ivan Chen. With the Twenty-Four Examples from the Chinese. London, 1908.

The Chinese classics Vol. 1–7 / Ttransl., critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes by J. Legge. London, 1893.

The Chinese classics Vol. 1–5 / Transl., critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes by J. Legge. Hong Kong, 1982.

The sacred books of the East (China). The texts of Confucianism. P. 1–4 / Transl. by J. Legge. Oxford, 1879–1885.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Библиография Кореи. 1917–1970. М., 1981.
- Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. И.М.Ошанина. М., 1984.
- Большой корейско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. М., 1976.
- Васильев А.Г., Рачков Г.Е.* Из истории преподавания и изучения корейского языка в Санкт-Петербургском университете. К столетию начала преподавания корейского языка в Санкт-Петербургском университете и пятидесятилетию основания отделения корейской филологии и истории Коре в Ленинградском университете // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.
- Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 1983.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
- Волков С.В.* Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.
- Воробьев М.В.* Очерки культуры Кореи. СПб., 2002.
- Джарылгасинова Р.Ш.* Заметки по эпиграфике Когурё // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.
- Джарылгасинова Р.Ш.* Этногенез и этническая история Кореи по данным эпиграфики: («Стела Квангэтхо-вана»). М., 1979.
- Дмитриева В.Н.* Из истории российского корееведения // Вопросы истории Кореи 2004. СПб., 2004.
- Еременко Л.Е., Иванова В.И.* Корейская литература. М., 1964.
- Жданова Л.В.* Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб., 1998.
- Зенина Л.В.* Ученый. Учитель. Человек. Гражданин. 120 лет со дня рождения Николая Васильевича Кюнера // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы науч. конф. СПб., 1997.
- Ионова Ю.В.* Обряды и обычаи и их социальные функции в Корее. М., 1982.
- История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
- История Кореи: В 2 т. М., 1974.
- История Кореи: (Новое прочтение) / Под. ред. А.В. Торкунова. М., 2003.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М., 1989.
- Карапетьянц А.М.* Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982.
- Ким Чен Ир.* Об идеях чучхе. Пхеньян, 1982.

- Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994.
- Китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. М., 1955.
- Классическое конфуцианство: В 2 т. СПб., 2000.
- Кобзев А.И.* Теоретическая новация в неоконфуцианстве как текстологическая проблема // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982.
- Кобзев А. И.* Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
- Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
- Конрад Н.И.* Неопубликованные работы, письма. М., 1996.
- Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. М., 1982.
- Концевич Л.Р.* История российского корееведения // Корееведение: Избранные работы. М., 2001.
- Корея: Путеводитель. Сеул, 2004.
- Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб.; М.; Краснодар, 2003.
- Кроль Ю.Л.* Родственные представления о «доме» и «школе» (*цзя*) в древнем Китае // Общество и государство в Китае. М., 1981.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Курбанов С.О.* Биография конфуцианцев в неофициальной истории династии Корё «Мокчэ касук хвичхан Ёса» // Российское корееведение: Альманах. Вып. 3. М., 2003.
- Курбанов С.О.* Влияние традиционной категории «почтительности к родителям» на отдельные социальные институты современной Кореи // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. М., 2003.
- Курбанов С.О.* Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция: Осень 2001. № 4 (7). М., 2002.
- Курбанов С.О.* Из корейских дневников // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 5–6. СПб., 2003.
- Курбанов С.О.* Историографические аспекты земельных отношений в Корее X–XIV веков по материалам «Составленной истории [Ко]рё»: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
- Курбанов С.О.* Корейская религия чынсандо: Краткое изложение основных идейных постулатов. Личные впечатления: (Опыт многостороннего описания объекта) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб., 2005.
- Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002.
- Курбанов С.О.* О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. СПб., 1996.
- Курбанов С.О.* Описание одной церемонии жертвоприношений духам «коса» в современной Южной Корее // Кюнеровские чтения (1998–2000). Краткое содержание докл. СПб., 2001.

Курбанов С.О. Особенности «Истории Корё» Мок Че как частной династийной истории // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XXIV. Ч. 1. М., 1991.

Курбанов С.О. Отражение категории почтительности к родителям хё в корейских конфуцианских сочинениях XII–XV вв. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 7. СПб., 2004.

Курбанов С.О. Отражение категории почтительности к родителям хё в корейском памятнике «Мёнсим богам» // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб., 2005.

Курбанов С.О. Российское историческое корееведение в контексте развития отечественной историографии: (О некоторых трудностях объективного характера) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар 2001. СПб., 2002.

Курбанов С.О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений предкам в Корее // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997.

Курбанов С.О. «Хёгён онхэ» как пример корейского средневекового двуязычного текста // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 3–4. СПб., 1999.

Курбанов С.О. Элементы традиционной дальневосточной общественной мысли в северокорейских идеях *чучхе* в 1980–1990-е гг. // Междунар. науч. конф. «Восточная Азия–С.-Петербург–Европа: межкультурные контакты и перспективы экономического сотрудничества». Тезисы и докл. СПб., 2000.

Ланьков А.Н. Корея: Будни и праздники. М., 2000.

Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995.

Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.

Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Перев. с кор.; Под ред. С.О. Курбанова. М., 2000.

Лукьянов А.Е. «Чжун юн»: конфуцианское учение о середине // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. М., 2003.

Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 1–2. СПб., 2001.

Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.

Никитина М.И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо. СПб., 1994.

Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV века. М., 1969.

Описание Кореи: Сокращ. переизд. М., 1960.

Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003.

Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

- Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
- Переломов Л.С.* Конфуций. «Лунь юй». М., 1998.
- Петрова О.П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.; Л., 1956; Вып. 2, М.; Л., 1963.
- Повесть о Сим Чхон / Перев. Г.Е. Рачкова и Лим Су // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М., 1960.
- Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
- Светозаров С.В.* Конфуцианский характер семейно-родственных отношений в традиционной Корее (до середины XX века) // Российское корееведение: Альманах. Вып. 2. М., 2001.
- Сидихменов В.Я.* Китай: Страницы прошлого. М., 1987.
- Симбирцева Т.М.* Корея на перекрестке эпох. М., 2000.
- Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985.
- Тихонов В.М.* История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 года. М., 2003.
- Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.) СПб., 2004.
- Троцевич А.Ф.* Описание корейских письменных памятников, хранящихся в библиотеке восточного факультета С.-Петербургского университета // Вестник Центра корейского языка и культуры СПбГУ. Вып. 2. СПб., 1997.
- Тягай Г.Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.
- Тягай Г.Д.* Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983.
- Тяпкина Н.И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984.
- Эберхард В.* Китайские праздники. М., 1997.
- Югай В.Б.* «Чжун юн»: текст в традиции // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. М., 2003.
- Ян Хинишун.* Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984.
- На корейском языке*
- Абэ Ёсио.* Ильбон-ый чхунхёрон [阿部 吉雄. 日本의 忠孝論. «Теория почтительности к родителям и верности государству в Японии»] // Тхвеге хакпо [退溪學報. «Научный вестник Тхвеге»]. N 15. Сеул, 1977.
- Ан Бёнок.* Хёсим [안 병옥. 효심. «Чувство почтительности к родителям»] // Хё [효. Почтительность к родителям]. Сеул, 1987.
- Ан Чжонгён.* Ханминчжок-ква чынсандо [안 전경. 한민족과 증산도. «Корейская нация и чынсандо»]. Сеул, 1989.

Кван-хон-сан-чже каре сосик пэкква [冠婚喪祭 家禮 書式 白科. «Энциклопедия домашних ритуалов: совершеннолетие, бракосочетание, похороны, жертвоприношения»]. Сеул, 1995.

Кёнгидо кёюк вивонхве. Нэ-га корын чхун, хё, йе-ый киль [경기도 교육위원회. 내가 걸은 충, 효, 예의 길. «Комитет народного образования провинции Кёнгидо. Путь верности, сыновней почтительности и ритуала, по которому я прошел»]. Кёнгидо, 1982.

Ким Вонъён. «Самган хэнсильдо»-е тэхаё [김 원용. «삼강행실도 (三綱行實圖)»에 대하여. «Об “Иллюстрациях реальных поступков [следования] Трех заповедям”»] // Самган хэнсильдо [삼강행실도. «Иллюстрации реальных поступков [следования] Трех заповедям»]. Т. 1: Почтительные дети. Сеул, 1982.

Ким Кёндон. Хангугин-ый кчхигван-гва сахве ыйсик [김 경동. 한국인의 가치관과 사회의식. «Система ценностей и общественное сознание корейцев»]. Сеул, 1993.

Ким Сонгын. Пусан синэ чхочжундын хаксэн-ый хё ыйсиг-е кванхан ёнгу [김 성근. 부산 시내 초중등학생의 효 의식에 관한 연구. «Исследование, связанное с сознанием сыновней почтительности у школьников начальной и средних школ города Пусана»]. Пусан, 1977.

Ким Чжун. Хёсим-гва сэ мабль чжонсин [金 準. 孝心和 새마을 情神. «Чувства почтительности к родителям и дух движения за новую деревню»] // Чхунхё сасан [忠孝思想. «Идеология почтительности к родителям и верности государству»]. Сеул, 1980.

Ким Чжэын. Хангугин-ый ыйсик-ква хэндон янстик. [김재은. 한국인의 의식과 행동 양식. «Сознание и поведение корейцев»]. Сеул, 1988.

Кубо Норитада. Тогёса [道敎史. «История даосизма»]. Сеул, 1990.

Кхурьбанопхы Серыгеи О. Хануг-ый хё-ва хёндэ сахве кучжо [쿠르바노프 세르게이 О. 한국의 효와 현대 사회 구조. Курбанов Сергей О. «Почтительность к родителям в Корее и современное общество»] // 1995 ханнёдо каыль хаки ёнгу пальпхё моым [1995 학년도 가을 학기 연구발표 모음. «Сборник статей осеннего семестра 1995 учебного года»]. Сеул, 1995.

Кым Чжантхэ. Ханугк хёндэ-ый югё мунхва [琴章泰. 韓國現代의 儒敎文化. «Корейская современная конфуцианская культура»]. Сеул, 1999.

Ли Ганно. Сеси пхунсок-ква минсок нори [이강로. 세시풍속과 민속놀이. «Обряды и обычаи календарного цикла и народные игры»]. Сеул, 1988.

Ли Гильпхё. Каре-рыль тхонхэ пон хангугин-ый ыйсик кучжо ёнгу [이길표. 가례를 통해 본 한국인의 의식구조 연구. «Исследование [национального] сознания корейцев, рассмотренное через домашние ритуалы»]. Сеул, 1982.

Ли Сонгу. Хангуг-ый хё [李成九. 韓國의 孝. «Корейская почтительность к родителям»]. Сеул, 1987.

Ли Сончжэ. Югё сасан-гва ыйребок [李善宰. 儒敎思想과 儀禮服. «Конфуцианская идеология и ритуальные одежды»]. Сеул, 1992.

Ли Суннён. Чунсе куго мунпоп. 15 сеги о-рыль чу-ро хаё [中世 國語 文法. 15 세기어를 주로하여. «Грамматика средневекового корейского языка. Язык XV века»]. Сеул, 1990.

- Ли Хёнчжон*. Тонъян ёнпхё [李 鉉淙. 東洋 年表. «Дальневосточные хронологические таблицы»]. Сеул, 1992.
- Ли Хонвон*. Качжон погам [李洪原. 家庭寶鑑. «Семейная энциклопедия»]. Сеул, 1988.
- Ли Хынчжик*. Сэ кукса сачжон [이 흥직. 새 國史 事典. «Новая энциклопедия корейской истории»]. Сеул, 1992.
- Ли Чжунчжэ*. Ханминчжок са [李重宰. 韓民族史. «История корейской нации»]. Сеул, 1992.
- Ли Ынбэк*. Хё [이 은백. 효. «Почтительность к родителям»] // Хё [효. «Почтительность к родителям»]. Сеул, 1987.
- Лим Анхон*. Юга-ый хёдо сасан [林安弘. 儒家의 孝道思想. «Линь Анхун. Конфуцианские воззрения на почтительность к родителям»]. Сеул, 2002.
- Нарисава Масару*. Корё – Чосон сидэ соса мунхак пальчжон-ый ёнгу [成澤勝. 高麗 – 朝鮮 時代 敘事 文學 發展의 研究. «Изучение развития повествовательной литературы эпохи Корё и Чосон»]. Сеул, 1995.
- Пак Сонхун*. Танви о сачжон [朴成勳. 單位語辭典. «Словарь единиц измерения»]. Сеул, 1998.
- Пён Тхэсон*. Хангукса тхоннон [邊 太燮. 韓國史通論. «Очерки по истории Кореи»]. Сеул, 1996.
- Пэ Гапче*. Инсэ-гва хёдо [배 갑제. 人生과 孝道. «Человеческая жизнь и Путь почтительности к родителям»]. Сеул, 1998.
- Пэк Намчхоль*. Хё-ый ёнгу [白 南喆. 孝의 研究. «Исследование почтительности к родителям»]. Сеул, 1977.
- Сахвечжуый кансондэгул консоль сасан [사회주의 강성대국 건설사상. «Идеи построения сильного, процветающего, великого социалистического государства»]. Пхеньян, 2000.
- Син Тхэун*. Хангук квисин ёнгу [신태훈. 한국귀신연구. «Исследование корейских духов»]. Сеул, 1989.
- Сон Инсу*. Хангугин-ый хёдо мунхва [손인수. 한국인의 효도문화. «Культура пути почтительности к родителям корейцев»]. Сеул, 1997.
- Сон Гютхак*. Сэ сидэ-ый хё [성규탁. 새시대의 孝. «Хё новой эпохи»]. Сеул, 1996.
- Сэ куго сачжон [새 국어 사전. «Новый словарь родного языка»]. Сеул, 1992.
- Ури маль кхын сачжон [우리말 큰 사전. «Большой словарь нашего языка»]. Т. 1–4. Сеул, 1992.
- Хангуг-ый чеса [한국의 제사. «Корейские [церемонии] кормления духов предков»]. Сеул, 2003.
- Хангук кёюкса [韓國教育史. «История образования в Кореи»]. Сеул, 1995.
- Хангук минчжок мунхва тэбэкква сачжон [한국 민족문화 대백과 사전. «Большая энциклопедия корейской национальной культуры»]: В 28 т. Сеул, 1993.
- Хангук сахакса-ый ёнгу [韓國史學史의 研究. «Исследование историографии Кореи»]. Сеул, 1992.
- Хангукса тхыккан [한국사 특강. «Специальные лекции по истории Кореи»]. Сеул, 1990.

- Хан Ёну*. Чосон хуги сахакса ёнгу [韓 永遇. 朝鮮 後期 史學史 研究. «Исследование по историографии позднего периода Чосон»]. Сеул, 1989.
- Хан Тхэвон*. Хангуг-ый хё-ва хёхэн [한 태원. 韓國의 孝와 孝行. «Почтительность к родителям и акты почтительности к родителям Кореи»]. Сеул, 1989.
- Хван Ыйдон*. Хангуг-ый юхак сасан [황의동. 한국의 유학사상. «Корейская конфуцианская мысль»]. Сеул, 1995.
- Хё сасан-гва мирэ сахве [孝思想과 未來社會. «Идеи сыновней почтительности и общество будущего»]. Сеул, 1995.
- Хён Сангюн*. Чосон юхакса [현상윤. 조선 유학사. «История корейского конфуцианства»]. Сеул, 2003.
- Хёндэ чосонмалъ сачжон [현대 조선말 사전. «Современный словарь корейского языка»]. Пхеньян, 1981.
- Чан Гигын*. Тодок юлли хёдо-ый волли-ва сильчхон [장기근. 도덕 윤리 효도의 원리와 실천. «Истоки и реалии морали, нравственности и пути почтительности к родителям»]. Сеул, 1996.
- Чон Бонгу*. Хёдо югам [정 봉구. 효도 유감. «Чувство сожаления о пути почтительности к родителям»] // Хё [효. «Почтительность к родителям»]. Сеул, 1987.
- Чон Хэсон*. Чосон чхорхакса [정해섭. 조선철학사. «История корейской философии»]. Пхеньян, 1982.
- Чосон чонса [조선전사. «Полная история Кореи»]. Т. 1–20. Пхеньян, 1979–1981.
- Чосон чхорхакса [조선철학사. «История корейской философии»]. Пхеньян, 1982.
- Чхве Боник*. Чосон чхорхакса кэё [최봉익. 조선철학사개요. «Краткая история корейской философии»]. Пхеньян, 1986.
- Чхве Гильсон*. Хангуг-ый чосан сунбэ [최길성. 한국의 조상숭배. «Культ предков Кореи»]. Сеул, 1986.
- Чхве Гындок*. Хангук юхак сасан ёнгу [崔根德. 韓國 儒學 思想研究. «Исследование конфуцианской мысли Кореи»]. Сеул, 1992.
- Чхве Ёнсон*. Хангук юхак сасанса [崔英成. 한국유학사상사. «История корейской конфуцианской мысли»]. Т. 1–2. Сеул, 1994.
- Чхве Мунхи*. Ккот норэ, хаян норэ. Чхун хё ияги [최문희. 꽃노래 하얀노래. «Песня цветов, белая песня. Рассказы о верности и сыновней почтительности»]. Сеул, 1980.
- Чхве Сансу*. Качжон погам [崔常壽. 家庭寶鑑. «Семейная энциклопедия»]. Сеул, 1979.
- Чхве Синхэ*. Хангугин-ый хё [최 신혜. 한국인의 효. «Почтительность к родителям корейцев»] // Хё [효. «Почтительность к родителям»]. Сеул, 1987.
- Чхве Сонгю*. «Сонгён-чжок хё»-ран муосинга [최성규. “성경적 효”란 무엇인가. «Что такое “библейская почтительность к родителям?”»] // Хёхак кэрон [효학 개론. «Теория хё»]. Сеул, 2001.
- Чхве Сонгю*. Хёхак чхоннон [최성규. 효학총론. «Общая теория науки о хё»] // Хёхак кэрон [효학 개론. «Теория хё»]. Сеул, 2001.

Чхунхё сасан [忠孝思想. «Идеи верности государю и почтительности к родителям»]. Сеул, 1980.

Чынсандо синан [증산도 신앙. «Вера чынсандо»]. Тэчжон, 2003.

Ю Бонхо. Хангук кёюк квачжон са ёнгу [劉奉鎬. 韓國 教育 課程史 研究. «Исследование истории процесса образования в Корее»]. Сеул, 1992.

Ю Сечжон, Хан Санам. Ури-ый ппури хё [유세중, 한상남. 우리의 뿌리 효. «Хё – наши корни»]. Сеул, 1993.

Ю Сынгук. Хангуг-ый югё [류승국. 한국의 유교. «Корейское конфуцианство»]. Сеул, 1988.

Ю Тхэсу. Югё мунхвакквон-е иссо хё-ва кёнчже пальчжон [劉太洙. 儒敎 文化圈에 있어 孝와 經濟發展. «Почтительность и экономическое развитие в ареале конфуцианской культуры»] // Хё сасан-гва мирэ сахве [孝思想과 未來社會. «Идеология почтительности к родителям и общество будущего»]. Сеул, 1995.

Ю Хонсик. Хё кёюк-ыль вихан хё ыйсиг-ый ёнгу [柳洪植. 孝敎育을 위한 孝意識의 研究. «Исследование сознания почтительности к родителям для обучения почтительности к родителям»]. Масан, 1987.

Югё тэ сачжон [儒敎 大事典. «Большая энциклопедия по конфуцианству»]. Т. 1–2. Сеул, 1990.

Юн Сасун. Хангук юхак нонъён [尹絲淳. 韓國儒學論研. «Изучение вопросов корейского конфуцианства»]. Сеул, 1980.

Юн Сонбом. Хё-ран муосинга [윤성범. 효란 무엇인가. «Что такое хё»]. Сеул, 1995.

Юн Тхэрим. Чхунхё сасан [윤 태림. 충효사상. «Идеология почтительности к родителям и верности государству»] // Хё [효. «Почтительность к родителям»]. Сеул, 1987.

На китайском языке

Цзы юань [辭源. «Источник слов»]. Т. 1. Пекин, 1979.

Чжунго женьмин дацзыдянь [中國 人名 大 辭典. «Большой словарь китайских имен»]. Шанхай, 1984.

На западноевропейских языках

Boltz W.G. Hsiao ching // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe). Berkeley, 1993.

Choi Joon-sik. Korean's view of life and death // Korea Journal. 1996. Vol. 36. N 2.

Confucianism / Transl. by J. Legge. Part. 1. Oxford, 1882–1899.

Deuchler Martina. The Confucian transformation of Korea. A Study of Society and Ideology. Cambridge, 1992.

Eckert Carter J., Lee Ki-baik and others. Korea Old and New. A History. Seoul, 1990.

Janelli Roger L. Ancestor worship and Korean society. Stanford, 1982.

Keum Jang-tae. Confucianism and Korean thoughts. Seoul, 2000.

Korean Philosophy: Its Tradition and Modern Transformation. Seoul, 2004.

Kourbanov Serguei. Belief in Ancestral Spirits and Junior/Senior Relations in Korea // Newsletter: Association for Korean Studies in Europe. Leiden. October 1995. N 19.

Kourbanov S.O. Elements of Traditional Confucian Thought in the North Korean *Juche* Ideas // Proceedings of the International Conference “100 Years of the Korean Studies of St. Petersburg University”. St. Petersburg, 1997.

Kourbanov S.O. Elements of the Far Eastern Traditional Thought in North Korean *Juche* Ideas of the 1980s–1990s // Exploring of Origin of Homo Koreanus. Daegu (ROK), 2001.

Kourbanov S.O. Principles of the Neo-Confucian Working Up of an Historical Text: on the Example of ‘Composed History of Koryo’ by Mokche // Newsletter: Association for Korean Studies in Europe. Leiden. October 1993. N 17.

Kourbanov Serguei O. The Belief in the Spirits of Deceased and Seniors-Juniors Relation in Korea // 17th Conference of the Association for Korean Studies in Europe. Abstracts. Prague, 1995.

Kurbanov Sergey O. Historical transformation of Korean perception of filial piety (孝) as reflected in Korean moral books of 14th–17th centuries // Proceedings of the 2nd World Congress of Korean Studies. Seoul; Peking, 2005.

Lee Kwang-gyu. Korean traditional culture. Seoul, 2003.

Moon Okpyo. Ancestors Becoming Children of God: Ritual Clashes between Confucian Tradition and Christianity in Contemporary Korea // Korea Journal. 1998. Vol. 38. N 3.

Prendergast D. From Elder to Ancestor: Old Age, Death and Inheritance in Modern Korea. Hawaii, 2005.

Minjung Essence Korean-English Dictionary. Seoul, 1990.

Park Won. Traditional Korean Thought. Seoul, 2002.

Walraven B.C.A. Confucians and shamans // Cahiers d’Extreme-Asie. 1991–1992. Paris; Kyoto, 1992. N 6.

Women and Confucian Cultures in Premodern China, Korea, Japan. Berkeley; Los Angeles; London, 2003.

Периодические издания

Чосон ильбо [조선일보. Корейский ежедневный вестник]. [Газета]. Сеул, 1994.

Ресурсы Интернета

Домашняя страничка «Люблю маму» (Республика Корея) www.onlymom.com

Домашняя страничка организаторов южнокорейской кампании «За исполнение почтительности к родителям» www.hyodohaja.com

Домашняя страничка протестантской «Академии Пути почтительности к родителям Сонсан» (성산효도대학원대학교) (Республика Корея) www.hyo.ac.kr

Домашняя страничка южнокорейской «Ассоциации хё» www.hyo.or.kr

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**ФАКСИМИЛЬНАЯ КОПИЯ КСИЛОГРАФА
ТРАКТАТА «ХЁГЁН ОНХЭ»**

孝經諺解

어버이 잘 섬김을 효호라 하고 성인의 글월을經이라 하느니라

仲尼나 一閒한居기시니 曾子가 侍坐좌시니 子曰 參乎

先王이 有은至지 德이 要은道도 以이 順은天던 下하하시니 民民用은

和화睦목야 上상 下하 一無은怨원하디 汝여 一知디 之지 乎호아

仲尼나 子子나 子子나 一한가히거시기니 曾子가 子子나 子子나

되서 안자셔시니 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나

이라 아先王이시니 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나

天던 下하를 順은하시니 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나

야우히며 아래怨원하시니 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나

曾子가 辟席曰 參乎 不불敏만나어 何하足족以이 知디 之지

과잇

曾子가 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나 子子나

셔알리잇고

於百百姓刑于四海하蓋天天子之孝하라

이 비이름스럼은이노敢감히사름의게惡오치아니하고어비이를공
경은이노敢감히사름의게慢만치아니하고니스럼은이공경하기를
어비이침김에다함德덕教교一百百姓의게더함야四海하네다
안이니면하를에법이되리니天天子의孝호라

在至上장不驕교고而不危위고制節謹度도滿만而
이不溢일나고高고而不危위所所以長當守貴귀을滿만而
이不溢일은所所以長當守貴귀니富부貴귀를不離리其身身
然然後후能능保보其기社社稷稷而而和化其기民民人인니蓋개
諸侯후之之孝호라

우희잇치고만치아니함면노와도위티치이니하고만디저를쓰노를지
제함며법도를삼가면가득함여도넘치지아니함노와도위티치아
니함은여기리貴귀를직히노배오가득함여도넘치지아니함은여기리
富부를직히노배니富부와貴귀를그몸에셔너지아니함然然後후에사

음안보호대그빅청음

和化케호리니諸君侯후의孝호이라

非比先王^은왕^의之^의法^을법^을服^함복^을
不^는불^로敢^하감^하服^함복^을

법언언_은 불_은 감_은 도_도 때_때 비_비 先_先 왕_王 지_지 덕_덕 행_행 언_언 불_은 감_은

行행 非비 是는 故고 以로 非비 用用 法法 置置 不不 量量 言言 然然 非非 非非 道道 不不 是是 行行 行行 口口 無無 于于

擇言아니唯身아니無辜아니擇行아니行아니滿아니天아니下아니하도아니無辜아니辜아니過아니과

行滿天_하도₁無₂怨₃惡₄也₅
 三_삼者_자一₁備₂矣₃然₄則₅

後후守수其기宗종廟묘蓋개卿경大대夫부之지孝효也야라

先王의 法의 옳지 아니하든 敢히 님지 아니하더 先王의 法

법의말씀이아니어든敢감히닐오지아니함先王의德덕의형。설

이아나어든敢감히行행치아나을지네. 이런故고로法법이아나어든닐

오지아니하며 道도 아니어든 行행치 아니하여 口에 갈릴 말씀이 업서

머름의 잘힐행. 실이 업손지라. 말이 주련. 下하에 가드. 흥야도. 업허물이 업.

시면형일이天련下하에가드후야도원망하며워호리업느니셰가지

가존然^하연後^하후에사能^하능히그宗^하종廟^하묘^{이제祠}로^소를직희리니卿^하경大^하대

夫^하부의孝^하효一^하라

資^하資於어事^하々父^하부야以^하이事^하々母^하모而^하而이愛^하의同^하동而^하而資^하資於어事^하々父^하부以^하이事^하々君^하군而^하而이敬^하경同^하동이故^하고로母^하모取^하취其^하기愛^하의而^하而이君^하군取^하취其^하기敬^하경而^하而兼^하겸之^하지者^하자一^하父^하부也^하야故^하고로以^하이孝^하효事^하事君^하군則^하즉忠^하충而^하而以^하이敬^하경事^하事長^하장則^하즉順^하순이忠^하충而^하而順^하순을不^하不^하失^하失^하실以^하이事^하事其^하기上^하상然^하然後^하후에能^하능保^하보其^하기爵^하작祿^하록而^하而이守^하守^하其^하其^하祭^하제祀^하々^하나^하蓋^하개士^하士々之^하지孝^하효也^하야라

아비첨기기에及^하되야써어미를첨기되스랑함이흔가지며아비첨기
기에及^하되야써어미를첨기되스랑함이흔가지라故^하고로어미게는그
스랑함을취하고어미를그공경함을취하니兼^하겸한거시아비라故^하
고로孝^하효로써어미를첨기면통성이오공경으로써어미를첨기면공순
함이니통성과공순을일치아니야써그우함을친然^하然後^하후에사能^하
히그비손과목을안보는더그祭^하제祀^하々를직희리니上^하상의孝^하효一^하라

用용天천之지道도也因인地디之지利리야謹근身신節절用용야以이養

양父母모모一此츠一庶셔人인之지孝호也야라

하늘도

블에내고더름에길우고마을에엮을쓰며싸의利리디각각맛
당호복익을시를因인야물을삼가떠쓰기를존절야셔父母모모를

양호이어庶셔人인의孝호一라

故교로自及天천子즈己이하하로至지于우庶셔人인히孝호無무終終始

시오而이患환不불及及者자一未미之지有유也야라니

故교로天천子즈로부터아리도庶셔人인에니르히孝호一당츄이며커

음이업고환란이밋지아닐이잇지아니하니라

右우經經一일章章야

右우經經章章야

子즈一曰왈君군子즈之지教교以이孝호也야非非家가至지而이日일

見견之지也야라教교以이孝호로所所以이敬경天천下하之지為爲人인

父母者자의教교以이悌테로所所以이敬경天천下하之지為爲人인兄형

者차의敎교以이臣인은所소以이敬경天텨下하之지爲위人인君군者자
니詩시云운愷개悌테君군子子之지民민之지父父母母호니非비至지德덕
면其기孰孰能능順순民민이如여此此者者大대者者乎호외리

子子一일은사되君군子子之지孝호로써마르침은집마다니르러날마다
보던거시아니라孝호로써마르침은써天텨下하에사름의아비되노니
를공경호노배오悌테로써마르침은써天텨下하에사름의兄형되노니
를공경호노배오臣신으로써마르침은써天텨下하에사름의남금되노
이를공경호노배니詩시에날오디愷개悌테호君군子子一일여백성의父
부母모一이라호니지극한德덕이아니면그귀能능히백성을順순함이이
러듯시그크리오

右우는傳傳之지首首章章이釋석至지德덕以이順순天텨下하하

右우는傳傳之지首首章章이니지극한德덕으로써天텨下하를順순함
을이석는다

子子一일은敎교民민親親愛愛의莫막善선於孝호외敎교民民禮례順

은 莫악 善선 於 어 梯 테 오 核 이 風 풍 易 역 俗 속 은 莫악 善선 於 어 樂 악 의 安 안
上 상 治 치 民 민 은 莫악 善선 於 어 禮 례 니

子 조 一 일 이 사 디 戚 성 을 親 친 하 며 소 랑 흥 을 마 르 침 은 孝 효 만 善선 하 니
업 고 戚 성 을 레 도 와 공 산 흥 을 마 르 침 은 悌 테 만 善선 하 니 업 고 風 풍 을
기 고 俗 속 을 밧 고 기 노 樂 악 만 善선 하 니 업 고 우 흥 편 안 게 하 며 戚 성 을 다
스 림 은 禮 례 만 善선 하 니 업 사 니

禮 례 者 자 는 敬 경 而 이 己 이 矣 의 라 故 고 로 敬 경 其 기 父 부 면 則 즉 子 조 悅 열
고 敬 경 其 기 兄 형 면 則 즉 弟 디 悅 열 고 敬 경 其 기 君 군 면 則 즉 臣 신 悅 열 하
敬 경 一 일 人 인 에 而 이 千 천 萬 만 人 인 이 悅 열 라 所 소 敬 경 者 자 一寡 과 의 而
이 悅 열 者 자 一衆 중 나 此 처 지 謂 위 要 요 道 도 라 니

禮 례 란 거 는 공 경 흥 이 름 이 라 故 고 로 그 아 비 를 공 경 하 면 조 식 이 짓 거 하
고 그兄 형 을 공 경 하 면 아 오 짓 거 하 고 그 伯 들 을 공 경 하 면 신 해 짓 거 하
니 人 사 를 공 경 흥 에 千 천 萬 만 사 를 이 짓 거 하 는 지 라 공 경 하 는 배 적 고
짓 거 흥 이 만 하 니 이 를 날 은 중 요 로 온 道 도 一 니 라

右^은傳^전之^지二^이章^장內^내釋^석要^요道^도也^야

右은傳廷의二이童장이니 종으로오道도를히척호다

曾子子及一曰왈甚심哉지라孝호호之지大대也야여子及一曰왈夫부孝호
 天천之지經경地지之지義의대民민之지行행대天천地지之지經경
 而이民민是是則즉天천之지明명因地지之지義의야以이順순天천下하是是則즉天천之지明명因地지之지義의
 其기政정이不불嚴엄而이治치니라
 其기政정이不불嚴엄而이治치니라

曾子子冬一子○샤되를삼한다孝호의큰이여子冬一子○샤되孝호도
하늘의經경이며씨의義의며복성의행실이라하늘과씨의經경을복성
이이에법맞느니하늘의발음을법맞으며씨의義의를인하여씨天天下
하를順순하느니라이러므로씨그마로침이肅숙지아니하여도일이며
그정시嚴엄치아니하여도다스느니라

右^우傳^전之^지三^삼章^장蓋^이釋^개以^이順^순天^천下^하也^야

右은傳년의三삼章章에서天天下하를順순은은을히척한다

子_스一曰알음척者_자明明_명王_왕之_지以_이孝_효治_치天_천下_하也_야에_에不_不를
敢_敢遺_遺小_小國_國之_지臣_臣心_心也_야而_而이_이況_況王_王於_於公_公侯_侯伯_伯子_子男_男也_야
孝_孝호_호아_아故_故로_로得_得萬_萬國_國之_지權_權心_心也_야以_이事_事其_其先_先王_王也_야
며

子_子스_스一_一을_을오_오사_사되_되네_네발_발그_그신_신님_님금_금이_이孝_孝호_호로_로써_써天_天下_하를_를다_다스_스리_리심_심에_에敢_敢
감_감히_히저_저근_근나_나라_라신_신하_하도_도기_기치_치아_아니_니하_하시_시니_니하_하물_물며_며公_公과_과侯_侯후_후와_와伯_伯과_과
子_子스_스와_와男_男이_이리_리오_오故_故로_로일_일만_만나_나라_라의_의것_것거_거하_하느_느로_로음_음을_을어_어터_터써_써그_그先_先王_王을_을심_심기_기시_시며

治_治國_國者_者자_자一_一不_不를_를敢_敢侮_侮모_모於_於鰥_鰥寡_寡과_과尼_니而_而이_이況_況王_王於_於士_士民_民
乎_乎호_호아_아故_故로_로得_得百_百姓_姓之_지權_權心_心也_야以_이事_事其_其先_先王_王也_야
나_나라_라를_를다_다스_스리_리니_니이_이敢_敢감_감히_히鰥_鰥寡_寡이_이며_며寡_寡과_과에_에도_도업_업슈_슈이_이여_여기_기지_지아_아니_니하_하느_느
하_하물_물며_며士_士와_와伯_伯성_성가_가故_故로_로伯_伯성_성의_의것_것거_거하_하느_느로_로음_음을_을어_어터_터써_써그_그先_先王_王을_을심_심기_기시_시며

治_治家_家者_者자_자一_一不_不를_를敢_敢失_失실_실於_於臣_臣妾_妾첩_첩也_야而_而이_이況_況王_王於_於妻_妻子_子스

왕호아故로得두人인之지權한心심야以이事々其기親친라니

짐을다스리노이敢감히臣臣과衆衆의게도일치아니하니호물며안회
와적식이故고로사룸의깃거호노모음을어더썩그어버이를섬기니라
夫부然然故고로生生則즉親친이安安之지時祭則則鬼鬼享享之지
라是시以이로天天天下하一和和平평야災災지害害一不不生生禍禍亂亂
이不不作작하故고로明明王王之지以이孝孝治治天天下하一如여此
초라詩詩云云有有覺覺德德行行을四々國國이順順之지니라

그런故고로사라쳐노어버이편안히녀기시고祭祭하면귀신이홀향하
노지라이러모로써天天天下하一和和平평야災災지害害나지아니하며
禍禍亂亂이作작지아니하노니故고로明明王王의孝孝로써天天天下하
다스리심이이러듯하노라詩詩에닐오리큰德德行行을네덕나라이順
순하단말니라

右우傳傳之지四々章章이釋釋民民用용和和睦睦上上下下無無怨
원하

인한야 여러 사랑함을 마르치 아니니 聖人인의 마르치심이 肅속지 아니하
야도 일이며 그정식 嚴엄치 아니하야도 다스림은 그인한배 본일시라

右우노傳傳_전之지五五章章이釋釋_석孝호노德덕_덕之지本本_본也

右우노傳傳_전의五五章章이니孝호노德덕_덕의本本_본을히석한다

子_자一曰_일 父부子_자之지道도_도도天_천性性_성也_也 君_군臣_신之지義의_의라父부
母_모一_일 生生_생之지性_성續_속莫_막大_대焉_焉인_인의君_군親_친臨_림之지性_성시厚_후
莫_막重_중焉_焉인_인의不_불愛_애其_기親_친親_친의而_而이愛_애其_기他_타人_인者_者자_자를謂_謂위
之지悖_배德_덕德_덕의不_불敬_경其_기親_친親_친의而_而이敬_경其_기他_타人_인者_者자_자를謂_謂위_之
지悖_배禮_례禮_례라

子_자一_일 言言_언사_사父부子_자之지道도_도도하_하는性_성이며님금과신하의義의라
父부母_모一_일 나으시니니음이어만큰이엄고님금이며어버이로臨_림하
시니厚_후호함이이만重_중중하니엄도다그어버이로사랑치아니하고다른
사름사랑하노니이로닐오되悖_배德_덕이라하고그어버이로공경아니
하고다른사름공경하노니이로닐오되悖_배禮_례라하느니라

右우노傳聞之지六륙章장이釋教교之지所由유生심하

右우노傳聞의六륙章장이니마르침의말되암아나노바를히척다
子노曰알孝호子노之지事々親친에居거則즉致치其기敬경고養양則
즉致치其기樂락고病병則즉致치其기憂우고喪喪則즉致치其기哀의고
祭제則즉致치其기嚴엄이五오者者一備비矣의然연後후에能능事々親
친이
친라

子노一 곧오사디孝호子노의어버이썬김에居거함애노그공경을닐위
고養양함애노그즐김을닐위고병애노그근심을닐위고상々애노그슬
허움을닐위고祭제애노그嚴엄함을닐을지나다첫가지가존然연後후
에사能능히어버이를썬김이니라

事々親친者者居거上상不不驕교하爲爲위下下不不亂란하在在醜취不
不爭爭하居거上상而이驕교則즉亡망하爲爲위下下而이亂란則즉刑형
政在醜취而이爭爭則즉兵병이三삼者者不不除제면雖雖介日日用용
三삼性性之지養양되猶猶爲爲위不不孝孝호也야라니

어버이 섬기느니 동우에 잇셔 교만치 아니함며 아뢰되야亂란치 아니함
며 동우에 잇셔 다로지 아니함느니 우에 잇셔 교만함면는 망함고 아뢰되
야셔亂란함면형벌함고 동우에 잇셔 다로면兵병함느니 세가지를 더지
아니함면비록날마다 세가지 牲牲으로 養양함들을 쓸지라도 오히려 不
孝후되느니라

右우 傳傳之지 七칠 章章이 釋釋 始시 於어 事事 親친 及及 言言 不不 敢敢 毀毀 刻刻 傷傷 上上 中中

右우 傳傳 傳傳의 七칠 章章이 니 어버이 섬김에 바로 솜과 밋 감히 험우
며 허여 보리지 아님을 형척함다

子子 曰曰 五五 刑刑 之之 屬屬 속이 三삼 千千 錢錢 而而 이 罪罪 죄 一一 算算 算算 大대 於於
어 不不 孝孝 孝孝 然然 니

子子 一一 算算 算算 사 닦다 첫가지 형벌의 三삼 千千 錢錢 이 로 되 罪罪 죄 一一 不不 孝孝 孝孝
에 서 큰 이 업느니라

要要 君君 君君 者者 無無 上上 上上 上上 非非 비 聖聖 聖聖 人인 者者 者者 無無 法法 法法 非非 비 孝孝 孝孝

者_는無_우親_친也_이此_초大_대亂_亂之_之道_도也_야라_니

인_인군_군을_을요_요구_구하_하는_는이_이는_는우_우를_를업_업시_시녀_녀김_김이_이오_오聖_聖人_人인_인을_을그_그르_르다_다하_하는_는이_이는_는어_어버_버이_이를_를업_업시_시녀_녀김_김이_이니_니
이_이크_크게_게어_어즈_즈려_려을_을道_도도_도니_니라_라

右_우는_는傳_傳傳_傳之_之八_八팔_팔章_章장_장라_라

右_우는_는傳_傳傳_傳의_의八_八팔_팔章_章장_장이_이라_라

子_子스_스一_一曰_曰왕_왕君_君군_군子_子스_스一_一事_事스_스上_上상_상進_進進_進思_思스_스盡_盡盡_盡忠_忠忠_忠退_退退_退思_思스_스補_補補_補보_보
過_過과_과야_야將_將將_將順_順順_順其_其其_其美_美美_美匡_匡匡_匡救_救구_구其_其其_其惡_惡惡_惡故_故故_故로_로上_上上_上下_下하_하一_一能_能
相_相相_相親_親親_親也_也詩_詩시_시曰_曰왕_왕心_心心_心乎_乎愛_愛愛_愛의_의矣_矣의_의不_不不_不謂_謂謂_謂矣_矣의_의라_라오_오中_中
忠_忠心_心心_心藏_藏藏_藏之_之지_지何_何하_하日_日일_일忘_忘忘_忘之_之지_지라_라오_오中_中

子_子스_스一_一曰_曰야_야君_君군_군子_子스_스一_一님_님금_금을_을침_침기_기되_되나_나아_아가_가면_면忠_忠忠_忠성_성을_을다_다함_함을_을성_성
각_각하_하며_며물_물려_려는_는허_허물_물을_을기_기을_을성_성각_각하_하야_야그_그아_아름_름다_다온_온것_것을_을將_將將_將하_하야_야順_順順_順
하_하고_고그_그사_사오_오나_나온_온것_것은_은匡_匡匡_匡하_하야_야救_救구_구하_하는_는지_지라_라故_故고_고로_로우_우와_와아_아리_리能_能하_하지_지
서_서로_로親_親親_親하_하는_는니_니詩_詩시_시에_에닐_닐오_오디_디口_口口_口에_에스_스랑_랑하_하거_거니_니엇_엇지_지닐_닐오_오지_지아_아니_니라_라

오마는 중심심에 감초왔거니 어니 날니즈리 오호니라

右은傳던之지九구章장이釋석中중於어事스君군하

子스一曰왈昔석者자에明明王왕이事스父부一孝호라故고로事스天던

이明明하事스母모一孝호라故고로事스地디一察찰하事스長장幼유一

順순하故고로上상下하一治치하天던地디明明察찰하神神明명이彰창

笑의라故고로雖슈天던子스되必필有유尊존也야니言언有유父부也

야必필有유先先也야니言언有유兄형也야니宗宗廟묘致치敬경은不

를忘망親친也야외修修身身慎신行행은恐공辱辱辱先先也야니宗宗廟묘

致치敬경에鬼귀神신이著터笑의라孝호梯梯之지至지一通통於어神신

明明하光광于우四스海하無우所소不不通通하詩시云云自스西서

自스東동하自스南남自스北북하無우思스不不服복하

子스一云云사디네발그신님금이아비심검이孝호하事스故고로하늘

심검이발그시며어미심검이孝호하事스故고로하늘심검이察찰하事스

얼음이며 어린아順允이라故로우히며아리다사려나하늘과다와
받그며슬퍼하면神神明명이나라나라故로비록天련子스라도
반드시尊존히잇시니아비잇심을니르며반드시문쳐하리잇시니兄
형이잇심을니르니라宗宗廟묘에공경을닐위옵은어버니를넋지아니
홈이오몸을맛그며형실을삼가문조상을욕할사져히홈이니宗宗廟묘
에공경을닐위면鬼귀神신이나라나느니라孝효이며悌테의지극홈이
神神明명에스며치며四四海히에잇나스못지아닐배업느니詩시에닐
오디西처으로부르며東동으로부르며南남으로부르며北북으로부르
성각하야服복지아닐이업다하느니라

右우는傳傳之지十십章章이釋釋天련子스之지孝효한

右우는傳傳의十십章章이天련子스之지孝효를히석한다

子스曰왈君군子스之지事스親친이孝효라故로忠忠可가移이於어
君군의事스兄형이悌라故로順允可가移이於어長장외居거家가이理
리라故로治치可가移이於어官官이是시以이로行행成成於어内내야

而名명立립於後世世矣의라

子조1 곧은사다君군子조의어버이섬김이孝효호호지라故고로통稱을
가히님금식옴기고兄형침김이悌테호호지라故고로공尊尊을가히일호
의게옴기고집의셔사로미다스리느니라故고로다스림을가히비슬에
옴기느니라이러므로썩형실이안에닐워일호미後後世世에셔느니라

右우_는傳傳_는之지_는十십_은一일_은章章_이니_니몸을세오며일호를베품과밋士
之지_는孝孝_호호_다

右우_는傳傳_는의十십_은一일_은章章_이니_니몸을세오며일호를베품과밋士
스의孝孝_호호를히척하_다

子조1曰왈閨閨_문문_문之지_는內內_에具구禮례_의의乎호嚴嚴_{父부}父부_와嚴嚴_{兄형}兄형_의의妻妻_{子조}子조_{臣신}臣신_{妾첩}妾첩_이猶유_{百百}百百_{姓성}姓성_{徒도}徒도_{役역}役역_{也야}야_{라니}라니

子조1 곧은사다閨閨_문문_문안예레도가존더일호아비와일호兄형이오
안호와조식과臣신과妾첩이百百_{姓성}姓성과徒도_{役역}役역_것것_하하_{니라}니라

右우_는傳傳_는之지_는十십_은二二_은章章_이

曾中子_一曰_一 爾若_一 夫_一 慈_一 愛_一 恭_一 敬_一 安_一 親_一 揚_一 名_一 參_一
 奚_一 聞_一 命_一 明_一 矣_一 的_一 外_一 敢_一 問_一 徒_一 宗_一 父_一 之_一 令_一 令_一 可_一 謂_一 孝_一 孝_一 乎_一
 호개_一 의_一

曾中子 조 1 끝 〇 샤 디 만 일 스 랑 하 기 와 공 정 하 기 와 어 버 이 를 편 안 케 흠
과 일 호 를 베 프 기 는 參 參 이 命 명 을 듯 조 와 거 니 와 敢 감 히 못 졌 노 니 아 비
의 令 령 을 조 참 이 가 가 히 考 考 라 널 오 리 잇 가

子ス曰。是。何。言。與。여。오。是。何。言。與。여。오。昔。昔。者。자。에。天。下
子ス。有。爭。爭。臣。臣。七。七。人。人。인。雖。亦。無。道。도。니。不。失。失。其。其。天。天。下。
하。諸。諸。侯。侯。齊。齊。有。爭。爭。臣。臣。五。五。人。人。인。雖。亦。無。道。도。니。不。失。失。其。其。
國。國。大。大。夫。夫。有。爭。爭。臣。臣。三。三。人。人。인。雖。亦。無。道。도。니。不。失。失。
其。其。家。家。士。士。有。爭。爭。友。友。二。二。人。人。인。雖。亦。無。道。도。니。不。失。失。其。其。名。名。
父。父。有。爭。爭。子。子。二。二。人。人。인。則。則。身。身。不。不。失。失。義。義。의。故。故。當。
當。不。不。失。失。義。義。의。則。則。子。子。不。不。失。失。可。可。以。以。不。不。失。失。爭。爭。於。於。父。父。母。母。臣。臣。不。不。失。失。可。

孝經言解
三
以이時時思스之지나

거상을삼삼年년의지나지아니함은빈성의게모춤이잇심을뵈이니棺
관槨과과와과니불을향야들며그簋보와簠를버려슬히호며擗擗踊
踊호고哭哭泣泣호야슬히보너며그宅宅兆도를점복호야安안厝조호
며宗宗廟묘를향야귀신으로써享享호며복과羹을에祭제祀스호야시
절로써성각게호니

生生事스愛의敬경死死事스哀의戚戚에生生民민之지本本이盡진矣
의며死死生生之지義의備비矣의니孝孝子子之지事事親親終終矣의대
사라셔섬기되스랑호고공경호고죽어셔섬기되슬허호에빈성의本本
이극진호며죽으며살음의義의마즈니孝孝子子의어버이섬김이맛춤
이니라

右우는傳傳之지十십四四章章장이

右우는傳傳之지十십四四章章장이라

孝孝經經言言解解終終

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**ПРАВИЛА ДОМАШНИХ РИТУАЛОВ КОРМЛЕНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ,
КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ¹**

¹ Нугу-на ккок арая-халь качжон чере помчжоль [누구나 꼭 알아야 할 家庭祭禮 凡節. «Правила домашних ритуалов кормления духов предков, которые должен знать каждый»]. Сеул, 1991. С. 1–15.

1. ВЫЗЫВАНИЕ ДУХА С НЕБЕС (강신 降神)

Имея смыслом обращение к духу 神位 (신위, синви – «божественная сила, дух») с тем, чтобы [он] спустился на землю и отведal подношений (음식), все участники церемонии (참사자 參祀者) начиная с распорядителя церемонии (祭主) встают перед поминальной табличкой (神位), после чего распорядитель церемонии садится на колени, воскуряет благовония и, приняв сосуд с ритуальным вином (술잔) от правого распорядителя церемонии (右執事), три раза наливает [содержимое] в [блюдо] с песком и пучком пырея (모사 茅沙) (мискантуса 띠), после чего дает пустой сосуд правому исполнителю и дважды совершает поклон.

2. [ПРИЗЫВАНИЕ] ДУХА К УЧАСТИЮ (參神 참신)

[Церемония призывания] духа к участию проводится после завершения [этапа] «Вызывание духа с небес». Распорядитель церемонии и нижестоящие [по положению] участники все одновременно поднимаются и, подойдя к поминальной табличке, дважды совершают поклон. Кроме того, если церемония кормления духа (祭祀) совершается перед [деревянной] поминальной табличкой синчжу (神主) [хранящейся в храме предков], прежде проводят «[Призывание] духа к участию», а если перед бумажной поминальной табличкой чибан (紙榜), то сначала совершают «Вызывание духа с небес».

3. НАЧАЛЬНОЕ ПОДНОШЕНИЕ (초헌 初獻)

Распорядитель церемонии [сначала], также как и во время «Вызывания духа с небес», сев на колени, воскуряет благовония, затем правый исполнитель церемонии наливает [ему] ритуальное вино (술) в сосуд, полученный от левого исполнителя церемонии (左執事), после чего [распорядитель церемонии] трижды наливает содержимое в [сосуд] с песком и пучком пырея и возвращает [сосуд] исполнителю, поддерживая [его] двумя руками. Исполнитель церемонии, получив его [двумя руками] (받들어), преподносит его сначала к табличке мужского предка (考位), а затем преподносит к табличке женского предка (妣²位).

4. ЧТЕНИЕ РИТУАЛЬНОГО ТЕКСТА (독축 讀祝)³

Чтение ритуального текста (祝文) называется токчхук (讀祝). После окончания «Начального подношения» исполнители церемонии все вместе садятся на колени и находящийся рядом с распорядителем церемонии «читающий» (축관) с достоинством садится на колени и медленно зачитывает ритуальный текст. После завершения чтения все участники одновременно поднимаются, дважды кланяются и садятся на свои места.

² Вместо обозначенного квадрата должен стоять иероглиф 批, но с «ключом» «женщина» 女.

³ Дословно токчхук (독축 讀祝) еще можно перевести как «чтение заклинания».

5. ВТОРОЕ ПОДНОШЕНИЕ (아헌 亞獻)

Подношение сосуда [с ритуальным вином] во второй раз [за церемонию] называется *ахон* (亞獻) и обычно совершается хозяйкой дома [женой распорядителя церемонии] (хозяйка должна кланяться не два, а четыре раза 四拜), хотя может совершаться и ближайшим к распорядителю церемонии родственником в порядке, аналогичном «Начальному подношению» (初獻), денежное подношение (대가) совершает распорядитель церемонии.

6. ЗАВЕРШАЮЩЕЕ ПОДНОШЕНИЕ (종헌 終獻)

Последнее подношение сосуда [с ритуальным вином] ближайшим к совершавшему «Второе подношение» родственником называется *чонхон* (終獻) [и состоит в том, что] совершавший «Второе подношение» (опечатка? – С. К.), получив сосуд [с ритуальным вином], так же как и во время «Начального подношения», трижды наклоняет его в [сосуд] с песком и пыреем, после чего подносит [к поминальным табличкам]. В зависимости от [традиций] семьи, также можно «выровнять палочки» (저箸를 고르다), хотя в соответствии с традициями каждой местности или [отдельной] семьи [всё это] может отличаться.

7. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВИНО (첨작 添酌)

Совершавший «Начальное подношение» садится на колени перед поминальной табличкой (神位) и, после того как правый исполнитель церемонии нальет в новый сосуд немного ритуального вина, берет его и передает левому исполнителю. Левый исполнитель, получив сосуд, трижды дополнительно наливает вино в то же место [сосуда] с песком и пыреем, что и совершавший «Завершающее подношение» (終憲), после чего дважды кланяется (再拜).

8. ВСТАВЛЕНИЕ ЛОЖКИ [ДЛЯ] НАЧАЛА ЕДЫ (계반삽시 啓飯插匙)

Открытие крышки пиалы с рисом и втыкание туда ложки (수저)⁴ называется *кебан сапси*. Во время втыкания ложки [ее] располагают так, чтобы низ ложки был направлен на восток (в сторону поминальной таблички (신위) – вправо от распорядителя церемонии). По отношению к человеку, совершающему церемонию, правая сторона соответствует востоку, а левая сторона – западу.

⁴ *Сучжо* (수저) в бытовой речи указывает не на ложку и палочки (как это трактуется в русско-корейских словарях), а только на ложку.

9. ЗАКРЫВАНИЕ ДВЕРЕЙ (합문 闔門)

Выход всех участников церемонии из комнаты и закрывание дверей, с тем чтобы спустившийся с небес дух (신위 - 神威 ?) вдоволь отведал (함양하다) выставленные [на поминальном столе в соответствии с правилами] ритуальное вино и угощения (제주음식), называется *хаммун*; в случае если кормление духов предков совершается в передней комнате с деревянным полом (대청), то спускаются [, выходят] во двор и тихонько ожидают [там]. Это дает время духу [предка] для вкушения блюд [«счастья» 飮福].

10. ОТКРЫВАНИЕ ДВЕРЕЙ (개문 開門)

Открывание дверей, закрытых во время [этапа] «Закрывание дверей» называется *кэммун*; распорядитель церемонии перед открыванием дверей сначала кашляет трижды и затем открывает дверь, после чего находившиеся снаружи все участники церемонии заходят в комнату. Троекратное покашливание [означает как бы предупредительный] стук в дверь.

11. ПОДНОШЕНИЕ ЧАЯ (헌다 獻茶)

После того как церемониальный суп *кэн* (羹) заменяется на рисовый отвар (송나물) и подносится [табличкам предков], троекратное зачерпывание ложкой по чуть-чуть церемониального риса и перекладывание его [в отвар] с последующим выравниванием палочек [и переложением их к другой закуске] называется «подношением чая» *хонда*; все участники церемонии на некоторое время садятся на колени и пробыв [затем] две-три минуты в положении поклона со сложенными перед лицом руками (음, 揖), после того как распорядитель церемонии кашляет, [снова] поднимают головы.

12. УБИРАНИЕ ЛОЖКИ И ЗАВЕРШЕНИЕ⁵ ЕДЫ (철시복반 撤匙復飯)

Вынимание из чашки с рисовым отваром (송나물그릇) лежащей там ложки с последующим закрыванием пиалы с церемониальным рисом (메그릇) называется *чхольси покпан*; во время [этапа] «Убирание ложки и завершение еды» церемония кормления духов предков (祭祀), входя в завершающий этап, уже практически за-

⁵ Перевод иероглифа «復» дан в упрощенном виде в значении «завершение». Его полным значением следует считать: «завершение с предполагаемым последующим возвращением (к подобному акту)».

канчивается, и распорядитель церемонии, так же как и участники церемонии, должны готовиться к [следующему этапу] «Прощанию с духом» (辭神).

13. ПРОЩАНИЕ С ДУХОМ (사신 辭神)

Все участники во главе с распорядителем церемонии (祭主) замолкают и [точно также] все с благочестивой душой дважды кланяются. Затем поминальная табличка (神主) переносится в тот храм предков (사당), где она прежде хранилась, а бумажную поминальную табличку (紙榜) вместе с ритуальным текстом (축문) распорядитель церемонии сжигает, что имеет значение прощания с духом (신위).

14. УБИРАНИЕ С ЖЕРТВЕННОГО СТОЛА (철상 撤床)

Завершение церемонии кормления духов и уборка [со стола, временная, до следующей церемонии] всех предметов церемонии (제수) называется чхольсан. «Предметами церемонии» называют разнообразные еду и напитки, [что были выставлены на столе] и, собирая [эти] предметы церемонии, собирают [их] по порядку начиная с задней (то есть дальней) части [стола], и таким образом участники церемонии начиная с распорядителя церемонии [постепенно] переходят к [завершающему этапу] «Вкушению счастья» (飮福).

15. ВКУШЕНИЕ СЧАСТЬЯ (음복 飮福)⁶

После окончания церемонии кормления духов предков, воспринимая [ритуальное] угощение как переданное предками и ставшее [носителем] счастья, все участники церемонии вместе с членами семьи собираются вместе и вкушают [его], что называется ымбок. Кроме того, иногда [церемониальными блюдами] угощают родственников (친족) либо соседей, или же приглашают соседей к себе, навестив перед тем старших членов их семей.

⁶ Из опросов жителей города Чанхан провинции Южная Чхунчхон удалось выяснить, что помимо 15 основных этапов церемонии кормления духов предков может быть еще один, завершающий. Смысл его состоит в том, что после «вкушения счастья» часть оставшихся церемониальных блюд выносят за порог дома, для того чтобы «накормить духов», которые живут у дверей и охраняют дом, либо которые могут «заглянуть в гости по дороге». Еда при этом никогда не убирается. Обычно ее съедают домашние животные, живущие во дворе.

